

Аркадій Аверченко.

Чернымъ
по
бѣлому.

РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

Типографія „Викторія“, Спб., Знаменская, 17, телеф. 32-48.

ВОЛГА.

I.

Въ буфетной комнатѣ волжскаго парохода за стойкой стоялъ здоровеннѣйшій мужчина и билъ ладонью руки по лицу качавшагося передъ нимъ молодого парня.

У парня было преравнодушное лицо, которое, казалось, говорило: „да скоро ты, наконецъ, кончишь, Господи“!

Здоровеннѣйшій мужчина приговаривалъ:

— Вотъ тебѣ разбитый бокаль, вотъ соусникъ, вотъ провансаль!

И бокаль, и соусникъ, и провансаль—какъ двѣ капли воды, походили другъ на друга: это были обыкновенныя пощечины, и различныя названія ихъ служили просто какими-то символами.

Послѣ провансаля буфетчикъ надѣлилъ парня „невытертыми рюмками“, „закапанной скатертью“ и какой-то „коробкой бычковъ“.

Когда парню пріѣдалось однообразіе ощущенія, парень поворачивалъ лицо въ другую сторону, и вторая, отдохнувшая, щека бодро выносила и „фальшивый цѣлковый отъ монаха“ и „теплое пиво“ и „непослушаніе маменькѣ“.

Толстый купецъ, пившій въ углу теплое пиво, восторженно глядѣлъ на эту сцену, дѣлая машинально тѣ же движенія, что и буфетчикъ, и качая лысой головой въ тактъ каждому удару.

— Что это такое?—спросилъ я радостнаго купца.

— Это—государь мой, наше русское волжское воспитаніе. Чтобы, значить, помнилъ себя. Сынокъ это евонный.

— Да, вѣдь, онъ его, какъ скотину, бьетъ?!

— Зачѣмъ, какъ скотину?.. Скотину безъ поясненія лунять, а онъ ему все такъ и выкладываетъ: „это, гово-

рить, за соусникъ, это за теплое пиво“. Парень, стало быть, и знаетъ—за что.

— И вы думаете, это помогаетъ?—брезгливо спросилъ я.

— Батюшка! А то какъ же? Да парень, послѣ этого ноги его будетъ мыть, да воду пить!

Я пожалъ плечами.

— Если первая часть этой операціи и имѣетъ гигиеническое значеніе, то вторая...

— Чего-съ?

— Я хочу сказать, что такое обращеніе дѣлаетъ человѣка глупымъ, забитымъ и тупымъ.

— Ничего-съ. Насъ такъ тоже учивали, а посмотрите— и на слово отвѣтимъ, и дѣло исдѣлаемъ.

Старая женщина подошла къ стойкѣ, поглядѣла на буфетчика и заботливо сказала:

— Ну, и будетъ. Ишь—ты упарился...

— Мать ихняя,—кивнулъ на нее купецъ. — Строгая семья, правильная.

Младшій членъ этой семьи, наконецъ, избавился отъ „соусниковъ“ и „монашескихъ монетъ“. Отецъ ударилъ его въ послѣдній разъ, оттолкнулъ и, придвинувъ къ себѣ стаканы, сталъ ихъ перетирать. Сынъ взялъ тарелку и, въ свою очередь, принялся тереть мраморную доску буфета.

— Правильно,—сказалъ мнѣ купецъ.—Удовольствіе исдѣлай, а работы не забывай.

II

Пароходъ подходилъ къ большому городу. На палубѣ стоялъ здоровенный буфетчикъ, одѣтый по дорожному, жена его и сынъ.

— Ну вотъ, Капитоша, вотъ тебѣ такое мое слово: штобы отъ матери никакой жалобы, штобы пассажиръ былъ безъ ропоту и штобы—безъ бою стекла. Парень

ты уже большой, многократно ученый—знаешь, какъ и что. Ключи тебѣ даны, довѣріе отцовское оказано—за симъ прощайте. Долженъ ты понимать свою самостоятельность.

— Поблагодари папеньку,—крикнула мать.—Эхъ, народъ теперь. Да я бы за это отцу... ноги бы мыть, да воду пить!

Эта странная формула исчерпывала, очевидно, всѣ взаимоотношенія младшихъ къ старшимъ. Выпитая вода являлась тѣмъ цементомъ, который неразрывно связывалъ членовъ семьи.

Парень Капитоша, опустилъ мутные сѣрые глаза, конфузливо вздохнулъ и повалился отцу въ ноги.

— Благодарствуйте, тятя.

— Ничего, что тамъ. Лишь бы все, какъ слѣдуетъ.

Вокругъ нихъ столпились пассажиры, съ интересомъ слѣдившіе за этой сценой.

Буфетчикъ расцѣловался съ женой и поклонился пассажирамъ.

— Уѣзжаю я по дѣлишкамъ, милостивые господа. Если что—не взыщите съ парнишки,—молодъ онъ, робокъ. Не забудьте, поучите его.

Лысый купецъ отозвался за всѣхъ:

— Поучимъ.

Зѣвнулъ и отправился спать... Ставились сходни...

.....
Когда пароходъ отчаливалъ отъ пристани того города, гдѣ буфетчикъ собирался устраивать дѣла, мать и сынъ стояли у перилъ и махали платками отцу, пришедшему послѣдній разъ проститься съ ними.

Вѣтеръ трепалъ бѣлыми платками, и полоса воды, между пароходомъ и пристанью, все ширилась и ширилась. Когда пароходъ отошелъ шаговъ на сто, Капитоша пересталъ салютовать, всмотрѣлся въ платокъ и пока-

залъ отцу кулакъ. Отець что-то закричалъ съ берега, но не было слышно.

Капитоша облокотился спиной о перила, сложилъ на груди руки и строго сказалъ, глядя на мать сѣрыми, мутными глазами:

— Ну, мамаша... Идите спать!

— Чего-жъ я пойду, дурашка. Солнышко-то еще не спряталось.

— Идите спать!—бѣшено взвизгнулъ сынъ.—Говорятъ вамъ—идите! Кто тутъ хозяинъ? Вы или я?

— Охъ, ты-жъ, Господи, — пролепетала струсившая мать.—Поди-ты, какой крикливый. Ну-ну.. Иду-иду Ты-жъ тутъ смотри, чтобы все...

— Пошла, пошла!

Оставшись одинъ, Капитоша плюнулъ на ладони и попытался пригладить взъерошенные волосы. Потомъ сдѣлалъ попытку выгнуть впалую грудь колесомъ. Ни то, ни другое не удалось ему. Онъ вздохнулъ и поплелся въ буфетъ. Я съ улыбкой послѣдовалъ за нимъ—его поведеніе заинтересовало меня.

Зайдя за стойку, Капитоша вынулъ бутылку французскаго шампанскаго, откупорилъ ее, открылъ широко громадный желтый ротъ, въ которомъ жадно извивался тонкій, сухой языкъ, и въ двѣ минуты перелилъ въ себя всю бутылку.

— Однако!—сказалъ я, удивившись.

— Видалъ?—захихикалъ онъ.

— Видалъ.

— Здорово?

— Да ужъ... Вашъ отецъ будетъ вами доволенъ.

Грудь его вогнулась еще больше и волосы сдѣлались мягкими.

— Товарищъ!—сказалъ онъ. —Господинъ! Долбанемъ еще одну, а?

— Спасибо, я днемъ не пью. И вамъ не совѣтую. Зайдутъ сейчасъ сюда пассажиры, а вы выпивши.

Дѣйствительно, какой-то маленькій чиновникъ зашелъ и, потирая руки, сказалъ:

— Пива.

— Нельзя!—взревѣлъ Капитоша.

— Почему?

— Буфетъ закрыть.

— Кто его закрылъ?

— Кто? Я, Капитонъ Ильичъ—очень пріятно познакомиться. Со мной, если желаете, выпьемъ. Шампанскаго, бордосскаго... Милый! Если бы ты видѣлъ, сколько здѣсь бутылокъ—самъ чортъ не пересчитаетъ. Пузатенькія, долги—всякія. Чесстн... слово.

Маленькій чиновникъ потоптался на мѣстѣ, облизалъ губы и неожиданно сказалъ:

— Ну, что-жъ, выпьемъ.

Капитоша суетливо вытеръ руку о полу пиджака и протянулъ ее ребромъ, неумѣло:

— Капитонъ Ильичъ, главный буфетчикъ этого парохода.—Садитесь! Ахъ, ты-жъ Господи! Вотъ пріятное знакомство. Скажите, саратовскія хористки еще не слѣзли?

— Нѣтъ, ѣдутъ. А что? Вы ихъ... сюда? Это ловко!

Капитоша захохоталъ и молодецкато побѣждалъ наверхъ.

— Зачѣмъ вы хотите пить съ нимъ?—спросилъ я.— Нехорошо.

— Да что онъ, ребенокъ, что-ли,—возразилъ чиновникъ.—Пусть себѣ молодой человекъ повеселится.

Черезъ минуту вошелъ Капитоша, во главѣ четырехъ, жизнерадостныхъ, смѣющихся дѣвицъ.

— Садитесь, барышни. Винцо сейчасъ будетъ, апельсины. Очень пріятно. Я Капитонъ Ильичъ, здѣшній

главный завѣдующій буфетнымъ отдѣленіемъ пароходной компаніи судоходства. Алле!

Слѣдомъ за дѣвицами вошелъ продавецъ коралловъ и старый актеръ, потертый и давно небритый.

— Ты кто? Коралловый торговецъ? Очень украшаетъ и наводитъ кавалеровъ на пріятныя мысли.

Капитоша суетился, бѣгалъ къ стойкѣ, выбиралъ кораллы, платилъ деньги, потомъ увидѣлъ на продавцѣ коралловъ оранжевый галстукъ и присталъ, чтобы тотъ уступилъ ему этотъ галстукъ.

— Расчудесный галстукъ! Продай, чего тамъ.

Повязался купленнымъ галстукомъ, надѣлъ на руки кольца съ кораллами и сталъ открывать бутылки съ виномъ.

Старый актеръ стоялъ въ углу, молча за нимъ наблюдая. Потомъ приблизился и сказалъ:

— Давай мнѣ пятьдесятъ рублей.

Капитоша обернулъ къ нему желтое, потное лицо и прищурился.

— За что?

— Да такъ. Давай. Ты теперь хозяинъ. Чего тамъ! Надо быть самостоятельнымъ.

— Пятьдесятъ рублей, — задумчиво переспросилъ Капитоша. — Ну, на!

— Вотъ такъ. А теперь налей мнѣ шампанскаго.

Одна изъ дѣвицъ обняла просіявшаго Капитошу за шею и сказала:

— Ты дай намъ на счастье, а мы тебя прославимъ.

— Какъ... прославите?

— Будемъ пѣть про тебя. Завсегда такъ. Гостей въ кабинетахъ славимъ.

— Здорово! — сказалъ Капитоша и ревниво добавилъ:

— Только меня что-бъ одного.

— Да, конечно. Ты-жъ хозяинъ. Какъ тебя звать?

— Капитонъ Ильичъ, главный управляющій пароходною частью...

— Ладно! Дѣвицы: Капитоша!

И хоръ дѣвиць нестройно запѣлъ:

Капитоша, Капитоша, Капитоша,
Капитоша, Капитоша, Капито-о-ша-а...
Капитоша-тоша-тоша,
Ша-ша-ша-ша-ша!

Капитоша сидѣлъ на стулѣ, истомленный славой, почетомъ и всеобщимъ уваженіемъ.

— Еще разъ!—попросилъ онъ, закрывъ глаза.

— Капитоша, Капитоша, Капито-оша-а!..

Онъ подперъ щеку рукой и заплакалъ. Это были слезы гордости, радости и сознанія потерянныхъ прежнихъ лѣтъ, такъ глупо прожитыхъ.

— Вотъ оно, настоящее то,—вѣроятно, думалъ бѣдный Капитоша, и сердце его радостно билось.

— Господа—крикнулъ актеръ.—За-мѣ-ча-тель-но-му и раз-про-един-ствен-ному Капи-тону Ильичу—мно-га-я лѣ-ѣ-ѣ-та!!

Дѣвицы пѣли...оборотистый продавецъ коралловъ плясалъ, безъ пиджака, погромыхивая своимъ ящикомъ.

Сумерки загляды вали въ окно...

— Дай мнѣ полтора ста рублей,—попросилъ актеръ,—для устройства театральнаго зданія въ Петербургѣ.— Дашь?

— Дамъ,—сказалъ Капитоша, всталъ, выпрямился и въ невыразимомъ экстазѣ крикнулъ:—Господа! Похожъ я на офицера?

Всѣ нашли, что—похожъ.

Дверь скрипнула и лысый купецъ, шаркая мягкими сапогами, вошелъ въ буфетную.

— А-а... Честная компанія... Это что-же такое?!

Онъ стоялъ съ полминуты, оглядывая всѣхъ. Потомъ

его взглядъ остановился на Капитошѣ, украшенномъ оранжевымъ галстукомъ, бархатнымъ пиджакомъ, купленнымъ у того же торговца кораллами и массой разноцвѣтныхъ колецъ на пальцахъ.

— А-а...—протянулъ лысый купецъ.

Онъ неторопливо завернулъ правый рукавъ, подошелъ къ Капитошѣ, размахнулся и сталъ бѣшено колотить по Капитошиной головѣ, которая, какъ арбузь на стеблѣ, беспомощно металась изъ стороны въ сторону.

И опять всякая пощечина звучала символически:

— Это тебѣ кораллы! Это дѣвки! Это за отца! Это за мать!

Всѣ потихоньку вышли изъ буфетной.

Утомившись лысый купецъ, присѣлъ за столикъ и приказалъ:

— Пива, подлюга! Если будетъ теплое — голову оторву.

Капитоша втянулъ грудь, прыгнулъ за стойку и, стуча коралловыми кольцами о бутылки, сталъ откупоривать пиво.

КЛУСАЧЕВЪ И ТУРКИНЪ.

(Верхъ автомобиля).

Вглядитесь повнимательнѣе въ мой портретъ... Въ уголкахъ губъ и въ уголкахъ глазъ вы замѣтите выраженіе мягкости и доброты, которая, очевидно, свила себѣ чрезвычайно прочное гнѣздо. Доброты здѣсь столько, что ея съ избыткомъ хватило бы на десятокъ другихъ угловъ губъ и глазъ.

Очевидно, это качество, эти черточки доброты, не случайныя, а прирожденныя, потому что отъ воды и мыла онѣ не сходятъ, и сколько ни теръ я эти мѣста полотенцемъ—доброта сіяла изъ уголковъ губъ и уголковъ глазъ еще ярче. Такъ,—вода можетъ замѣсить придорожную пыль въ грязь, но та же вода заставляетъ блестять и сверкать свѣжіе изумрудные листочки на придорожныхъ кустахъ.

Мнѣ хочется, чтобы всѣмъ вокругъ было хорошо, и, если бы наше бездарное правительство опомнилось, и пригласило меня на должность бесплатнаго совѣтника—можетъ быть, изъ нашихъ общихъ стараній что-нибудь бы и вышло.

Въ частной жизни я стремлюсь къ тому же: чтобы всѣмъ было хорошо. Откуда у меня эта Маниловская черта—я и самъ хорошенько не разберусь.

Однажды, весной, мой пріятель Туркинъ сказалъ мнѣ вскользь, во время нашего катанья на Туркинскомъ автомобилѣ:

— Вотъ скоро лѣто. Нужно подумать о томъ, чтобы снять этотъ тяжелый автомобильный верхъ и сдѣлать лѣтній откидной, парусиновый.

— Парусиновый?—переспросилъ я, думая о чемъ-то другомъ.

— Парусиновый.

— Автомобильный, парусиновый?

— Ну, конечно.

— Вотъ прекрасный случай!—обрадовался я.—Какъ разъ вчера я встрѣтился съ пріятелемъ, котораго не видѣлъ года два. Теперь онъ управляющій автомобильнымъ заводомъ, здѣсь же въ Петербургѣ. Закажите ему!

Мысль у меня была простая и самая христіанская: Туркинъ хорошій человѣкъ, и Клусачевъ хорошій человѣкъ. У Туркина есть нужда въ верхѣ, у Клусачева—возможность это сдѣлать. Пусть Клусачевъ сдѣлаетъ это Туркину, они познакомятся, и, вообще, все будетъ пріятно. И всякій изъ нихъ втайнѣ будетъ думать:

— Вишь ты, какой хорошій человѣкъ этотъ Аверченко. Какъ хорошо все устроилъ: одинъ изъ насъ имѣетъ верхъ, другой заработалъ на этомъ, и, кромѣ того, каждый изъ насъ приобрѣлъ по очень симпатичному знакомому.

Всѣ этиображенія чрезвычайно меня утѣшили.

— Право, закажите Клусачеву,—посовѣтовалъ я.

Туркинъ задумчиво вытянулъ губы трубочкой, будто для поцѣлуя.

— Клусачеву? Право не знаю. Можетъ быть, онъ сдеретъ за это?.. Впрочемъ, если это ваша рекомендація—хорошо! Такъ я и сдѣлаю, какъ вы настаиваете.

Дѣло сразу потеряло вкусъ и приняло странный оборотъ: вовсе я ни на чемъ не настаивалъ; лично мнѣ это не приносило никакой пользы и являлось затѣей чисто филантропической. А выходило такъ, будто Туркинъ сдѣлалъ мнѣ какое-то одолженіе, а я за это, съ своей стороны, долженъ взвалить на свои плечи отвѣтственность за Клусачева.

Я промолчалъ, а про себя подумалъ:

— Богъ съ ними. Зачѣмъ мнѣ возиться... Туркинъ пусть забудеть объ этомъ разговорѣ и закажетъ этотъ верхъ кому-нибудь другому.

Но Туркинъ относился ко мнѣ поразительно хорошо: черезъ недѣлю, встрѣтившись со мной, онъ озабоченно взялъ меня за плечо и сказалъ:

— Ну, что же вы? Я никому не заказывалъ автомобильнаго верха и жду вашего пріятеля Трепачева. Гдѣ же вашъ Трепачевъ?

— Клусачевъ, а не Трепачевъ.

— Пусть Клусачевъ, но мѣрку-то онъ долженъ снять? Я изъ-за него никому не заказалъ, а уже на-дняхъ лѣто.

— Хорошо,—сказалъ я.—Я увижусь съ нимъ и скажу.

— Да, но вы должны увидѣться, какъ можно раньше! Не могу же я, согласитесь, париться подъ этой тяжелой душной крышкой.

Въ тотъ день я былъ чѣмъ-то занятъ, а на другой день мнѣ позвонили по телефону:

— Алло! Это я, Аверченко.

— Слушайте, голубчикъ... Ну, что были вы уже у вашего Муртачева?

— Клусачева, вы хотите сказать.

— Ну, да. Не могу же я ждать, согласитесь сами. Вы уже были у него?

— Только вотъ собираюсь. Вѣдь этотъ заводъ на краю города. Ужъ у меня и извозчикъ заказанъ. Сейчасъ ъду.

Дѣйствительно, нужно было ѣхать.

Клусачевъ былъ хорошій человекъ и встрѣтилъ меня тепло.

— А, здравствуйте! Вотъ пріятный гость.

— Ну, скажите мнѣ спасибо: я вамъ заказикъ принесъ.

— А что такое?

— Верхъ для автомобиля одному моему пріятелю.

— У него ландолэ?

— Н...не знаю. Можетъ оно, дѣйствительно, такъ и называется. Беретесь?

— Взяться-то можно, только вѣдь эта штука не дешевая. Обыкновенно, думаютъ, что она дешевая, а она не дешевая.

— Ну, вы бы по знакомству скидку сдѣлали.

— Скидку? Ну, для васъ можно сдѣлать по своей цѣнѣ. Ладно! Обыкновенно, эти заказы не особенно интересны, но разъ вы просите—какіе же могутъ быть разговоры,..

Всѣ краски въ моихъ глазахъ сразу потускнѣли и сдѣлались сѣрыми... Эти люди не видѣли въ моихъ хлопотахъ простого желанія сдѣлать имъ пріятное, а упорно придавали всему дѣлу видъ личнаго мнѣ одолженія.

Бдучи обратно, я думалъ: что стоило бы мнѣ просто промолчать, въ то время, когда Туркинъ началъ разговоръ объ этомъ верхѣ... Онъ бы заказалъ его въ другомъ мѣстѣ, а Клусачевъ, конечно, прожилъ бы самъ по себѣ и безъ этого заказа.

Нѣкоторые писатели глубокомысленно сравниваютъ жизнь съ быстро мелькающимъ кинематографомъ. Но кинематографъ, если картина не нравится, можно пустить въ обратную сторону, а проклятая жизнь, какъ бѣшеный быкъ, претъ и ломитъ впередъ, не возвращаясь обратно. Хорошо бы (думалъ я) повернуть нѣсколько дней моей жизни обратно до того мѣста, когда Туркинъ сказалъ:

„Нужно сдѣлать откидной верхъ“... Взять бы послѣ этого и промолчать о Клусачевѣ.

Не течетъ рѣка обратно...

— Алло Вы?

— Да, это я.

— Слушайте, голубчикъ! Уже прошло три дня, а отъ вашего Кумачева ни слуху, ни духу.

— Клусачева, а не Кумачева.

— Ну, да! Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что уже пошли жаркіе дни, и мы съ женой буквально варимся въ автомобилѣ.

— Да я былъ у него. Онъ обѣщаль позвонить по телефону.

— Обѣщаль, обѣщаль! Обѣщаннаго три года ждутъ.

Я насильственно засмѣлся и сказалъ успокоительно:

— За то онъ ради меня дешево взялъ. По своей цѣнѣ. Всего 200 руб.

— Да? Гм!.. Странная у нихъ своя цѣна... А мнѣ въ Невскомъ гаражѣ брались сдѣлать за 180, и съ подъемнымъ стекломъ.. Ну, да ладно... Разъ вы уже заварили эту кашу—приходится ее расхлебывать.

Сердце мое похолодѣло: подъемное стекло! А вдругъ этотъ Клусачевъ дѣлалъ свои расчеты безъ подъемнаго стекла?

— Хорошо,—ласково сказалъ я.—Я съ нимъ... гм... поговорю... ускорю... Всего хорошаго.

— Алло! Это вы, Клусачевъ?

— Я!

— Слушайте! Что же съ Туркинымъ?

— А что такое?

— Вы, оказывается, до сихъ поръ не сняли мѣрки?

— Да все некогда. У насъ теперь масса работы по ремонту. Собственно говоря, мы бы за этотъ верхъ и совсѣмъ не взялись, но разъ вы просили, я сдѣлалъ это для васъ. Завтра сниму мѣрку...

— Алло! Вы?

— Да, я. Аверченко.

— Слушайте, что же это вашъ Крысачевъ — снялъ мѣрку, да и провалился. Уже недѣля прошла. Я не понимаю такого поведенія: не можешь, такъ и не берись... Навѣрное, онъ какой-нибудь аферистъ...

— Да нѣтъ же, нѣтъ,—сказалъ я умиротворяюще.— Это прекрасный человѣкъ! Рѣдкій отецъ семейства. Это и хорошо, что онъ такъ долго не появляется. Значить, уже дѣлаетъ.

— О. Господи! Онъ, вѣроятно, къ осени сдѣлаетъ этотъ злосчастный верхъ? Имѣйте въ виду, если черезъ три дня верха не будетъ—не приму его потомъ. И то, эту отсрочку дѣлаю только для васъ.

— Алло! Вы, Клусачевъ?

— Я.

— Слушайте, милый! Вѣдь меня Туркинъ ѣстъ за этотъ верхъ. Когда же...

— А, пусть вашъ Туркинъ провалится! Онъ думаетъ, что только одинъ его верхъ и существуетъ на свѣтѣ. Вотъ навязали вы мнѣ на шею горе-злосчастное. Прибыли никакой, а минутки свободной дохнуть не дадутъ.

— А онъ говорилъ,—несмѣло возразилъ я,—что у него брались сдѣлать этотъ верхъ за 180 рублей...

— Такъ и отдавалъ бы! Странные люди, ей Богу. Въ другомъ мѣстѣ имъ золотыя горы сулятъ, а они сюда лѣзутъ!

На моемъ письменномъ столѣ прозвенѣлъ телефонный звонокъ.

Я снялъ трубку, приложилъ ее къ уху и предусмотрительно пропищалъ тоненькимъ женскимъ голосомъ:

— Алло? Кто говоритъ?

Сердце мое чуяло: говорилъ Туркинъ.

- Баринъ дома?
- Нѣтути,—пропищаль я.—Уѣхамши.
- Куда-а-а?
- Въ Финляндію.
- А чтобъ его черти забрали, твоего глупаго барина. Надолго?
- На пять дѣнь.
- Послушай, передай ему, что такъ порядочные люди не поступаютъ! Чуть не тридцать градусовъ жары, а я по его милости долженъ жариться въ проклятой душной коробкѣ.
- Слушаю-сь,—пропищаль я.—Хорошо-сь.

Я даль отбой и, переждавъ минуту, позвонилъ Клусачеву.

- Алло!—сказаль я.—Квартира Клусачева?
 - Да,—сказаль женскій голось.—Вамъ кого?
 - Клусачевъ дома?
 - Дома. А кто говоритъ?
 - Аверченко.
 - Аверченко говоритъ,—сказаль женскій голось кому-то въ сторону.
 - А ну его къ чорту!—послышался отдаленный мужской голось.—Скажи, что только что я ушелъ.
 - Вы слушаете? Только что вышелъ баринъ. Сію минутку. Я-то думала, что онъ дома, а онъ, гляди, вышелъ.
 - Когда же онъ вернется?—терпѣливо спросилъ я.
 - Когда вернетесь?—справился женскій голось.
 - Скажи ему, что я.. ну, уѣхаль въ Финляндію; вернись черезъ три дня, что-ли.
 - Уѣхали въ Финляндію,—повторилъ рабски женскій голось...—черезъ три дня.
- Я швырнулъ трубку, бросидся на диванъ, и закрылъ

лицо руками: мнѣ представлялся Туркинъ, носящійся въ своемъ глухомъ закрытомъ автомобилѣ по жаркимъ душнымъ городскимъ улицамъ, и рѣдкіе прохожіе, заглянувъ въ автомобильное окно, въ ужасѣ шарахаются при видѣ чьего-то краснаго, мокраго, обвареннаго жгучей духотой лица, черты котораго искажены бѣшенствомъ и злобой.

Съ этого часа я безмѣрно полюбилъ столь рѣдкую лѣтомъ холодную сырую погоду. Дождь, вѣтеръ облегчали и освѣжали меня. Наоборотъ, жара дѣйствовала на меня ужасно: красное исковерканное бѣшенствомъ призрачное лицо, выглядывающее изъ чернаго мрачнаго гробообразнаго автомобиля, чудилось мнѣ.

Въ этотъ жаркій день я былъ именинникомъ, хотя въ календарѣ Аркадій и не значился: гуляя по улицѣ, я увидѣлъ открытый автомобиль съ прекраснымъ парусиновымъ верхомъ. Въ немъ сидѣлъ Туркинъ.

— А, — привѣтливо сказалъ я. — Поздравляю! Довольны?

— Ну, знаете, не могу сказать. Тянулъ, тянулъ этотъ Чертачевъ вашъ.

— Клусачевъ, — печально улыбнулся я.

— Клусачевъ онъ или кто, но содрать за парусиновый верхъ безъ подъемнаго стекла 200 рублей—это грабежъ! Удружили вы мнѣ, нечего сказать.

Я вздохнулъ, похлопалъ рукой по кузову автомобиля и безцѣльно спросилъ:

— Ландолэ?

— Ландолэ. Порекомендовали вы мнѣ, нечего сказать.

— Алло! Клусачевъ?

— Да, я. Кто говоритъ?

— Аверченко. Хорошо съѣздили?

— Куда?

— Въ Финляндію.

— Въ какую тамъ Финляндію?! Ахъ, да... Какъ вамъ сказать... Ужъ больно я истрепался за послѣднее время. Одинъ вашъ этотъ Туркинъ всѣ жилы вымоталъ. Работа хлопотливая, прибыли ни копѣйки, да еще изъ-за этого выгодный заказъ одинъ потеряли. Порекорендовали, нечего сказать!..

РОСКОШНАЯ ЖИЗНЬ.

Конкретное представление писца Бердяги о широкой привольной, красивой жизни заключалось въ слѣдующемъ: однажды года три тому назадъ, когда еще была жива Бердягина мать—онъ, по ея настоянію, пошелъ къ крестному Остроголовченко похристосоваться и, вообще, выразить свою любовь и почтеніе.

— Можетъ быть,—подмигнула веселая старуха,— этотъ негодяй и кровопійца оставить тебѣ что-нибудь послѣ смерти. Все-жъ таки крестный отецъ.

Бердяга пошелъ—и тутъ онъ впервые увидѣлъ ту роскошь, ту сверкающе-красивую жизнь, выше которой ничего быть не могло.

Ярко-желтые, крашеные масляной краской полы сверкали, какъ рѣка подъ солнцемъ; повсюду были разостланы бѣлые дѣвственные половики; мебель плюшевая; а въ углу прекрасной, оклеенной сѣро-голубыми обоями, гостиной былъ накрытъ бѣлоснѣжный столъ. Солнышко разсыпало самоцвѣтные камни на десяткахъ пузатыхъ бутылокъ съ коричневой мадерой, красной рябиновкой и таинственными зелеными ликерами; жареный нѣжный барашекъ съ подрумяненной кожицей дремалъ на громадномъ, украшенномъ зеленью блюдѣ въ одномъ углу стола, а толстый сочный окорокъ развалился на другомъ углу; все это перемѣшивалось съ пышнымъ букетомъ разноцвѣтныхъ яицъ, икрой, какими-то сырными издѣліями, мазурками и бабами; а когда крестный Остро-

головченко расцѣловался съ Бердягой, на Бердягу пахнуло превкуснѣйшей смѣсью запаха сигаръ и хорошаго одеколона.

И разговоръ, который велъ крестный съ Бердягой, тоже былъ пріятенъ, нравился Бердягѣ и льстилъ ему. Крестный не видѣлъ Бердягу лѣтъ семь, помнилъ его мальчишкомъ, а теперь, увидѣвъ высочайшаго молодца съ костлявымъ носатымъ лицомъ и впалой грудью—очень удивился.

— Какъ?! Ты уже выросъ?! Однако. Вотъ не думалъ! Да вѣдь ты мужчина!

По тону стараго Остроголовченко можно было предположить, что онъ гораздо менѣе удивился бы, если бы Бердяга явился къ нему тѣмъ же тринадцатилѣтнимъ мальчишкой, которымъ онъ былъ семь лѣтъ тому назадъ.

Смущенный и польщенный такимъ вниманіемъ къ своей скромной особѣ,—Бердяга хихикнулъ, переступилъ съ ноги на ногу, и тутъ-же рѣшилъ, что его крестный—прекрасный добрый человѣкъ.

— Да, да. Форменный мужчина. Служишь?

— Служу, — отвѣтилъ Бердяга, замирая отъ тайнаго удовольствія разговаривать съ такимъ важнымъ человѣкомъ въ прекрасномъ черномъ сюртукѣ и съ золотой медалью на красной лентѣ, данной Остроголовченкѣ за какія-то заслуги.

— Служу въ технической конторѣ Братъевъ Шумахеръ и Зайдъ, земледѣльческія орудія и машины, представители Альфреда Барраса, Анонимной компаніи Уніонъ и Джеффри Уатсона въ Шеффилдѣ.

— Вотъ какъ,—покачалъ головой крестный довольно любезно.—Это хорошо. Много получаешь?

— Двадцать семь рублей, да наградныя.

— Вотъ какъ! Прямо-таки мужчина. Ты помнишь, Егоръ Ильичъ, покойнаго Астафія Иваныча Бердягу. Это его сынокъ, Володя.

Гость Егоръ Ильичъ отнесся къ Бердягѣ не менѣе любезно—какъ настоящей свѣтскій человѣкъ.

— Да?—сказалъ онъ задумчиво.—Такъ, такъ. Служите?

— Служу,—радостно отвѣчалъ Бердяга, еле скрывая свою гордость, такъ какъ чувствовалъ себя центромъ вниманія многочисленныхъ визитеровъ Остроголовченки.

— А, гдѣ?

— Въ технической конторѣ братьевъ Шумахеръ и Зайдъ, земледѣльческія орудія и машины, представители Альфреда Барраса, Анонимной компаніи Уніонъ и Джеффри Уатсона, въ Шеффилдѣ.

— А какъ здоровье мамы?—спросила жена Остроголовченки, величественная старуха.

— Ничего, благодарю васъ, слава Богу. Она извиняется, что не могла придти—лежить, больная.

— Такъ, такъ,—съ элегантною разсѣянностью кивнулъ головой Остроголовченко.—Дай Богъ, дай Богъ. Ну, господа—попрошу къ столу. Закусите, чѣмъ Богъ послалъ.

Гости шумной, запинаящейся толпой двинулись къ столу.

— Пожалуйста, водочки, винца. Егоръ Ильичъ, Марья Платоновна! Сергѣй Васильичъ, Василій Сергѣевичъ! А ты Володя—пьешь?

Снова покраснѣвъ отъ этого знака вниманія, Володя Бердяга пролепеталъ, пряча въ карманы громадныхъ красныя руки:

— Кх! Иногда. Немножко. Я уже, въ сущности, пилъ.

— Ничего, выпей. Ну, прямо-таки—прямо мужчина. Служишь?

— Да... Въ технической конторѣ Братьевъ Шумахеръ и Зайдъ, земледѣльческія орудія и машины, представители Альфреда Бар...

— Берите ветчины,—любезно сказалъ хозяинъ длинному морщинистому старику.—Кажется запечена неплохо.

— Нѣтъ, вы мнѣ бы лучше не наливали,—нерѣшительно, конфузясь, говорилъ Володя.—Зачѣмъ вы беспокоитесь?

— Ничего. Ну, какъ мама. Здорова?

— Благодарю васъ. Она очень извиняется, что не могла...

— Да вы прямо ложкой берите икру! Ну много-ли ей ножомъ захватишь?

— Позвольте, я передамъ,—сказалъ Володя Егору Ильичу.

-- Спасибо. Такъ вы Астафія Ивановича покойнаго сынокъ? Пріятно, пріятно. Служите?

— Да... въ технической конторѣ Братъевъ Шумахеръ и Зайдъ, земледѣль...

— А почему мама не пришла?—спросила хозяйка, поправляя на столѣ горшокъ съ гіацинтомъ.

— Она извинялась очень, что не можетъ. Она...

— Совсѣмъ мужчина!—замѣтилъ вскользь Острогловченко.—Что десять-то лѣтъ дѣлаютъ! Ну, что-жъ, пора опредѣляться куда-нибудь и на службу!

Полы сверкали, половики сверкали, пахло гіацинтами и жаренымъ барашкомъ, гости были привѣтливы, отъ хозяина пахло одеклономъ, въ верхнемъ этажѣ чьи-то несмѣлыя дѣвичьи руки играли сладкій вальсъ, и Бердягѣ казалось, что онъ плаваетъ въ эфирѣ, покачиваясь на нѣжныхъ волнахъ самыхъ прекрасныхъ переживаній.

II.

Когда мать умерла, Бердяга продалъ ей кровать, салопъ, купилъ на вырученныя деньги семиструнную гитару, подстаканникъ и переѣхалъ на житье къ старухѣ Луковенковой, имѣвшей квартиру на одной изъ самыхъ тихихъ отдаленныхъ улицъ городка.

Жилъ писецъ Бердяга такъ: вернувшись со службы, обѣдалъ, часа два послѣ обѣда лежалъ на кровати, а

потомъ, напившись чаю изъ стакана съ металлическимъ подстаканникомъ, до самаго вечера сидѣлъ на деревянномъ крылечкѣ съ гитарой въ рукахъ.

Проходила барышня въ шляпкѣ, или баба съ ведромъ воды—Бердяга провожалъ ихъ взоромъ и игралъ тихонько на гитарѣ, напѣвая пѣсенку о монахѣ, жившемъ у дуба.

Это была его любимая пѣсенка; въ особенности нравилась ему странная, немного нескладная строка:

И громъ дубъ тотъ разразилъ...

— И-и громдубтотразразилъ!—меланхолически напѣвалъ Бердяга, вперивъ взоръ, если никого не было на улицѣ—въ небо.

Налюбовавшись на прохожихъ, на небо и наигравшись вдоволь на гитарѣ, Бердяга вставалъ, расправлялъ онѣмѣвшіе члены и шелъ ужинать.

Засыпая, любилъ вспомнить о чемъ-нибудь пріятномъ; конечно, большею частью, воспоминанія его, какъ привязанныя веревкой за ногу, вертѣлись около гостинной со сверкающими желтыми полами, узорными гардинами, столомъ, заставленнымъ разными прекрасными вещами, около блестящаго хозяина Остроголовченко, свѣтской его жены и толпы добрыхъ изящныхъ гостей.

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ Бердяга тѣ небрежные вопросы, которые задавались ему хозяевами и гостями и сейчасъ же забывались. Въ этой небрежности онъ видѣлъ подлинный шикъ и умѣнье вести бесѣду.

Бердягу трогало то, что вотъ, молъ, людямъ, можетъ быть, и совершенно неинтересно, служу я, или нѣтъ; но разъ они спрашиваютъ—значитъ, тутъ есть какое-то особое воспитаніе, умѣнье быть въ обществѣ пріятнымъ и доставить ближнему удовольствіе.

— Пригласить бы ихъ всѣхъ къ себѣ,—подумалъ однажды Бердяга.—Жа ль, что у меня комнатка малень-

кая. Ну, да ничего. Десять человекъ-то умѣстятся. Устроить такой же столъ, только поменьше, поставить ветчину, бутылку вина и крашенныя яйца. Придутъ, опять начнутся разговоры. Я надѣну сюртукъ, надушусь одеколономъ и какъ будто вскользь приглашу всѣхъ къ закусточкѣ. «Закусить, чѣмъ Богъ послалъ». Когда я скажу, что получилъ семь рублей прибавки у Шумахеровъ и Зайдъ—всѣ, навѣрно, будутъ удивлены. Послѣ первой рюмки скажу: «по одной не закусываютъ» и спрошу у крестнаго, какъ поживаетъ его супруга. Жаль, что краска на полахъ повыщербилась и покоробилась. Хорошо-бы, если-бы полы блестѣли. Потомъ гитару покажу. Будутъ просить играть... Сыграю что-нибудь.

И Бердягу вдругъ неожиданно и со страшной силой потянуло къ красивой праздничной жизни—хоть на одинъ день, именно тотъ день, когда люди дѣлаются лучше, добрѣе, воздухъ нѣжнѣе и солнце ярче.

Бердяга, погруженный въ свои мысли, всталъ съ кровати, зажегъ свѣчку и сталъ записывать:

Бутылка вина	:	70 к.
» водки	40 »
Пива 3 бутылки	42 »
Ветчина 1 р.	— »
Сардины	35 »
Колбаса, хлѣбъ и проч. 1 »	— »
Куличъ и 2 гіацинта въ горшкахъ 2 »	— »
Мелкіе расходы	13 »

Выходило шесть рублей.

Старые ботинки можно смазать чернилами, но галстукъ придется купить новый. Темнозеленый.

Въ ту же ночь—это была ночь подъ Страстную субботу—Бердяга написалъ десять писемъ—полупоздравительныхъ, полупригласительныхъ.

Выражая удовольствіе по поводу наступленія такого праздника, Бердяга имѣлъ почтительнѣйшую честь при-

нести поздравленія и былъ бы радъ, если-бы адресатъ вспомнилъ его, скромнаго человѣка, и осчастливилъ посѣщеніемъ, не брезгуя „закусить чѣмъ Богъ послалъ.“

III.

Пасхальное солнце добросердечно грѣло пасхальную землю и даже заглянуло въ окошечко Бердягиной комнаты. Но, памятуя о разности человѣческихъ положеній и о пропасти, отдѣлявшей Бердягу отъ Остроголовченко, оно не заиграло на бутылкахъ съ виномъ и пивомъ, не блеснуло рубинами и изумрудами на красныхъ и зеленыхъ яйцахъ, а ограничилось тѣмъ, что небрежно мазнуло золотой кистью по гитарѣ на стѣнѣ, поморщилось, наткнувшись на облупленный, покоробившійся полъ, и уползло—съ визитомъ къ купцу миллионеру Смушкину, квартиранту перваго этажа.

Бердяга — этотъ горемычный выскочка — сіялъ въ ожиданіи гостей. Показная роскошь губила людей и побогаче его, а всѣ эти зеленые галстуки, да одеколонъ, да пара гіацинтовъ по бокамъ кулича—все это за версту папахивало громадной трещиной въ Бердягиномъ бюджетѣ.

Съ улыбкой на лицѣ и полузакрытыми глазами, Бердяга въ сотый разъ оглядывалъ закуски, крашенныя яйца, свѣже вымытый полъ, крахмальную занавѣску на окнѣ, и думалъ:

— Какая громадная суматоха подымется около стола... „Рюмочку водки!“ — „Ахъ, что вы: не пью!“ — „Ну, одну— ради праздника!“ — „Развѣ что, ради праздника. За ваше здоровье.“ — “Служить изволите?“ — „Да, въ конторѣ. Техническая контора Шумахеръ и Зайдъ, земледѣльческія ору... Отчего же вы ветчины не берете? Пожалуйста, господа, не стѣсняйтесь“.

Подходя къ зеркалу, Бердяга дѣлалъ лицо стараго хлѣбосола, умѣющаго принять и угостить, душа-на-распашку, потомъ подходилъ къ окну, къ дверямъ и прислушивался.

Прошелъ назначенный въ письмѣ часъ... Прошелъ другой и третій.

Ни одна душа не явилась къ Бердягѣ.

Но раззоренный, голодный Бердяга еще крѣпился... Онъ ожидалъ гостей и, поэтому, боялся нарушить гармонию разложенной звѣздочками колбасы, плотно-слежавшихся сардинокъ и ветчины, замѣчательно искусно украшенной пучечками салата...

И-игромдубтотраз-разильъ...

Бердяга легъ на кровать и долго, съ оскорбленнымъ лицомъ, наблюдалъ за тѣмъ, какъ постепенно умирало навозившееся за долгій день солнце...

.....,

Въ двери постучались.

— Кто тамъ? Прошу!— вскричалъ Бердяга, вскакивая.

— Это я, Владиміръ Астафьичъ. Имѣю честь поздравить съ наступившимъ и, какъ говорится, на долголѣтіе и успѣхи въ занятіяхъ житейской сущности человеческого произрастанія.

Передъ Бердягой стоялъ высокій, краснощекій дѣтина, въ сѣромъ пальто и въ фуражкѣ съ золотымъ галуномъ—швейцаръ технической конторы Шумахеръ и Зайдъ земледѣльческія орудія.

Бердяга разочарованно осмотрѣлъ его и на мгновеніе опустилъ голову.

Было у него два исхода—аристократическій и демократическій.

Аристократическій заключался въ томъ, чтобы сказать небрежно: „ага! Спасибо, братецъ, спасибо“, дать сиротливо лежавшій въ жилетномъ карманѣ двугривенный, потрепать поздравителя снисходительно по плечу

и отпустить съ миромъ. Можно было сюда же внести еще кое-что отъ хлѣбосолянаго барина, души-на-распашку: датъ поздравителю стаканъ водки и кусокъ кулича съ ветчиной.

Другой исходъ былъ демократическій: махнуть рукой на всѣ эти условности, на всѣ эти „пропасти отдѣляющія“... на всѣ эти фигли-мигли,—а просто обнять краснощекаго дѣтину въ швейцарской фуражкѣ, похристосоваться съ нимъ, и, усадивъ за столъ, натѣшить желудокъ явствами, а душу—интересной бесѣдой о разныхъ вещахъ, приковывающихъ вниманіе такихъ вдумчивыхъ людей, какъ эти два одинокихъ холостяка.

Выборъ Бердыги палъ на аристократическіе поступки.

— Ага,—сказалъ онъ, вынимая двугривенный и всовывая его въ руку швейцара.—Спасибо, спасибо. Вотъ вамъ, братецъ. Хе-хе! Дѣло праздничное.

За аристократомъ потянулся и старый хлѣбосоль.

— Стаканчикъ водки не выпьете-ли? Кулича нашего попробуйте. Ветчинки...

Но, вѣроятно, всякій баринъ-хлѣбосоль—въ душѣ отчаянный демократъ, потому что Бердыга, наливъ гостю рюмку водки, неожиданно сказалъ:

— Стойте! И я съ вами тоже выпью.

Но педантичный аристократъ не хотѣлъ сдаваться такъ легко: налить-то себѣ онъ налилъ, но чокаться съ человѣкомъ, стоявшимъ на самой низкой ступени человѣческаго общества, почелъ неудобнымъ.

Однако, человѣкъ на низкой ступени, не замѣчая борьбы въ душѣ аристократически настроеннаго хозяина, взялъ въ руку свою рюмку и простодушно потянулся къ ней:

— Ну-съ, Владиміръ Астафьичъ... Дай вамъ Боже, съ праздничкомъ! Удовлетворенія вамъ всѣхъ естественныхъ потребностей!

Было такъ: швейцаръ технической конторы стоялъ

у стола по одну сторону, а конторщикъ Бердяга по другую; когда они чокнулись и выпили, Бердяга обратилъ вниманіе на то, что, стоя, имъ неудобно разрѣзывать ветчину и намазывать ее горчицей.

— Можетъ, присядете? Э, да чего тамъ, какія церемоніи! Садитесь, Яковъ. Еще одну рюмочку, а?

— Ахъ, да я, въ сущности, не пью. Развѣ только ради праздника?... Ну, съ наступающимъ!

— Ваше здоровье! Служите?

Яковъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на Бердягу.

— Да какъ же! У насъ въ технической конторѣ.

— Знаю, знаю,—покровительственно сказалъ Бердяга.—Въ технической конторѣ братьевъ Шумахеръ и Зайдъ, земледѣльческія орудія и машины, представители Альфреда Барраса...

— Да... — привычной скороговоркой подтвердилъ Яковъ.—Анонимной компаніи Уніонъ и Джеффри Уатсона...

— Въ Шеффилдѣ! И давно служите?

— Да вотъ ужъ второй годъ. Сейчасъ же послѣ васъ опредѣлился.

— Кушайте, пожалуйста, Яковъ... какъ по отчеству?

— Семенычъ.

— Вотъ, я вамъ, Яковъ Семенычъ, выберу красненькое съ синей полоской. Матушка здорова?

— Ничего. Нынче только съ утра что-то...

— Можетъ быть, винца еще можно?

— Много будетъ, Владиміръ Астафьичъ.

— Ну, ужъ и много. А вотъ сардинки. Давно служите?

— Второй годъ. Прямо-таки скоро послѣ васъ опредѣлился, когда Альфредъ Густав...

— Ага! Это хорошо. А вотъ эта колбаса съ чеснокомъ, а эта безъ. Прошу, господа! Прошу закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Матушка ваша какъ поживаетъ?

— Такъ, вообще, ничего. Да сегодня старуха что-то, отъ обѣдни вертаясь...

— Ну, слава Богу. Это пріятно! Надѣюсь, пивца-то, вы выпьете? Ну, что ничего вамъ служится въ конторѣ братьевъ Шумахеръ и Зайдъ...

— Представители Альфреда Барраса,—машинально продолжилъ швейцарь.—Да пожаловаться нельзя. Иногда только передъ праздникомъ, когда...

— Ну, слава Богу, дай Богъ! Мамаша дома сидитъ. или въ гостяхъ?

— Дома. Она, Владиміръ Астафичъ...

— Такъ, такъ... А вотъ это моя гитара... Потомъ я вамъ сыграю.

Ушелъ швейцарь технической конторы Братьевъ Шумахеръ и Зайдъ отъ конторщика той же фирмы, довольно поздно—въ 11 часовъ.

Бердяга долго жалъ руку этому непрезентабельному гостю и просилъ „не забывать“.

А когда гость ушелъ, Бердяга, вернувшись въ комнату и прибирая на столѣ, долженъ былъ оцѣнить деликатность этого краснощекаго, дубоватаго на видъ парня: на скатерти среди крошекъ хлѣба и кулича лежалъ Бердягинъ двугривенный,—отвергнутая дань аристократизма во имя чумазой демократіи...

ФУНКЕЛЬМАНЪ И СЫНЪ.

разсказъ матери.

Я еще съ прошлаго года стала замѣчать, что мой мальчикъ ходитъ блѣдный, задумчивый. А когда еврейскій мальчикъ начинаетъ задумываться—это уже плохо. Что вы думаете, мнѣ обыскъ нуженъ, что-ли или что?

— Мотя,—говорю я ему,—Мотя, мальчикъ мой! Чего тебѣ такъ каламитно?

Такъ онъ подниметъ на меня свои глазки и скажетъ:

— Что значить—каламитно! Ничего мнѣ не каламитно.

— Мотя! Чего ты крутишь? Вѣдь я же вижу...

— Ой,—говорить,—отстань ты отъ меня, мама! У меня скоро экзамень на аттестатъ зрѣлости, а потомъ у меня есть запросы.

Обрадовалъ! Когда у еврейскаго мальчика появляются запросы, такъ господинъ околодочный цѣлую ночь не спитъ.

— Мотя! Зачѣмъ тебѣ запросы? Что ты ихъ на ноги надѣнешь. когда башмаковъ нѣтъ, или на хлѣбъ намажешь, вмѣсто масла? Запросы, запросы. Отцу твоему сорокъ шестой годъ—онъ даже этихъ запросовъ и не нюхалъ. И плохо, ты думаешь, вышло? Пойди, поищи другой такой галантерейный магазинъ, какъ у Якова Функельмана! Нужны ему твои запросы! Онъ даже картоночки маленькія по всему магазину развѣсилъ! „Цѣны безъ запроса“.

— Мама, не мѣшай мнѣ! Я читаю.

Онъ читаетъ! Когда онъ читаетъ, такъ уже мать

родную слушать не можетъ. Я черезъ тебя можетъ сорокъ двѣ болячки въ жизни имѣла, а ты носъ въ книжку всунуль и думаешь, что умный, какъ раввинъ. Геніальный ребенокъ.

Вижу—мой Мотя все крутить и крутить.

— Что ты крутишь?

— Ничего я не кручу. Не мѣшай читать.

Что это онъ тамъ такое читаетъ? Ой! Развѣ сердце матери это камень, или что? Я же такъ и знала! „Записки Крапоткина“! Тебѣ очень нужно знать записки Крапоткина, да? Ты будешь больной, если ты ихъ не прочтешь? Брось сейчасъ же!

— Мама, оставь, не трогай. Я же тебя не трогаю.

Еще бы онъ родную мать тронуль, шейгець паршивый!

И такъ мнѣ въ сердце ударило, будто съ камнемъ.

Куда вы думаете я сейчасъ же побѣжала? Конечно, до отца.

— Яковъ! Что ты тутъ перекладываешь сорочки? Убѣжать они что ли отъ тебя, или что? Онъ долженъ обязательно сорочки перекладывать...

— А что?

— Ты бы лучше на Мотю посмотрѣль.

— А что?

— Ему надо читать „Записки Крапоткина“, да?

— А что?

— Яковъ! ты мнѣ не крути. Что ты мнѣ крутишь! Скандала захотѣль, обыска у тебя не было, да?

— А что?

Это не челоуѣкъ, а дуракъ какой-то. Еще онъ мнѣ долженъ голову крутить!

— Тебѣ что нужно, чтобы твой сынъ въ тюрьмѣ сидѣль? Тебѣ для него другого мѣста нѣтъ? Надѣвайся, пойдемъ домой!

Вы думаете, что онъ дѣлалъ, этотъ Мотя, когда мы пришли? Онъ читалъ себѣ „Записки Крапоткина“.

— Мотька,—кричитъ Яковъ.—Брось книгу.

— А вы,—говорить,—ее подымете?

— Брось, или я тебя сію минуту по мордѣ ударю.

И какъ вы думаете, что отвѣтилъ этотъ Мотя?

— Попробуй! А я отравлюсь.

Это запросы называется!

— А, чтобъ ты пропалъ! Тебѣ для матери книжку жалко. Тебя кто рожалъ—мать или Крапоткинъ?

— А что вы,—говорить Мотя,—думаете? Можетъ я, благодаря ему, второй разъ на свѣтъ родился.

Ой, мое горе! Я заплакала, Яша заплакалъ и Мотя тоже заплакалъ. Прямо маскарадъ!

Вышли мы съ Яшей въ спальню, смотримъ другъ на друга.

— Хорошій мальчикъ, а? Ему еще въ носѣ нужно ковырять, а онъ уже Крапоткина читаетъ.

— Ну, что же?

— Яша! Ты знаешь, что? Нашего мальчика нужно спасти. Это же невозможно.

Такъ Яша мнѣ говоритъ:

— Что я его спасу? Какъ я его спасу? По мордѣ ему дамъ? Такъ онъ отравится.

— Тебѣ сейчасъ—морда. Интеллигентный человѣкъ, а разсуждаетъ какъ разбойникъ. Для своего ребенка головой пошевелить трудно. Думай!

Яковъ сѣлъ, сталъ думать. Я сѣла, стала думать. Умъ хорошо, а два еще лучше.

Дураемъ, дураемъ, хоть святыхъ вонъ выноси.

— Яша!

— А что?

— Знаешь, что? Нашего ребенка нужно отвлечь.

— Ой, какая ты умная—отвлечь! Чѣмъ я его отвлеку? По мордѣ ему дамъ?

— Ты же другого не можешь! Для тебя Мотькина морда это идеаль!.. Онъ ребенокъ живой — его чѣмъ-нибудь другимъ заинтересовать нужно... Нехай онъ влюбится, или что?

— Какая ты, подумаешь, гениальная женщина! А въ кого?

— Ну, пусть онъ побываетъ въ свѣтѣ! Поведи его въ кинематографъ или еще куда! Что, ты не можешь повести его въ ресторанъ?

— Нашла учителя! Что, я бывалъ когда-нибудь въ ресторанъ? Даже не знаю, какъ тамъ отворять дверей.

— Что ты крутишь! Что ты минѣ крутишь? Тебѣ это чужой ребенокъ? Это Крапоткинское дитѣ, а не твое? Такой большой дуракъ, и не можетъ мальчика развлекать.

Такъ пошелъ онъ къ Мотѣ, сталъ крутить:

— Ну, Мотечка, не сердись на насъ. Пойди съ отцомъ немного пройдишь. Я вѣдь же тебя люблю—ты такой блѣдненькій.

Ну, Мотька туда-сюда—сталъ крутить: то дайте ему главу дочитать, то у него ноги болятъ.

— Хорошій ребенокъ! Книжку читать—ноги не болятъ, а съ отцомъ пройтишь—откуда ноги взялись. Надѣвай, картузикъ, Мотенька, ну же!

Похныкалъ мой Мотечка, покапризначалъ — пошелъ съ папой.

Они только за двери—я сейчасъ же къ нему въ ящикъ... Боже тымой! И какъ это у насъ до сихъ поръ обыска не было—не понимаю! За что только, извините, полиція деньги получаетъ?.. И Крапоткины у него, и Бебели, и Мебели, и Малинины, и Буренины—прямо пороховой складъ. Эрфуртскихъ программъ— такъ цѣлыхъ три штуки! Какъ у ребенка голова не лопнула отъ всего этого?!

Ой, какъ оно у меня въ печкѣ горѣло, если бы вы знали! Быка можно было зажарить.

Въ одиннадцать часовъ вечера вернулись Яша съ Мотей, а на другое утро такой визгъ по дому пошелъ, какъ будто его рѣзали.

— Гдѣ мои книги?! Кто имѣлъ право брать чужую собственность! Это насиліе! Я протестуюсь!!

Функельманы, это вѣрно, любятъ молчать, но когда они уже начинаютъ кричать—такъ скандалъ выходитъ на всю улицу.

— Что ты кричишь, какъ дуракъ,—говоритъ Яковъ.— Отъ этого книжка не появится обратно. Пойдемъ лучше контру сыграемъ.

— Не желаю я вашу контру, отдайте мнѣ моего Энгельса и Каутскаго!

— Мотя, ты совсѣмъ сумасшедшій! Я же тебѣ дамъ фору—будемъ играть на три рубля. Если выиграешь, покупай себѣ хоть десять новыхъ книгъ!

— Потому только,—говоритъ Мотя,—и пойду съ тобой, чтобы свои книги вернуть.

Ушли они. Пришли вечеромъ въ половинѣ двѣнадцатаго.

— Ну, что, Мотя—спрашиваю.—Какъ твои дѣла?

— Хорошія дѣла, когда папаша играетъ, какъ маркеръ. Развѣ можно при такой форѣ кончать въ послѣднемъ шарѣ? Конечно же, онъ выиграетъ. Я не успѣю подойти къ билліарду, какъ у него партія сдѣлана.

Ну, утромъ встали они, Мотя и говоритъ:

— Папаша, хочешь контру?

— А почему нѣтъ?

Ушли. Слава Богу! Богъ всегда слушаетъ еврейскія молитвы. Уже Мотя о книжкахъ и не вспоминаетъ.

Раньше у него только и слышишь:

— Классовыя перегородки, добавочная стоимость, кооперативныя начала...

А теперь такія хорошія русскія слова:

— Красный по борту въ лузу, фора, очко, алагерь.
Прямо сердце радовалось.

Ну, пришли они въ двѣнадцать часовъ ночи—оба веселые, легли спать.

Пиджаки въ мѣлу, взяла я почистить—что-то торчитъ изъ кармана. Э, программа кинематографа: Хе-хе! Послѣ эрфутской программы, это, знаете, недурно. Богъ-таки поворачиваетъ ухо къ еврейскимъ молитвамъ!

Ну, такъ у нихъ такъ и пошло: сегодня биллиардъ, завтра биллиардъ, и послѣ завтра тоже биллиардъ.

— Ну,—говорю я какъ-то,—слава Богу, Яша... Отвлекъ ты мальчика. Уже пусть онъ немного позанимается. И ты свой магазинъ забросилъ.

— Рано,—говоритъ Яша.—Еще онъ еще вчера хотѣлъ открытку съ видомъ на Маркса купить...

Ну, рано, такъ рано.

Уже они кинематографъ забросили,—уже программки цирка у нихъ въ карманѣ.

Еще проходитъ недѣля—кажется, довольно мальчикъ отвлекся.

— Мотя, что же съ экзаменомъ? Яша, что же съ магазиномъ?

— Еще не совсѣмъ хорошо,—говоритъ Яша,—пождемъ недѣлку. Ты думаешь запросы такъ легко изъ человѣка выходятъ?!

Недѣлку, такъ недѣлку. Уже у нихъ покарманамъ не цирковая программа, а отъ кафешантана—ужасно бойкій этотъ Яша оказался...

— Ну, довольно, Яша, хватитъ! Гораздо бы лучше, чтобы Мотя за свои книги засѣлъ.

— Сегодня,—говоритъ Яша,—нельзя еще, мы одному человѣчку въ одномъ мѣстѣ быть обѣщали.

Сегодня одному человѣчку, завтра одному человѣчку... Вижу я, Яковъ мой крутить начинается.

А одинъ разъ оба этихъ дурака въ десять часовъ утра явились.

— Гдѣ вы были, шарлатаны?

— У товарища ночевали. Уже было поздно, и дождикъ шель, такъ мы остались.

Странный этотъ дождикъ, который на ихъ улицѣ шель, а на нашей улицѣ не шель.

— Я,—говорить Яша,—спать лягу, у меня голова болить. И у Моти тоже голова болить; пусть и онъ ложится.

Такъ вы знаете что? Взяла я ихъ костюмы, и тамъ лежало въ карманахъ такое, что ужасъ: у Мотьки черепаховая шпилька, а у Яши черный ажурный чулокъ.

Это тоже дождикъ?!

То эрфуртская программа, потомъ кинематографическая, потомъ отъ цирка, потомъ отъ шантана, а теперь такая программа, что плюнуть хочется.

— Яша! Это что значить?

— Что? Чулокъ! Что ты, чулковъ не видала?

— Гдѣ же ты его взялъ?

— У коммивояжера для образца.

— А зачѣмъ же онъ надѣванный? А зачѣмъ ты пьяный? А зачѣмъ у Мотьки женская шпилька?

— Это тоже для образца.

— Что ты крутишь? Что ты минѣ крутишь? А отчего Мотька спать хочеть? А отчего въ твоей чековой книжкѣ одни корешки? Ты съ корешковъ жить будешь? Чтобъ васъ громомъ убило, паршивцевъ!

И теперь вотъ такъ оно и пошло: Мотька днемъ за биллиардомъ, а ночью его по шантанамъ черти таскають; Яшка днемъ за биллиардомъ, а ночью съ Мотькой по шантанамъ бѣгаетъ. Такая дружба,—будто чортъ съ веревкой ихъ связалъ. Отецъ хоть изрѣдка въ магазинъ за деньгами пріѣдетъ, а Мотька совсѣмъ исчезъ! Пріѣдетъ, перемѣнитъ воротничекъ, и опять назадъ.

Нашъ еврейскій Богъ услышалъ еврейскую молитву

но только слишкомъ; онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ надо. Такъ Мотька отвлекся, что я день и ночь плачу.

Уже Мотька отца на билліардѣ обыгрываетъ и фору ему даетъ, а этотъ старый осель на него не надыхается.

И такъ они оба отвлекаются, что плакать хочется. Уже и экзаменовъ нѣтъ, и магазина нѣтъ. Все они изъ дому ташутъ, а въ домъ ничего. Развѣ что иногда принесутъ въ карманѣ кусокъ раздавленного ананаса, или половинку шелковаго корсета. И ужъ они крутятъ, ужъ они крутятъ...

Вы извините меня, что я отнимаю время разговорами, но я у васъ хотѣла одну вещь спросить... Тутъ никого нѣтъ поблизости? Слушайте! Нѣтъ-ли у васъ свободной эрфуртской программы или Крапоткина? Что вы знаете, утопающій за соломинку хватается, такъ я бы, можетъ быть, попробовала бы... Вы знаете что? Положу Мотѣ подъ подушку, можетъ, онъ найдетъ и отвлечется немного... А тому старому ослу—сплошное ему горе—даже отвлекаться нечѣмъ! Онъ уже будетъ крутить и крутить и крутить до самой смерти.

.

С В Я Т Ы Я Д У Ш И.

Бываютъ такіе случаи изъ жизни, въ которыхъ очень трудно признаться.

I.

Сегодня утромъ я, развернувъ газету и пробѣгая отъ нечего дѣлать отдѣлъ объявленій, наткнулся на такую публикацію:

«Натурщица — прекрасно сложена, великолѣпное тѣло, предлагаетъ художникамъ услуги по позированію».

— Хи-хи,—засмѣялся я внутренно.—Знаемъ мы, какая ты натурщица. Такая же, какъ я художникъ...

Потомъ я призадумался.

— Поѣхать, что-ли? Вообще, я человѣкъ такой серьезный, что мнѣ не мѣшало бы повести образъ жизни немного полегкомысленнѣй. Живутъ же другіе люди, какъ бабочки, перепархивая съ цвѣтка на цвѣтокъ. Самые умные, талантливые люди проводили время въ томъ, что напропалую волочились за женщинами. Любовныя исторіи Бенвенуто Челлини, фривольныя похожденія геніальнаго Байрона, автора глубокихъ, незабываемыхъ шедевровъ, которые останутся жить въ вѣкахъ... Извозчикъ!!

Въ глубинѣ большого мрачнаго двора я отыскалъ квартиру номеръ седьмой и позвонилъ съ нѣкоторымъ замираніемъ сердца.

Дверь открыла угрюмая горничная—замкнутое въ себѣ существо.

— Что угодно?

— Голубушка... Что, натурщица, вообще... здѣсь?

— Здѣсь. Вы художникъ? Рисовать?

— Да... я, вообще, иногда занимаюсь живописью. Вы скажите тамъ... Что, вообще, моль, все будетъ, какъ слѣдуетъ.

— Пожалуйте въ гостиную.

Черезъ минуту ко мнѣ вышла прекрасно-сложенная красивая молодая женщина въ голубомъ пеньюарѣ, который самымъ честнымъ образомъ обрисовывалъ ея формы. Она протянула мнѣ руку и привѣтливо сказала:

— Вы на счетъ позированія? Да? Художникъ?

«Пора переходить на фривольный тонъ»,—подумалъ я.

— Художникъ? Ну, что вы! Хе-хе! Откуда вы могли догадаться, что я художникъ?

Она засмѣялась.

— Вотъ тебѣ разъ! А зачѣмъ бы вы тогда пришли, если не художникъ. Въ академіи?

— Нѣтъ, не въ академіи,—вздыхнулъ я.—Не попалъ.

— Значитъ, въ частной мастерской, У кого?

Я общительно погладилъ ея руку.

— Какая вы милая! А вотъ догадайтесь!

— Да какъ же можно догадаться... Мастерскихъ много. Вы можете быть и у Сивачева, и у Гольдбергера, и у Цыгановича. Положимъ, у Цыгановича скульптура... Ну, еще кто есть?... Перепалкинъ, Демидовскій, Стремоуховъ... У Стремоухова, да? Вижу по вашимъ глазамъ, что угадала.

— Именно, у Стремоухова,—подтвердилъ я.—Конечно, у него.

Она оживилась.

— А! У Василья Эрастыча! Ну, какъ онъ поживаетъ?

— Да ничего. Пить началъ, говорятъ.

— Началь? Да онъ, кажется, лѣтъ двадцать, какъ пьетъ.

— Ну? Эхъ, Стремоуховъ, Стремоуховъ! А я и не зналъ. Думалъ сначала: вотъ скромникъ.

— Вы ему отъ меня кланяйтесь. Я его давно не видала... Съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ меня «дѣвушку со змѣей» писалъ. Я вѣдь давно позирую.

— Да вы серьезно позируете?—печально спросилъ я

— То есть, какъ серьезно? А какже можно иначе позировать?

— Я хотѣлъ сказать: не устаете?

— О, нѣтъ. Привычка.

— И, неужели, совсѣмъ раздѣваетесь?

— Позвольте... А то какже?

— Какже? Я вотъ и говорю: не холодно?

— О, я позирую только дома, а у меня всегда 16 градусовъ. Если хотите, мы сейчасъ можемъ поработать. Вамъ лицо, бюстъ, или тѣло?

— Да, да! Конечно!! Съ удовольствіемъ. Я думаю— тѣло. Безъ сомнѣнія, тѣло.

— У васъ ящикъ въ передней?

— Какой... ящикъ?

— Или вы съ папкой пришли? Карандашъ?

— Ахъ, какая жалость! Вѣдь я забылъ папку-то. И карандашъ забылъ.

Я помедлилъ немного и сказалъ, обращая мысленно взоры къ своимъ патронамъ: Байрону и Бенвенуто Челлини:

— Ну, да это ничего, что съ пустыми руками... Я..

— Конечно, ничего,—засмѣялась молодая женщина.—

Мы это сейчасъ устроимъ. Александръ!! Саша!

Дверь, ведущая въ сосѣднюю комнату, скрипнула...

Показалось добродушное лицо молодого блондина; въ рукѣ онъ держалъ палитру.

— Вотъ, познакомтесь: мой мужъ. Онъ тоже худож-

никъ. Саша! твой разсѣянный коллега пришелъ меня писать и забылъ дома не только краски и холстъ, но и карандашъ и бумагу. Охъ, ужъ эта богема! Предложи ему, чтонибудь...

Я испугался:

— Да что вы! Мнѣ неловко... Очень пріятно познакомиться... Я ужъ лучше домой сбѣгаю. Я тутъ... въ трехъ шагахъ. Я... какъ это называется...

— Да зачѣмъ же? Доска есть, карандаши, кнопки, бумага. Впрочемъ, вы, можетъ быть, масломъ хотѣли?

— Масломъ. Конечно, масломъ.

— Такъ пожалуйста! У меня много холстовъ на подрамникахъ. По своей цѣнѣ уступлю. Катя, принеси!

Эта проклятая Катя успѣла уже раздѣться, безъ всякаго стѣсненія, будто она одна была въ комнатѣ. Сложена она была, дѣйствительно, прекрасно, но я почти не смотрѣлъ на нее. Шагала она по комнатѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Ни стыда у людей, ни совѣсти.

Тяжесть легла мнѣ на сердце и придавила его.

— Поколотить онъ меня, этотъ художественный назойливый болванъ,—подумалъ я печально.—Подумаешь, жрецы искусства!

Катя притащила ящикъ съ красками, холстъ и еще всякую утварь, въ которой я совершенно не могъ разобратъся.

Мужъ ея развалился на диванѣ и, глядя въ потолокъ, закурилъ папироску, а она отошла къ окну.

— Поставьте меня,—сказала эта безстыдница.

— Сами становитесь,—досадливо проворчалъ я.

Она засмѣялась.

— Я же не знаю, какая вамъ нужна поза.

— Ну, станьте такъ.

Я показалъ ей такую позу, принявъ которую, она черезъ минуту должна была замертво свалиться отъ усталости.

Но эта Катя была выкована изъ стали.

Она стала въ позу и замерла...

II.

— Что вы дѣлаете?—удивленно сказалъ мужъ Саша.—Вы не изъ того конца тюбика выдавливаете краску.

— Вы увѣрены?—нагло засмѣялся я.—Покойный профессоръ Якоби совѣтовалъ выдавливать краску именно отсюда. Тутъ она свѣжѣе.

— Да вѣдь краска будетъ сохнуть!

— Ничего. Водой послѣ размочимъ.

— Водой?... Масляную краску?!

— Я говорю «водой» въ широкомъ смыслѣ этого слова. Вообще—жидкостью... Вотъ странная вещь,—перебилъ я самъ себя.—Всѣ краски у васъ есть, а тѣлеснаго цвѣта нѣтъ.

— Да зачѣмъ вамъ тѣлесный цвѣтъ? Такого и не бываетъ.

— Вы такъ думаете!? Въ... Художественныхъ письмахъ Александра Бенуа прямо указывается, что тѣло лучше всего писать тѣлеснымъ цвѣтомъ.

— Позвольте... Да вы писали когда-нибудь масляными красками?

— Сколько разъ! Разъ десять, если не больше.

— И вы не знаете смѣшенія красокъ?

— Я-то знаю, но вы, я вижу, не читали многотомнаго труда члена дрезденской академіи искусствъ, барона Фокса, „Искусство не смѣшивать краски“.

— Нѣтъ, этого я не читалъ.

— То-то и оно. А что же тутъ нѣтъ кисточки на концѣ? Одна ручка осталась и шишечка...

— Это муштабель. Неужели, вы не знаете, что это такое?

— Я-то знаю, но вы, навѣрное, не читали „Записокъ“.

живописца“ Шиндлера-Барнай, въ которыхъ... Впрочемъ не будемъ отрываться отъ работы.

— Подвигается?—спросилъ Саша.

— Да... понемногу. Тише ѣдешь, дальше будешь, какъ говорится.

Саша всталъ и взглянулъ изъ-за моего плеча на холстъ.

— Гм!

— Что? Нравится?

— Это... очень... оригинально. Я бы сказалъ—даже не похоже.

— Бываютъ разныя толкованія,—успокоилъ я.—Золя сказалъ: „Жизнь должна преломляться сквозь призму міровоззрѣнія художника“.

— Такъ-то оно такъ... Но вы замѣчаете, что у нея грудь—на плечѣ?

— Такъ на своемъ же,—резонно возразилъ я.

— Странный ракурсъ.

— Вы думаете? Э тотъ? Я его сдѣлаю пожелтѣе.

— Причемъ тутъ „желтѣе“. Ракурсъ отъ цвѣта не зависитъ.

— Не скажите. Покойный Куинджи утверждалъ противное.

— Гм!.. Можетъ быть, можетъ быть... Вы не находите, что на лѣвой ногѣ одинъ палецъ немного... лишній?..

— Гдѣ? Ну, что вы! Разъ, два, три, четыре, пять... шесть... А! Это тѣнь. Это я тѣнь такъ сдѣлалъ... Впрочемъ, можно ее и стереть.

— Конечно, можно. Только вы напрасно все тѣло пишете индѣйской желтой.

— „Вотъ осель-то“ подумалъ я.—„Тѣлесной краски, говорить, нѣтъ, а потомъ самъ-же къ цвѣту придирается“.

— Я вижу,—саркастически замѣтилъ я,—что вамъ просто моя работа не нравится.

— Помилуйте,—деликатно возразилъ Саша.—Я этого не говорю. Чувствуется исканіе... новыхъ формъ. Рисунокъ, правда, сбить, линія хромаетъ, но... Теперь, вообще, вѣдь, всюду рисунокъ упалъ.

И онъ, съ неожиданной откровенностью, закончилъ:

— Сказать вамъ откровенно: сколько я ни наблюдаю—живопись теперь падаетъ. Мою жену часто приходятъ писать художники. Вотъ такъ же, какъ вы. И что же! У меня осталось нѣсколько ихъ карандашныхъ рисунковъ, по которымъ вы смѣло можете сказать, что живописи въ Россіи нѣтъ. Мнѣ это больно говорить, но это такъ! Поглядите-ка сюда!

Онъ вытащилъ изъ угла огромную папку и сталъ показывать мнѣ листъ за листомъ.

— Извольте видѣть. Съ самаго перваго дня, какъ жена помѣстила объявленіе о своемъ позированіи—къ намъ стали являться художники, но что это все за убожество, бездарность и беспомощность въ рисунокѣ! О колоритѣ я уже не говорю! Полюбуйтесь! И эти люди—адепты русскаго искусства, призванные насаждать его, развивать художественный вкусъ толпы. Одинъ молодецъ—вы видите—рисуетъ лѣвую руку на полъ-аршина длиннѣе правой. И какъ рисуетъ! Ни чувства формы, ни понятія о ракурсѣ! Такъ, ей Богу, рисуютъ гимназисты перваго класса! У этого голова сидитъ не на шеѣ, а на плечѣ, животъ спустился на ноги, а ноги—найдите-ка вы, гдѣ здѣсь колѣно? Вы его днемъ съ огнемъ не сыщете. И вѣдь пишутъ не то что зеленые юноши! Большею частью люди на возрастѣ или даже старики, убѣленные сѣдинами. Какъ они учились? Каковъ ихъ художественный багажъ? Вы не повѣрите, какъ все это тяжело мнѣ. Мы съ женой искренно любимъ искусство, но развѣ это—искусство?!

Дѣйствительно, никогда мнѣ не приходилось видѣть большаго количества уродовъ, нарисованныхъ безпомощной рукой пьянаго или ребенка: искривленныя ноги, вздутые животы, глаза, вылѣзшіе на лобъ, и губы, тянущіяся наискось отъ уха къ подбородку.

Бѣдная Катя!

Я бросилъ косою взглядъ на свой этюдъ, вздрогнулъ и сказалъ съ тайнымъ ужасомъ:

— Ну, я пойду... Докончимъ это когда-нибудь... послѣ...

Саша ушелъ въ свою комнату. Катя закуталась въ халатикъ, подошла къ моему этюду, и вдругъ—залилась слезами.

— Что съ вами, милая?! Что такое?

— Я не понимаю: зачѣмъ онъ меня успокаиваетъ, зачѣмъ деликатничаетъ!

— Кто?

— Саша. Я сама вижу, я все время, на всѣхъ рисункахъ вижу, какая я отвратительная, безобразная. А онъ говоритъ: „нѣтъ, нѣтъ— ты красива, а только тебя не умѣютъ рисовать“. Ну, предположимъ, одинъ не умѣетъ, другой, третій, но почему же—всѣ?!!

ЖЕЛТАЯ ПРОСТЫНЯ.

I.

Настоящій купальный сезонъ еще не начинался, но, несмотря на это, весь пляжъ, окруженный съ трехъ сторонъ кабинками, былъ усѣянъ лѣнивыми, полузасыпанными пескомъ, фигурами, которыя, какъ ящерицы на солнцѣ, замерли въ каменной неподвижности.

Курортъ былъ итальянскій и, поэтому, купальщики лѣниво перекликались между собою на нѣмецкомъ, англійскомъ, польскомъ и французскомъ языкѣ — на всѣхъ языкахъ, кромѣ итальянскаго.

Гдѣ купаются итальянцы, и купаются-ли они, вообще — совершенно неизвѣстно.

Эта мысль занимала меня не менѣе часу, потому что голова, припекаемая солнцемъ, работаетъ вяло, медленно, и, вообще, отвратительно.

Думаю, что я дремалъ...

Неожиданно уха моего коснулась чистѣйшая русская рѣчь.

Разговаривали двѣ фигуры, закутанныя съ головой въ купальные халаты и простыни—два безформенныхъ безголовыхъ тѣла.

— Славный мальчишка!—прогудѣлъ голосъ изъ-подъ желтой простыни.

— Это вы о которомъ говорите? О томъ, что сейчасъ возится съ няней на пескѣ? Въ синемъ полосатомъ костюмчикѣ?

— Да, да. Превосходный мальчишка.

— Тотъ, кто сейчасъ посыпаетъ себѣ голову пескомъ изъ ведерка?—переспросила точная бѣлая простыня.

— Ну, да! Этотъ самый.

— Да, знаете-ли,—удовлетворенно согласилась бѣлая простыня.—Я долженъ имъ гордиться. Ха-ха!

-- Почему вы... должны гордиться?

— Потому что этотъ мальчишка—дѣло рукъ моихъ.

— Чортъ подери! Не хотите-ли вы сказать, что это вашъ сынъ?

— Это бы не штука! Дѣло не въ этомъ. Онъ физическій сынъ своего законнаго отца съ матерью, но настоящій его творецъ, все-таки—я!

— Не случился-ли съ вами солнечный ударъ?.. А?

— Вотъ вамъ и ударъ. Исторія презабавная—хотите расскажу?

— До завтрака управимся?

— Съ головой. Слушайте!

II.

„Года четыре тому назадъ пришлось мнѣ болтаться на этомъ же курортѣ. Было прескучно, и если бы не товарищъ, который раздѣлялъ со мной это заточеніе—какой-нибудь крюкъ давно бы уже гнулся подъ моей тяжестью...

Однажды, сидимъ мы съ нимъ послѣ обѣда на террасѣ, потягиваемъ какое-то здѣшнее пойло—я и спрашиваю, оторвавшись отъ соломинки:

— Отчего ты не женился до сихъ поръ?

— Не судьба.

— Что-о?

— Не судьба!

Я говорю нравоучительно:

— Не судьба должна управлять человѣкомъ, а человекъ судьбой.

— Никакъ,—говорить,—это невозможно. Безъ судьбы ничего быть не можетъ.

— А если я сейчасъ вдругъ схвачу тебя и брошу съ террасы внизъ, въ кусты... Это что?

— Тоже судьба.

— А если не схвачу и не сброшу?

— Тоже судьба!

— Да какая же это судьба, если мой поступокъ зависить отъ моей же воли?!

— Пусть зависить. А твоя воля зависить отъ судьбы.

— Тьфу! Ну, хочешь, я тебѣ докажу чѣмъ угодно, что по своей волѣ выкину штуку, до которой судьбѣ никогда бы и не додуматься?

— Это,—говорить пріятель,—положимъ, тоже натяжка, потому что всякая штука твоя отъ судьбы зависить. Но—идеть. Согласенъ.

— Прекрасно. Сочини что-либо трудное, нелѣпое, и я это проведу безъ всякой судьбы. У судьбы, милый мой, много дѣла и безъ насъ—нечего ее по пустякамъ затруднять. Гопъ!

Мой другъ обвелъ глазами столики и сказалъ:

— Видишь ты ту молоденькую венгерку, которая сидить съ пожилой дамой, очевидно, съ матерью?

— Вижу.

— Ну-съ... хочу я, значить, чтобы у нея былъ ребенокъ... Гм... Отъ кого бы?

Онъ осмотрѣлъ разсѣянно всѣ столы, и взглядъ его задержался на какомъ-то господинѣ, одиноко сидѣвшемъ въ дальнемъ углу.

— Вотъ отъ этого худосочнаго русскаго молодца! У него или слишкомъ мало радостей, или очень много печени. Наградимъ его венгеркой, а?

Я пожалъ плечами.

— Венгерка такъ венгерка. Но слушай: какъ честный человекъ, за одно только не могу поручиться...

— Именно?

— За полъ будущаго отпрыска русско-венгерской фамилии. Ты самъ, конечно, понимаешь...

— Для судьбы ты слишкомъ многословенъ. Я предпочитаю видѣть работу.

III.

Я закурилъ папиросу, всталъ и приблизился къ одинокому русскому.

— Простите, что не будучи знакомъ, обращаюсь къ вамъ съ одимъ вопросомъ: сколько времени идетъ письмо до Петербурга? Эти безтолковые итальянцы ничего не знаютъ.

— Письмо? Четыре дня.

— Весьма вамъ признателенъ. Вы надолго въ эту дыру?

— Нѣтъ... Такъ, недѣли на двѣ. Не присядете-ли?

— Мерсі. Вы что же, — спросилъ я, опускаясь на стулъ, — въ одиночествѣ тутъ? Безъ жены?

— Да я и не женатъ совсѣмъ.

— Ну?! Вотъ-то она обрадуется! Ахъ... простите... Я, кажется, сказалъ лишнее.

— А что такое? Кто обрадуется? О комъ вы это говорите „она обрадуется“?

— Не знаю, — смущенно засмѣялся я. — Говорить-ли вамъ... Это будетъ, пожалуй, разбалтыванье чужого секрета. Хи-хи...

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, скажите. Это будетъ между нами. Ну, скажите! Вѣдь я любопытенъ, какъ женщина.

— Хи-хи... И самъ не знаю, какъ это я проговорился. Ну, ладно... Если вы даете честное слово, что это между нами... Видите вы ту венгерку, около сѣдой дамы? Красавица, неправда-ли?

У венгерки было самое обыкновенное, милосивое лицо, но мой восторгъ заразилъ и бѣднаго форестьера.

— О, да! Очень красивая.

— Ну, вотъ... Такъ знаете-ли, что у этой красавицы, у этой поразительной, изумительно прекрасной дѣвушки вы съ языка не сходите!?

Мой собесѣдникъ вспыхнулъ и конфузливо и радостно засмѣялся, будто его щекотали.

— Ну, что вы говорите! Да, неужели?! Нѣтъ, нѣтъ! Вы шутите... Это было-бы прямо таки... удивительно!

— Честное слово! Она меня прямо измучила вопросами... Кто такой, да что, да не женатъ-ли? Все о ростѣ вашемъ сегодня щебетала...

— А... что?—опасливо спросилъ мой собесѣдникъ, вѣроятно, не разъ огорчавшійся, сравнивая свою мизерную, низкорослую фигуру съ фигурами своихъ ближнихъ.

— Да, многое она говорила. И что терпѣть она не можетъ высокихъ мужчинъ и что ваша фигура приводитъ ее въ восторгъ и что, если бы... Впрочемъ, нѣтъ—я, кажется, слишкомъ разболтался...

— Такъ она меня замѣтила?—переспросилъ мой собесѣдникъ, съ трудомъ сохраняя разсѣяннo-задумчивый видъ.

— Она-то? Да, она околдована.

Я помолчалъ и вдругъ рѣшилъ махнуть рукой на всякій здравый смыслъ.

— Вчера нашла, что въ вашемъ лицѣ есть много общаго съ Наполеономъ.

— Ну, что вы говорите!

— Ей-Богу. Въ такихъ людяхъ, говоритъ, таятся великія, огромныя силы. Счастлива, говоритъ, та родина, которая можетъ назвать такого человѣка своимъ сыномъ. Спрашивала, не поете-ли вы? Съ такимъ, говоритъ, голосомъ, который звучитъ, какъ музыка...

— Вы меня представите ей?—быстро спросилъ онъ, безъ сожалѣнiя разставаясь со своимъ задумчивымъ видомъ.

— Сколько угодно! Подойду сейчасъ къ ней, попрошу разрѣшенiя—и пожалуйте! Кстати, вы чѣмъ занимаетесь?

— Отецъ у меня купецъ, мануфактурщикъ. А что?..

— Да, ничего. Ну, сидите тутъ и ждите...

IV.

Я приблизился къ венгеркамъ, снялъ передъ ними почтительно шляпу и сказалъ по-нѣмецки:

— Тысячу извиненiй! Простите мою навязчивость и то, что я не будучи знакомъ, обращаюсь къ вамъ... Но узнать мнѣ больше не у кого—эти итальянцы, такъ безтолковы. Не знаете-ли вы—сколько времени идетъ отсюда письмо до Будапешта?

— Двое сутокъ,—привѣтливо сказала старуха.—А у васъ есть знакомые въ Будапештѣ?

— О, да... Кое-кто.

— Гезу Матаки знаете?

— Гезу?! О, Боже! Да мы большiе прiатели. Ну, какъ онъ... все тамъ же живетъ?

— Тамъ. Значитъ, вы и семью Панони знаете?

— Ну, какъ же! Вообще... Гм... А я, сударыня, долженъ васъ кое за что пожурить...

— Меня?—удивилась молоденькая венгерка.

— Да-съ, васъ. Можно челоуѣка ранить, но зачѣмъ же на смерть, а?

— Что вы такое говорите!

— Видите вы вонъ того русскаго, который тамъ въ углу сидитъ. Красивый такой...

— Ну, развѣ онъ красивый?..

— Сударыня! Одинъ изъ первыхъ красавцевъ восточ-

ной Россіи. Прозванъ „Тополь Великороссіи!“ Сотни русскихъ дѣвушекъ и женщинъ сходятъ по немъ съума. И что же! Этотъ счастливчикъ сидитъ сейчасъ угрюмый, какъ вурдалакъ, завядшій, какъ розовый кустъ въ засуху. Видите! Сидитъ и глазъ съ васъ не сводитъ! Венгерка смущенно усмѣхнулась.

— Я.. ему нравлюсь?

— Вы? Да у него сейчасъ вся жизнь въ глазахъ, которыми онъ на васъ смотритъ. Нашелъ гдѣ-то портретъ королевы Маріи Антуанетты и носитъ его на своей груди, осыпая поцѣлуями и вздыхая надъ нимъ...

— Почему же... Маріи Антуанетты?..

— Онъ говоритъ, что вы очень похожи на нее... Въ поворотѣ головы у васъ есть что-то царственное... И одѣваетесь вы, говоритъ онъ, какъ герцогиня. Да... Умѣнье носить платье это... это... Кстати, вы въ самомъ Будапештѣ живете?

— Въ предмѣстьи. У насъ тамъ свой домикъ. Отецъ мой судебный чиновникъ. А кто этотъ русскій, скажите?

— О! Его отецъ мануфактурный король. Это богатѣйшая фамилія черноземной полосы Россіи. Самые быстроходные пароходы бѣроздятъ великую нашу многоводную Волгу! Амбары ломаются. Тысячи людей возносятъ свои молитвы. Это не человѣкъ. Это орелъ. Больницы и прочее. Въ Москвѣ, на примѣръ, есть Третьяковская картинная галерея. Вы даже не повѣрите! Честное слово. Вы разрѣшите представить вамъ моего друга... Этого „гордаго лебедя матушки Россіи“,—какъ прозвали его наши женщины.

— О, пожалуйста! Я буду очень рада.

Я расшаркался, вернулся къ своему новому другу и потрепалъ его по плечу.

— Бредитъ вами! Сплошной бредъ!

— А кто она такая?

— Она? Когда вы будете въ Венгріи, около Буда-

пешта—спросите у старожиловъ чей это замокъ такъ гордо высить въ небо свои грозныя, непокорныя башни, зубцы которыхъ четко вырисовываются въ недвижимомъ, притихшемъ вечернемъ воздухѣ? Посмотримъ, что вамъ отвѣтятъ старожилы! Ха-ха! Предки ея были суровыми рыцарями, вояками, отецъ же отдалъ дань нашему болѣе культурному времени и, мирно служа венгерской коронѣ, желѣзной рукой закона поддерживаетъ силу и мощь современной Венгрии.

— Вотъ здорово! Неужели, съ ней можно познакомиться?

— Хоть сейчасъ! Замѣчательная женщина. Венгерки, вообще... Недаромъ говоритъ венгерская пословица: „Женись на венгеркѣ—плакать не будешь“.

— Ну, пойдѣмъ же, пойдѣмъ скорѣе!

V.

Въ послѣдующіе дни я только и дѣлалъ, что, бѣгая отъ одного къ другой, энергично подогрѣвалъ состряпанное мною кушанье.

Ей я сообщилъ, что двѣ русскихъ дамы, жившія въ сосѣднемъ отелѣ, осаждаютъ его письмами и дѣлаютъ тысячу безумствъ ради того только, чтобы увидѣть его съ улицы изъ-за рѣшетки сада нашего отеля.

А ему намекнулъ, что одинъ венгерскій графъ поклялся добиться ея благосклонности и осыпаетъ ее моремъ цвѣтовъ (вчера я, дѣйствительно, послалъ ей букетикъ цѣною въ 3 лиры), но что она эти цвѣты выбрасываетъ (выбросила: они къ вечеру совершенно завяли).

Моя стряпня закипѣла и забурлила. Мутная накипь ревности поднялась кверху, и мнѣ нужно было зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы во время снимать эту отвратительную накипь.

Утромъ венгерка устроила русскому сцену, въ обѣдъ онъ ей; а вечеромъ въ паркѣ при отелѣ у нихъ состоялось первое свиданіе, на которомъ они преотчаянно цѣловались. (Я видѣлъ это въ бинокль изъ окна моей комнаты).

Красавица итальянская ночь, пряная, душная, и бродячіе, сладкоголосые музыканты съ гитарами—были моими надежнѣйшими помощниками.

Повѣрите-ли вы: черезъ мѣсяцъ они уже обвѣнчались, эти люди, которые безъ меня такъ-бы и прошли свой жизненный путь, даже не подозрѣвая о существованіи другъ друга... А черезъ полтора года исполнилось и то, къ чему я велъ ихъ подъ диктовку моего друга—апологета и поклонника судьбы. Именно — у этихъ двухъ людей родился ребенокъ—вотъ этотъ самый мальчишка, которымъ вы давеча такъ восхищались. Ну, не правъ-ли я былъ, говоря, что я—настоящій создатель этого голубоглазаго существа!?”

.

Молчавшая все время въ продолженіе разсказа, желтая простыня шевельнулась и спросила:

— О какомъ это вы мальчишкѣ говорите?

— Да, о томъ самомъ! Въ синемъ полосатомъ костюмчикѣ-то.

— О томъ, который сейчасъ суетъ себѣ въ ротъ сачекъ для крабовъ?

— Ну, да!

— Котораго полька сейчасъ дернула за ухо?

— Ну, да-же!

— Угу,—неопредѣленно промычало что-то подъ желтой простыней. — Такъ знаете-ли, что я скажу вамъ: напрасно вы совались на ампула судьбы—вершительницы всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Не по плечу это вамъ!

— О, Господи! Почему?!

— Вамъ можно довѣрить кое-что? Умѣете вы держать языкъ за зубами?

— Ну?!

— Этотъ ребенокъ не мужній, а мой. Отъ меня. Черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы „венгерка“, какъ вы ее называете, охладѣла къ своему худосочному супругу и подарила своею любовью меня. Вотъ вамъ и судьба!..

— Вы даете честное слово?

— Даю честное слово.

И обѣ фигуры погрузились послѣ этого въ безмолвіе — и та, что подъ бѣлой простыней, и та, что подъ желтой. Замерли подъ зноемъ, даже не пошевелившись.

Я въ это время успѣлъ уже одѣться и ушелъ, такъ и не увидѣвъ никогда больше людей подъ простынями—ни самоувѣреннаго замѣстителя судьбы, ни его соперника на этомъ скользкомъ поприщѣ.

Боже мой! Можетъ быть, если бы я и поднялъ эти двѣ простыни—желтую и бѣлую—подъ ними-бы ничего не оказалось, кромѣ безформенныхъ грудъ песку, насыпаннаго подвижнымъ отпрыскомъ многолюбивой венгерки, потому что—мало-ли что можетъ пригрезиться расплавленному свирѣпымъ солнцемъ мозгу...

СКЕПТИКЪ.

Восемь лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось прожить около двухъ недѣль въ одномъ изъ небольшихъ городковъ Харьковской губерніи—именно, въ Зміевѣ.

Жить пришлось у сидѣлицы казенной винной лавки, бойкой расторопной женщины, которая дѣлала десятокъ дѣлъ сразу—успѣвая продавать меланхоличнымъ зміевскимъ пьяницамъ водку, готовить мнѣ обѣды и, кромѣ того, въ промежуткахъ ругательски-ругать своего сына Стешу.

Стеша былъ молодецъ девятнадцати лѣтъ, всю свою недолгую жизнь пробродившій изъ угла въ уголь, самоуглубленный дурень, лѣнивый, какъ корова, и прожорливый, какъ удавъ.

Съ утра, возставъ отъ сна, онъ умывался, аккуратно напивался чаю, и опять ложился на диванъ—неофициально,—какъ онъ говорилъ. Такъ, лежа на диванѣ и перелистывая „Ниву“ за 1880 годъ—ждалъ обѣда.

— Ты хоть бы чѣмъ-нибудь занялся!—кричала сидѣлица винной лавки, выглядывая изрѣдка изъ дверей.

— А чѣмъ я займусь тамъ,—возражалъ Стеша хриплымъ голосомъ.

— О, Господи! Другіе люди, какъ люди! Служать, дѣло дѣлаютъ, а этоть, какъ колода!.. Нислимо-ли это—здоровый молодой человѣкъ, и цѣлыми днями диваны протираетъ!

— „Нислимо!“ — сурово сипѣлъ Стеша. — Говорить бы, какъ слѣдуетъ, по-русски выучились!

— Убирайся отсюда, съ дивана! Это что еще такое за моду выдумалъ—по диванамъ разлеживаться. Всѣ сосѣды съ тебя смѣются!..

— „Сосѣды!“ Не умѣете говорить, такъ молчали бы.

— То-то вотъ намъ, неумѣющимъ, и приходится кормить васъ, умѣющихъ-то! Профессоръ какой! Пошелъ прочь съ дивана!

Подбоченившись она наступала на Стешу. Когда же слова не помогали, она схватывала его за руку и сбрасывала съ дивана на полъ.

Онъ тяжело шлепался, вставалъ, забиралъ свою „Ниву“ и, мурлыча какой-то бессмысленный мотивъ, хладнокровно переходилъ на крылечко, выходящее на засоренный, залитый помоями дворъ.

— Хоть бы за что-нибудь ты взялся, чучело ты несчастное. И какъ это такъ человѣкъ жить можетъ?

— Тюр-лю-лю, памъ-памъ-памъ, — тянулъ лѣниво Стеша, перелистывая осточертѣвшую и ему самому и окружающимъ—„Ниву“ за 1880 годъ.

Перелиставъ „Ниву“, Стеша съѣдалъ кусокъ чернаго хлѣба съ саломъ, выпивалъ чудовищную жестяную кружку воды и заходилъ ко мнѣ „поговорить“.

— Что скажете, молодой человѣкъ?—спрашивалъ я его, откладывая начатое письмо или книгу.

Онъ садился верхомъ на стулъ, шлепая для развлечения ладонью по спинкѣ его и изрѣдка поглядывая на меня съ той сосредоточенностью, которая была ему свойственна.

— А что,—спрашивалъ онъ меня послѣ долгаго молчанія,—правда, что въ Петербургѣ пѣшкомъ по улицамъ нельзя ходить?..

— Почему?

— Такое тамъ движеніе на улицахъ, что сейчасъ же задавятъ.

— Это вѣрно,—подтверждалъ я.—Тамъ даже на каждой улицѣ ящики такіе устроены...

— Для чего?

— А чтобъ задавленныхъ складывать, пока родственники ни разберутъ.

— Да ну?

— Увѣряю васъ.

— Да вѣдь дорого...

— Что дорого?

— На извозчикахъ все время ѣздить.

— Что-жъ дѣлать. Кому дорого, того и даютъ.

Похлопывая ладонью по спинкѣ стула, онъ принимался тянуть свой непонятный мотивъ: «тю-лю-лю, памъ-памъ-памъ»...

— А правда, что въ Петербургѣ въ театрахъ совсѣмъ голыхъ женщинъ показываютъ?

— Правда.

— Да какъ же такъ полиція позволяетъ?

— А ей-то что? Это здѣсь только и то стыдно, и это стыдно. А тамъ въ столицѣ на это смотрятъ спустя рукава.

— Да ну?

— Вотъ вамъ и «ну».

— Тю-лю-лю, памъ-памъ-памъ! А скажите, правда, вотъ, что говорятъ въ ресторанѣ тамъ, если поужинать,—такъ рублей сорокъ за это берутъ.

— Сорокъ? Слишкомъ вы дешевы, молодой человекъ... И триста заплатите, если не всѣ пятьсотъ.

— Да ну? За то тамъ и жалованье получаютъ, небось, большое?

— Да ужъ... Конечно, маленькій писецъ получаетъ пустяки, рублей двѣсти—триста въ мѣсяць... А кто повыше—восемьсотъ, и тысячу, и двѣ. Нищему меньше рубля не даютъ. За то и нищіе есть, которые на Невскомъ по три дома имѣютъ.

Получивъ на всѣ свои вопросы точные обоснованные отвѣты, юноша Стеша, безъ всякаго признака удивленья на лицѣ, уходилъ, волоча ноги и напѣвая «тю-рю-лю, памъ-памъ-памъ!». Заходилъ въ винную лавку и торопилъ мать насчетъ обѣда.

Однажды, онъ пришелъ ко мнѣ и, вмѣсто того, чтобы спрашивать меня о Петербургѣ, разоткровенничался самъ:

— А я вчера анекдотъ слышалъ: одинъ жидъ пришелъ по дѣламъ къ помѣщику, а тотъ схватилъ ружье и говоритъ: «плавай, жидовская морда, а то застрѣлю!» Ну, жидъ, конечно, испугался, упалъ на землю и сдѣлалъ видъ, будто плаваетъ. А потомъ помѣщикъ засмѣялся и сказалъ: «Благодари Бога, что я тебя нырять еще не заставилъ!». Здорово, а?

Я пожалъ плечами.

— Сѣрб!

— Какъ вы говорите?

— Сѣрб.

Стеша удивленно взглянулъ на меня и умолкъ. Я заговорилъ о чемъ-то другомъ, но онъ перебилъ меня:

— Такъ какъ вы сказали? «Сѣро»? Ха-ха!

— Да ужъ... неважный вашъ анекдотецъ.

— «Сѣро», значить? Здорово... Ха-ха!

Онъ потрепалъ меня по плечу и ушелъ, волоча за собой громадную, въ тяжелыхъ сапогахъ ноги.

На другой день я уѣхалъ.

II.

И опять, совсѣмъ недавно, попалъ я въ Зміевъ. Надъ Россіей пронеслась революція, въ Петербургѣ уже нѣсколько лѣтъ работала Государственная Дума, а Зміевъ остался такимъ же... Пыльные безлюдныя улицы, выводокъ цыплятъ у забора, и одинокій пьяный, лежащій въ тѣни, около бакалейной лавки съ вивѣской:

«Бакалея съ продажей всего».

Лавочникъ былъ тотъ же самый—и узналъ онъ меня сразу же, какъ только я зашелъ къ нему. Сколько перевидалъ за эти восемь лѣтъ новыхъ людей этотъ бѣдняга? Вѣроятно, не болѣе десятка.

— Опять къ намъ?—сказалъ онъ съ такой небрежностью, будто бы я уѣзжалъ изъ Зміева недѣли на двѣ.—Ну, что-жь... поживите, поживите... У насъ тутъ не скучно.

— А что сидѣлица, у которой я жилъ?

— Будемъ говорить, она померла. А сынокъ ейный Степанъ Захарычъ женился и казенной лавкой завѣдуютъ. Умнѣйшая голова!

Я изумленно поглядѣлъ на лавочника.

— Это онъ умнѣйшая голова? Да вѣдь онъ былъ глупъ, какъ бревно.

— Молоды были,—серьезно возразилъ лавочникъ.— А теперь въ большихъ умникахъ состоятъ. Вы тó, господинъ, разсудите, что постъ ихній небольшой—сидѣлецъ винной лавки, а компанія у нихъ самая отборная: предсѣдатель управы, господинъ докторъ, учитель гимназіи Выдыбаевъ и прочія сливки общества. Съ дуракомъ бы возиться не стали...

— Да въ чемъ же его умъ?

— Надо быть, въ разговорѣ. Вѣдь, господа, они, извѣстно, какъ: сойдутся и разговариваютъ промежь себя. Да вотъ сюда въ лавку идетъ учитель Выдыбаевъ—ихъ хорошій знакомый. Они вамъ лучше все и объяснятъ.

Дѣйствительно, въ лавку зашелъ сухой, длинный господинъ съ блѣднымъ лицомъ.

Я извинился, назвалъ себя и прямо приступилъ къ дѣлу.

— Скажите, правду говорятъ, что Стеша Козелковъ, сидѣлецъ, считается тутъ у васъ—*persona grata*?

Блѣдный учитель задумчиво покивалъ головой.

— Какъ вамъ сказать... Что-то въ немъ есть такое, что, дѣйствительно, отличаетъ его среди другихъ индивидовъ нашего богоспасаемаго болота... Есть въ немъ настоящая желчь, скептицизмъ, чутье и вкусъ... Онъ тонокъ, безпощаденъ въ своихъ характеристикахъ, и удамъ пользуется даже нѣкоторымъ успѣхомъ, какъ, вообще, все, что выдается надъ уровнемъ. Любопытный человѣкъ, совѣтую познакомиться.

Я пожалъ плечами, расплатился и ушелъ.

Стешу встрѣчать не приходилось, но зато, черезъ день послѣ разговора съ учителемъ, попалъ я на вечеринку къ ветеринарному врачу Кривулину.

Никого почти не зная, слонялся я изъ угла въ уголь, поглядывая на разсыпавшихся по всѣмъ комнатамъ гостей, спорившихъ, пившихъ водку и пытавшихся даже танцовать.

Наконецъ, подсѣлъ я къ нѣсколькимъ дѣвицамъ, смущенно замолчавшимъ при моемъ приближеніи...

— Что же вы замолчали?—какъ можно добродушнѣе спросилъ я.—Можетъ быть, повѣряете другъ другу какія-нибудь мрачныя тайны, а?

— Что вы этимъ хотите сказать?—ядовито спросила полная барышня въ сиреновомъ платьѣ.

— Да вотъ у васъ былъ такой заговорщицкій видъ...

Полная барышня критически пожала плечами.

— Вы думаете, это особенно остроумно, да?

— О, помилуйте,—разсмѣялся я.—У меня вовсе не было мысли сказать что-либо сногшибательно остроумное... Я спросилъ просто такъ...

— Просто такъ? Вы думаете, это особенно глубоко? Да?

Она побѣдоносно оглядѣла подругъ, будто ожидая что онѣ скажутъ: „Ну, и бойкая эта Любочка... Даже столичнаго гостя забьетъ и загонитъ въ уголь».

— Глубокая мысль, — возразилъ я, улыбнувшись, — опасная вещь; у края ея всегда голова кружится... Многие сваливались и ломали себѣ на днѣ голову.

— Что вы хотите этимъ сказать? — подхватила сиреневая барышня. — Вы думаете, это особенно тонко, да? Успокойтесь, не удивили... Садитесь, единица!

Большинство подругъ сиреневой барышни засмѣялись... Я пожалъ плечами, всталъ и побрелъ въ другую комнату. Меня догнала голубенькая барышня и миролюбиво сказала:

— Вы на нихъ не обижайтесь. Онѣ дуры... Ломаются, ломаются, а зачѣмъ — и сами не знаютъ. Это ихъ Степанъ Захарычъ испортилъ. Онѣ всѣ ему подражаютъ...

— Однако, — подумалъ я, — этотъ человѣкъ успѣлъ уже создать свою школу.

— Вотъ онъ, представьте себѣ, — сказала голубая барышня, — интересный человѣкъ...

— Кто?

— Да Степанъ же Захарычъ... Въ немъ есть что-то такое... Вы знаете, его многие ненавидятъ, но всѣ боятся... Да вотъ онъ самъ. Видите — онъ всегда приходитъ позже... Хотите, я васъ познакомлю?

Заинтересованный, я поспѣшилъ навстрѣчу этому неразгаданному, удивительному человѣку, который покорилъ весь Зміевъ.

Стеша Козелковъ узналъ меня сразу, но встрѣтилъ серьезно, съ большимъ достоинствомъ.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте... — солидно пробасилъ онъ. — Какъ у васъ тамъ, въ Петербургѣ?

— Да что-жъ у насъ... Пореглядываніемъ занимаемся. Онъ поднялъ брови:

— То-есть?..

— Да такъ: Петербургъ съ надеждой поглядываетъ на провинцію, а провинція на Петербургъ. Такъ и пореглядываемся.

— Сѣро!—вѣско сказалъ Козелковъ.

— Что-о?

— Сѣро!

— Что—сѣро?

— Сказано сѣро. Неостроумно.

— Bravo, Степанъ Захарычъ,—сказалъ фельдшеръ.—
Онъ не дастъ змievцевъ въ обиду.

— Да,—подхватилъ кто-то.—Этотъ не ударить лицомъ
въ грязь!

Я смущенно глядѣлъ на Козелкова, а онъ расправилъ
бороду и спросилъ:

— Женаты?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Да знаете, какъ сказалъ одинъ древній мудрецъ:
не женишься—будешь жить, какъ человѣкъ, а умрешь,
какъ собака; женишься—проживешь, какъ собака, зато
умрешь, какъ человѣкъ... Вотъ я еще и не остановилъ
выбора ни на одномъ изъ этихъ способовъ смерти.

Козелковъ выслушалъ меня съ нѣкоторымъ отѣн-
комъ превосходства и, подумавъ, сказалъ критически:

— Сѣро!

— Да... Ужъ вы съ нимъ не спорьте,—сказалъ хозяинъ
дома, беря меня за талию.—На него угодить трудненько.
Заклюеть! Пойдемте лучше выпьемъ водки... Степанъ
Захарычъ! Рюмочку водки, а?

— Водка?—поморщился Стеша.—Сѣро!

— Ну, ужъ вы скептикъ извѣстный... Раскритикуете
все такъ, что живого мѣста не останется.

— Эхъ, Стеша,—горько подумалъ я, плетясь за ними
въ столовую.—Хоть бы изъ благодарности ты меня по-
щадилъ... За словцо-то. Вѣдь я же обронилъ...

Но Стеша и за ужиномъ былъ безпощаденъ.

— Сѣро!—кричалъ онъ скептически.

.

УЧАСТОКЪ.

Того согрѣй,
Тѣмъ свѣту дай
И всѣхъ притомъ—
Благославляй.

Имѣете вы, хоть слабое, представленіе о функціяхъ росторопной русской полиціи?

Попробуйте хоть полчаса посидѣть въ душной, пропитанной промозглымъ запахомъ канцеляріи участка. Это такъ интересно..

...Околоточный надзиратель отрывается отъ полуисписанной имъ бумажки, поднимаетъ голову и методически спрашиваетъ:

— Тебѣ чего?

— Самоваръ украли, батюшка.

— А твои глаза гдѣ-же были?

Околоточный прекрасно сознаетъ, что этотъ вопросъ—ни болѣе, ни менѣе, какъ бесплодная ненужная попытка хоть на одну минуту оттянуть исполненіе лежащихъ на немъ обязанностей—опросъ потерпѣвшей, составленіе протокола и розыски похитителя.

— Ты чего-жъ смотрѣла?

— То-то, что не смотрѣла. У лавочку побѣжала, а онъ, песъ, значить, — шастъ! Кипятокъ вылилъ, угли вытрясъ—только его и видѣли.

— „Онъ“, „его“... Почему ты знаешь, что „онъ“? Можетъ, и „она“!

Кухарка запахивается въ платокъ, утираетъ указательнымъ пальцемъ носъ и, подумавъ, соглашается:

— А, можетъ, и она. Аны рази разбирають.

— Подозрѣніе на кого-нибудь имѣешь?

— Имѣю.

— Ну?

— Не иначе, жуликъ какой-нибудь укралъ.

— Ты скажешь тоже... Посиди тутъ, я сейчасъ все устрою. Вамъ чего, господинъ?

— Сырость у меня.

— Гдѣ сырость?

— Въ квартирѣ.

— Ну такъ что-жъ?

— Не могу-же я, согласитесь сами, въ сырой квартирѣ жить?!

Околоточному даже не приходитъ въ голову заявить, что это его не касается, или, въ крайнемъ случаѣ, удивиться, что къ нему обращаются съ такими пустяками.

Единственная роскошь, которую онъ себѣ позволяетъ, это—хоть на минутку оттянуть исполненіе своихъ обязанностей.

— А вы зачѣмъ же сырую квартиру снимали?

— Я снималъ не сырую. Я снималъ сухую.

— Сухая, а сами говорите—сырая.

— Она потомъ оказалась сырой, когда уже переѣхали. Такія пятна по обоямъ пошли, что хуже географической карты.

Разсматривая недописанную бумажку, околоточный что-то мычитъ и машинально спрашиваетъ:

— Подозрѣніе на кого-нибудь имѣете?

— То-есть, какъ это? Я васъ не понимаю.

— Гм!.. Я хочу сказать, убытки заявляете?

— Да какъ-же ихъ заявить—если отъ сырости ревматизмъ бываетъ. Иной ревматизмъ пустяковый, можетъ

быть, десять цѣлковыхъ стоитъ, а иной, какъ заще-
мить—его и въ тысячу рублей не уберешь.

Тоскливое молчаніе.

— А вы чего-жъ смотрѣли, когда нанимали?

— Говорю-жъ вамъ,—тогда сырости не было.

— Хорошо... Адресъ? Зайду. Наведу справки и...
Вамъ чего?..

— Господинъ околоточный! Вы не можете себѣ пред-
ставить—я за послѣднее время всѣ нервы себѣ истре-
пала. Буквально всѣ нервы.

Вѣроятно, эта вышесреднихъ лѣтъ дама истрепала
нервы не болѣе, чѣмъ околоточный, потому что онъ
хватается за недописанную бумажку, потомъ за голову
и освѣдомляется:

— Подозрѣніе на кого-нибудь имѣете?

— Буквально всѣ нервы. Какъ только наступаетъ
ночь—прямо хотъ бѣги изъ квартиры...

— А что такое?

— Привидѣнія. Всѣ въ одинъ голосъ такъ говорятъ,
что привидѣнія. Кто-то стучитъ, ходитъ, роняетъ вещи,
разговариваетъ, а ровно въ полночь раздается вдругъ
въ стѣнѣ такой вой и плачь, что мы всѣ съума сходимъ.

— Какъ же вы такъ допустили до этого?

— Да мы-то что же... Мы тутъ непричемъ.

— Подозрѣніе на кого-нибудь имѣете?

— Никакого подозрѣнія. Я убѣждена, что это что ни-
будь загадочное. Ходитъ, роняетъ вещи и разговариваетъ ..

— Сколько же ихъ душъ?

— Кого?

— Вотъ этихъ... призраковъ?! Привидѣній?

— А почему я знаю. Вѣроятно, одно.

— Но вы говорите—онъ разговариваетъ. Не можетъ-
же онъ самъ съ собой разговаривать?

— А я не знаю. Вамъ лучше знать—можетъ онъ
или не можетъ.

Околоточный обладаетъ чрезвычайно скуднымъ запасомъ свѣдѣній изъ жизни обитателей потусторонняго міра; но, какъ представитель власти, не хочетъ ударить лицомъ въ грязь, и, поэтому, говоритъ чрезвычайно увѣренно:

— Не можетъ. Не иначе, какъ съ соучастникомъ, Ну, хорошо. Успокойтесь, сударыня. Мы разберемъ это дѣло и виновные понесутъ заслуженное наказаніе. Вашъ адресъ? Имѣю честь кла... Ты чего тутъ топчешься?

— Мать старуха померла.

— Подозрѣніе на ко... Гм!.. Ну, и царство ей небесное. Отъ чего померла?

— Богъ-ѣ знаетъ. Ей ужъ годовъ сто будетъ. Три года, какъ не вставала. Теперь померла.

— А ты чего же смотрѣль?—тоскливо въ сотый разъ мямлитъ околоточный.—Ну, ладно. Подожди, сейчасъ. Вамъ что угодно? Потрудитесь снять котелокъ. Осторожнѣе, вы рукой въ чернильницу попали. Что вамъ угодно?

— Скучно мнѣ, господинъ околоточный.

— А вы бы меньше пили, такъ и не было бы скучно..

— Чудакъ человѣкъ, а отъ чего же я пью? Отъ скуки-жъ!

— Вы что-жъ... заявленіе какое пришли сдѣлать? Прошу на меня не дышать!

— Пришелъ. Заявленіе. Заявлю вамъ, какъ представителю власти, что мнѣ скучно! Почему нѣтъ никакихъ увеселеній?

— Идите домой спать. Вотъ вамъ и увеселеніе.

— Вы думаете? Не желаю. Я хочу жить полной жизнью. Конечно, вы можете меня прогнать, но—куда же мнѣ пойти? Если я пришелъ сюда, значитъ, больше некуда. Ахъ, г. околоточный! Русскій человѣкъ носить въ себѣ особую тоску.

— Будьте добры не мѣшать мнѣ.

— Куда же я пойду? Чрезвычайно хочется какихъ-нибудь увеселеній.

— Ну... пойдите въ кинематографъ. Часа черезъ два откроется.

— Мерси! Вотъ видите—дѣльный совѣтъ. Я зналъ, куда иду! Начальство—оно распорядится! Разрѣшите посидѣть тутъ на диванчикѣ, подождать открытія.

— Сидите. Только не шумите. Вамъ что, господинъ?

— Жена отъ меня ушла. Нельзя ли...

— А вы чего же смотрѣли?

— Ахъ, да развѣ за ними усмотришь? Спрашивается, чего ей недоставало?

— Да... Женщины народъ загадочный. Все ищутъ такого, чего и на свѣтѣ нѣтъ. Престранная публика. Подозрѣніе на кого-нибудь имѣете?

— Тутъ даже и подозрѣнія никакого нѣтъ; сбѣжала съ штабсъ-капитаномъ Перцовымъ.

— А вы чего же смотрѣли?

— А вотъ вы спросите. Пріятелемъ моимъ считался, на билліардѣ вмѣстѣ играли и—на тебѣ!.. Подсидѣлъ.

— Да-а .. Въ семейной жизни всегда нужно быть на чеку,—говоритъ устало околоточный, закуривая папиросу.—Можно вамъ предложить? Семейная жизнь это, какъ говорится, осаждаемая крѣпость. Женщины любятъ все романичное, а мужья ходятъ по утрамъ простоволосые, въ расхрыстанной рубашкѣ и туфляхъ на босу ногу. А женщина лакированный ботфортъ любитъ. Нравственная глубина не такъ ее интересуеть, какъ пріятный блескъ внѣш... Тебѣ чего?

— Ну, ви еще заняты, такъ я себѣ немножечко, ваше благородіе, подожду. Таки каждый человѣкъ долженъ ожидать, когда ихъ высокоблагородіе заняты. Вы ужъ, пожалуйста, не кричите...

— Да ты по какому дѣлу?

— Маленькое себѣ дѣло. Къ моей женѣ заѣхала изъ

Варшавы на минуточку свояченица, ну, такъ она имѣтъ варшавское правожительство. Я говорю господину паспортисту...

— Хорошо. Зайдешь къ тремъ часамъ, когда посвободнѣе будетъ. Вамъ чего, барышня? Не плачьте.

— Можно такъ дѣлать? Говорилъ: „люблю, люблю“, а теперъ вытянулъ все, обобралъ и ушелъ... Оставилъ, въ чемъ мать родила.

— Кто такой?

— Приказчикъ отъ „Обонгу“. Прямо-таки оставилъ, въ чемъ мать родила.

— А вы чего же смотрѣли?

— Такъ если онъ говорилъ, что любить. Божился, крестился, землю ѣлъ. А теперъ что я?.. Въ чемъ мать родила!

Это не болѣе, какъ поэтическая метафора, потому что огромная шляпа на головѣ дѣвицы никогда не позволила бы ей появиться въ такомъ видѣ на этотъ горестный свѣтъ.

— Хорошо, — говоритъ околоточный. — Вы гдѣ въ него влюбились? Въ нашемъ участкѣ? Будьте покойны, — мы примемъ мѣры!

Пишущій эти строки долго сидитъ на потертомъ деревянномъ диванчикѣ и любитъ этимъ калейдоскопомъ кухарокъ, квартирантовъ, привидѣній, пьяныхъ и обманутыхъ мужей.

И вотъ, выждавъ свободную минуту, я встаю съ диванчика и подхожу къ обезсиленному, отупѣвшему околоточному.

— Вамъ что угодно?

— Темы нѣтъ, г. околоточный.

— Какой темы?

— Для разсказа.

— А вы чего-же смотр... Да я-то тутъ причемъ, скажите пожалуйста!?

— Какъ, причемъ? Вы—полиція. Если привидѣнія, пьяные и обманутые мужья вамъ „причемъ“, то и тема вамъ „причемъ“.

Околоточный треть голову.

— Вамъ тему?

— Тему.

— Для разсказа?

— Для разсказа.

— Гм... Подозрѣнія ни на к... Ахъ, ты, Господи! Ну, мало-ли темъ... Ну, опишите, на примѣръ, участокъ, посѣтителей. Вотъ вамъ и тема.

— Ну, вотъ и спасибо. Опишу. Я, вѣдь, зналъ, что, если вы обязаны смотрѣть за всѣмъ, то обязаны смотрѣть и за темами. Прощайте!

Вотъ—написалъ.

ОДНО ИЗЪ МОИХЪ ЧУДЕСЪ.

Чудеса можно дѣлать изъ-за чего-нибудь: изъ-за голода, честолюбія, или изъ-за любви къ женщинѣ.

Всякое чудо такая трудная вещь, что просто такъ себѣ, для развлеченія этимъ заниматься не стоитъ.

Однако, я совершилъ однажды чудо, не будучи движимъ ни честолюбіемъ, ни голодомъ, ни страстью къ женщинѣ.

Для конторщика служащаго въ учрежденіи, гдѣ бухгалтеръ здоровый, не старый еще мужчина, да при томъ и крѣпко сидящій на мѣстѣ—для такого конторщика честолюбіе—крѣпко запертыя ворота.

Для голоднаго человѣка, совершающаго во имя требованія организма настоящія чудеса—я былъ слишкомъ хорошо обеспеченъ тѣми шестьюдесятью рублями, которые ежемѣсячно вытягивалъ по частямъ впередъ у соннаго нерасторопнаго кассира.

А что касается женщинъ... Мое искреннее мнѣніе, что онѣ любятъ насъ и безъ чудесъ. Наоборотъ, на всякое чудо, подвигъ—онѣ смотрятъ совершенно иными глазами, чѣмъ мы. Попробуйте достать любимой женщинѣ, по ея желанію, нѣсколько звѣздъ съ неба—она еще на васъ же и напустится за это: она не знала, скажетъ она, что звѣзды вблизи такія огромныя, безобразныя и занимаютъ мѣста такъ много, что изъ-за нихъ въ комнатѣ негдѣ повернуться: „Удружилъ тоже! Нечего сказать... Заставъ Васъ Богу молиться, вы и лобъ разобьете!..“

Во имя чего-же, во имя какого великаго стимула совершилъ я то чудо, о которомъ хочу рассказать?

Да во имя лѣни!

Иногда по ночамъ невыносимая жажда терзаетъ меня, но я не утоляю ее, потому что для этого нужно сбросить одѣяло и подойти къ стоящему на подоконникѣ графину съ водой. Самое ненасытное честолюбіе можно было бы удовлетворить, начавъ работать, какъ слѣдуетъ—я не желаю этого. Я лишался любви самыхъ красивыхъ милыхъ женщинъ только потому, что не отвѣчалъ на письма, или валялся по цѣлымъ вечерамъ на диванѣ, вмѣсто того, чтобы плестись на свиданіе.

Вотъ что такое моя лѣнь. Ненасытная, она поглощаетъ все—голодъ, женщинъ, карьеру.

Директоръ правленія, уполномоченный вести дѣла нашего общества—Мигасовъ—наводилъ на меня холодный, тупой, длительный ужасъ.

Дѣла, которыя поручались мнѣ, плелись сзади всѣхъ, какъ старыя искалѣченныя лошади, и я оттягивалъ всякую пустяковую работу до самаго послѣдняго момента.

Нельзя сказать, чтобы я наслаждался покоемъ въ первые, сравнительно безопасные, моменты украденнаго времени. Все время передо мной стоялъ грознымъ видѣніемъ будущій директорскій выговоръ, но я тянулъ часъ за часомъ, бродилъ тоскующимъ взглядомъ по потолку, читалъ столбцы старой газеты, въ которую были обернуты корешки порученныхъ мнѣ громадныхъ бухгалтерскихъ книгъ, высчитывалъ, сколько буквъ въ словѣ „двадцативосьмимиллиметровый“ и, вообще, развлекался какъ могъ, вмѣсто самаго простаго—исполненія порученной мнѣ работы.

И все время тупая тоска сжимала мое сердце, тоска

ожиданія, что вотъ-вотъ грянетъ условный звонокъ изъ директорскаго кабинета, звонокъ, отъ котораго сердце мое медленно переворачивалось и ползло внизъ въ холодное море предстоящаго ужаса—и я долженъ буду съ быющимъ взглядомъ предстать предъ спокойные стальные глаза грознаго директора.

— Готово?

— Что, Арсеній Михайловичъ?

— То, что я просилъ.

— Н... не совсѣмъ. Я половину только сдѣлалъ.

— Да? Очень жаль. Ну, что-жъ дѣлать. Дайте ту половину, которую вы сдѣлали.

— Первую?

— Да.

— Я первой еще не сдѣлалъ. Занялся было, второй...

— Э, чортъ! Ну, давайте вторую половину.

— Вторая... половина... не совсѣмъ... готова...

— Наполовину готова?

— Д... да... Кажется.

— Дайте четверть! Дайте восьмушку, но что-нибудь дайте-же, чортъ возьми!..

— Я вамъ... завтра... приготовлю...

Въ эту минуту я самъ себѣ былъ жалокъ и противень. Директоръ съ омерзѣніемъ смотрѣлъ на мое растерянное, подобострастное лицо и говорилъ:

— Когда мы, наконецъ, отъ васъ избавимся?

— Я не могъ найти отчета за прошлый мѣсяць... Я искалъ...

— Потеряли да? Вы бы черезъ газеты публиковали..

Чтобы заслужить его расположеніе, я дѣлаю видъ, что меня одолѣваетъ припадокъ смѣха, вызваннаго его остротой, но онъ брезгливо машетъ рукой и говоритъ, постукивая согнутымъ пальцемъ о толстый карандашъ:

— Идите! И если не сдѣлаете черезъ часъ,—можете уходить на всѣ четыре стороны.

Я вылетаю изъ кабинета... Ффу!

Мои толстыя, громадныя бухгалтерскія книги я велъ такъ, что весною въ нихъ записывался только ноябрь, а осенью, на страницахъ съ надписью „дебетъ“ и „кредитъ“—расцвѣтали подсиѣжники и журчали весенніе ручейки, извиваясь между красными толстыми линейками.

И при этомъ, мнѣ иногда приходилось работать ночами, потому что я никогда не работалъ днемъ, причемъ надо мной все время висѣло изгнаніе, скандалъ и насмѣшки.

И все я приносилъ ей—могущественной Богинѣ Лѣни, на ея жертвенникъ.

...Я стоялъ, почтительно изогнувшись передъ директоромъ:

— Къ сожалѣнію, я не успѣлъ васъ выгнать, какъ вы этого заслуживаете,—завтра я уѣзжаю въ Петербургъ въ главное правленіе и на моемъ мѣстѣ будетъ второй директоръ правленія Андрей Андреичъ Грызловъ. Думаю, что вы не удержитесь при немъ и трехъ дней. Вылетите, какъ авіаторъ.

Я отдалъ ему послѣднюю дань. Захихикалъ, осчастливленный милостивой директорской шуткой; постоялъ, ожидая, что онъ хоть на прощанье протянетъ мнѣ руку; но встрѣтившись съ нимъ взглядомъ, торопливо поклонился и выбѣжалъ изъ кабинета.

— Влетѣло?—освѣдомился кассиръ.

— Ему отъ меня?—пожалъ я плечами.—Богъ съ нимъ, не особенно.

Эту ночь я не спалъ совсѣмъ. Думалъ. А утромъ пришелъ на службу и, раскрывъ для вида какую-то книгу, погрузился въ ожиданіе новаго директора.

Мой планъ, который родился въ бессонную ночь, былъ безопасенъ; въ случаѣ, если бы онъ провалился, я „вылетѣлъ“—бы немедленно, а если имъ совсѣмъ не воспользоваться, я вылетѣлъ бы дня черезъ три. Что такое три дня въ нашей длинной монотонной жизни?

Но я совершилъ чудо.

Едва этотъ новый таинственный директоръ позвонилъ у подъѣзда и, раздѣвшись, вошелъ въ кабинетъ, я всталъ съ мѣста, захватилъ кое-какія бумажонки и, сдѣлавъ товарищамъ предостерегающій жестъ, бодро пошелъ въ самую пасть льва.

— Тссс! — сказалъ я. — Прислушайтесь къ нашему разговору.

Передо мной стоялъ высокій человѣкъ, съ черной окладистой бородой, орлинымъ носомъ и сдвинутыми черными бровями.

Я схватилъ его руку, крѣпко пожалъ ее и, не давая новому директору опомниться, заговорилъ со снисходительной улыбкой:

— Новый коллега? Очень пріятно. Кажется, Андрей Андреичъ? Старина Мигасовъ много говорилъ мнѣ о васъ. Частенько толковали мы съ нимъ... Садитесь!.. Ну, что-жъ, послужимъ, послужимъ! Народъ мы мирный, хорошій, и я, увѣренъ, вы намъ понравитесь. Ну, расскажите же что-нибудь о себѣ? Холосты? Женаты?

— Холостъ!—сказалъ онъ, ошеломленный потокомъ словъ.

— Какъ холостъ? Неужели? А дѣти есть?

Онъ засмѣялся.

— Дѣти? Откуда-же дѣти?

— А-а, плутишка,—лукаво погрозилъ я ему пальцемъ.—Покраснѣлъ... Мы васъ тутъ женимъ, хотите?

— Куда мнѣ! Я старый холостякъ. А вы... женаты?

— Гм? Какъ вамъ сказать... Курите?

— Курю.

— Ну, попробуемъ вашихъ. Знаете, странно: я съ вами только сейчасъ познакомился, а какъ будто десять лѣтъ знакомъ. Да... бываютъ такіе люди.

— А вы здѣсь въ качествѣ кого служите?—спросилъ директоръ, протягивая мнѣ портсигаръ.

Я махнулъ рукой,

— Такъ себѣ! Чепуха на постномъ маслѣ. Мигасовъ все тащилъ меня къ себѣ въ Петербургъ, въ главное правленіе, да, нѣтъ, не хочется. Кстати, онъ вамъ что-нибудь обо мнѣ говорилъ?

— О васъ? А кстати, какъ ваша фамилія? Я не слышалъ.

Я назвалъ себя и затаилъ дыханіе.

Онъ сдѣлалъ вѣжливую паузу,

— Нѣтъ, не говорилъ ничего.

— Странно. Мы были съ нимъ большими пріятелями. Онъ, вообще, ужасно разсѣянный. Я всегда подтрунивалъ надъ нимъ. „Арсеній Михайловичъ, говорю,—ты ботинокъ одинъ забылъ надѣть!“ Одно только мнѣ не нравилось въ немъ..

Я откинулся на спинку кресла, затянулся папиросой и сталъ разсѣянно разглядывать синеватую струйку дыма.

— А что такое?—заинтересовался директоръ.

— Ужъ очень онъ фамильяренъ съ низшими служащими... Курьеровъ по плечу трепалъ, съ артельщиками длиннѣйшіе разговоры велъ. Я, конечно, по убѣжденіямъ демократъ, но то, что допустимо съ нами, старшими служащими, звучитъ какимъ-то фальшивымъ народничествомъ по отношенію къ курьеру.

— Да,—призадумавшись, сказалъ онъ,—пожалуй, вы и правы.

— Да, конечно! Мы съ вами, конечно, какъ люди одного уровня, одного положенія въ обществѣ... Кстати, который часъ?

Онъ вынулъ прелестные тонкіе золотые часы съ эмалью и взглянулъ на нихъ.

— Половина перваго. А вы развѣ... куда-нибудь спѣшите?

— Да,—озабоченно сказалъ я.—Нужно будетъ въ два-три мѣстечка заѣхать. Вамъ тоже, я думаю, сегодня ужъ начинать работать не стоитъ. Не правда-ли? Вы когда завтракаете?

— Въ два.

— Экая жалость! Мы бы могли позавтракать вмѣстѣ, да сегодня, простите, не могу. Когда-нибудь, въ другой разъ. Addios, маэстро!

Я пожалъ ему руку, сказалъ нѣсколько ободряющихъ словъ по поводу того, чтобы онъ пока не смущался, что привыкнуть не такъ трудно и, пославъ ему въ заключеніе рукой привѣтственный жестъ, выпорхнулъ изъ кабинета.

У дверей, какъ стадо барановъ, толпились перепуганные служащіе.

— Вы чего же не зайдете къ Андрею Андреичу познакомиться? Андрей Андреичъ! Вы ужъ тутъ безъ меня познакомьтесь съ этими ребятами, а я спѣшу, у меня еще два свиданья!

Недавно изъ Петербурга пріѣхалъ по какимъ-то дѣламъ бывший директоръ Мигасовъ. Такъ какъ у него было нѣсколько правленскихъ дѣлъ къ Андрюшѣ Грызлову, онъ пріѣхалъ въ правленіе, вошелъ въ кабинетъ и увидѣлъ слѣдующее: я сидѣлъ на кончикѣ письменнаго стола, постукивая о ножку каблукомъ, а Грызловъ говорилъ мнѣ:

— Милый мой! Но такъ же нельзя! Ты обѣщаль мнѣ майскій отчетъ сдать въ іюль, а теперь уже начало сентября... Конечно, ты паренъ симпатичный, но...

— Ахъ, отчетъ, отчетъ!—сказаль я, подмигивая.—
Надоѣло! Ты мнѣ скажи лучше, гдѣ мы сегодня завтракаемъ?
.

СТИХІЙНАЯ НАТУРА.

I.

Я пріѣзжаю въ Москву очень рѣдко, но всегда, когда пріѣзжаю,—мнѣ попадаетъ на глаза москвичъ Тугоуздовъ.

Знакомы мы съ нимъ недавно — всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, но, выпивши однажды больше, чѣмъ нужно, перешли на „ты“.

Недавно, узнавъ, что я въ Москвѣ, онъ отыскалъ меня, влетѣлъ въ номеръ гостиницы и съ порога закричалъ:

— Брось, брось! Къ чорту твой письменный столъ! Нынче у меня хорошее настроеніе, и я хочу глотнуть порцію свѣжаго воздуха! Эхъ, чортъ! Живешь-то вѣдь одинъ разъ!

Меня очень трудно уговорить присѣсть за письменный столъ; но увести отъ письменнаго стола—самое легкое, безпроигрышное дѣло..

— Глотнемъ воздуху,—радушно согласился я.—Это можно.

— Эхъ-ма!—кричалъ оживленный Тугоуздовъ, въ то время, какъ мы, усѣвшись на лихача, мчались въ оперетку.—Ходи изба, ходи печь! Гопъ, гопъ! Хорошо жить на свѣтѣ, а?

— Совершенно безвредно,—улыбнулся я, впадая въ его тонъ.—Такъ мы въ оперетку?

— Въ оперетку. Тамъ, знаешь, есть такія разныя женщиночки. Хорр... шо!

— „Вотъ оно — подумалъ я,—настоящая широкая московская душа“.

Какъ будто догадавшись, Тугоуздовъ подтвердилъ вслухъ:

— Настоящая, я, братъ, московская душа! Тутъ насъ такихъ много. Валяй, Петя—пятерку на чай дамъ! Гопъ-гопъ!

Въ опереткѣ, во время антракта, мы встрѣтили двухъ неизвѣстныхъ мнѣ людей: Васю и Мишунчика.

По крайней мѣрѣ, Тугоуздовъ, столкнувшись съ ними, такъ и крикнулъ:

— Вася! Мишунчикъ!

Тутъ-же онъ съ ними расцѣловался.

— Какъ подрываешь, Мишунчикъ?

Оказалось, что Мишунчикъ „подрывалъ“ хорошо, потому что, не задумываясь, отвѣчалъ:

— Ничего. Подъелдониваемъ.

У русскаго человѣка считается высшимъ шикомъ пускать въ ходъ такія слова, которыхъ до него никто не слыхивалъ; да и онъ самъ завтра на тотъ-же вопросъ отвѣтитъ иначе... Что-нибудь вродѣ: „ничего, тилибонимся“ или „ничего, тарарыкаемъ“.

А въ переводѣ на русскій языкъ этотъ краткій діалогъ очень простъ:

— Какъ поживаешь, Миша?

— Ничего, помаленьку.

Тугоуздовъ познакомилъ меня съ Васей, познакомилъ съ Мишунчикомъ, и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не взялъ съ нихъ слово ѣхать вмѣстѣ съ нами ужинать къ Яру.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы не отвертитесь. Поѣдемъ, чепурыхнемъ (или чебурахнемъ—не помню).

Когда мы вернулись и сѣли на мѣсто, я спросилъ Тугоуздова:

— Кто это такіе, твои друзья?

— А чортъ ихъ знаетъ,—беззаботно отвѣчалъ онъ, не отрывая бинокля отъ глазъ.

— Чѣмъ они занимаются?

— Такъ просто... Москвичи. Кажется, хорошіе ребята. Впрочемъ, я фамилію-то ихнюю забылъ. Не то Кертингъ и Полосухинъ, не то Димитрюковъ и Звѣздичъ. Тотъ, что Звѣздичъ, очень хорошо анекдоты рассказываетъ.

И закончилъ нѣсколько неожиданно:

— Дѣляга.

II.

Когда пріѣхали къ Яру—насъ уже ждалъ накрытый столъ.

— Все, какъ слѣдуетъ?—жизнерадостно спросилъ Тугоуздовъ склонившагося къ нему метрдотеля.

— Извольте видѣть!

— Чего тамъ изволить! Коньячишку дрянъ поставили. Ты, братецъ, дай чего-нибудь этакого... старенькаго.

— Извольте-съ. Есть очень хорошіе коньяки 1820 года—только долженъ предупредить, Николай Савичъ—тово-съ! Семьдесятъ пять монетъ бутылочка.

— Ты, братецъ, глупъ,—поморщился Тугоуздовъ.— Скажи, Тугоуздовъ когда-нибудь торговался?

— Никакъ нѣтъ.

— То-то и оно. Живешь-то вѣдь одинъ разъ! Вѣрно, ребятки?

— Вѣрно,—подтвердилъ Мишунчикъ.

Шумно усѣлись за столъ.

— Эхъ-ма! Ходи изба, ходи печь!—кричалъ Тугоуз-

довъ. Шире дорогу, коньякъ въ горло идетъ! Пейте разумное, доброе, вѣчное!

...Мальчишка подошелъ къ намъ, держа въ рукъ три розы, и заявилъ Тугоуздову:

— Вотъ вамъ прислали... Съ того столика. Господа Шинкунёвы.

— Ге! Спасибо! Вспомнили стараго Тугоуздова. Стой, паренекъ! Сколько у тебя этого товару есть?

— Да хоть десятокъ, хоть два.

— Ну, вотъ, и волоки два! Отнеси имъ съ записочкой, поблагодари! Стой, напишу.

Цвѣты были отосланы съ игривой запиской Тугоуздова: „Ку-ку! А вотъ и я, здравствуйте, какъ пошевеливаетесь? Пьемъ за ваше, съ криками ура!“

Подъ запиской онъ заставилъ подписаться насъ всѣхъ, несмотря на мои мольбы и указанія, что это неудобно.

— Ничего, ничего! Живемъ-то одинъ разъ... Эхъ-ма!

Мнѣ сталъ нравиться этотъ стихійный, широкій, безудержный человѣкъ:

— Вотъ онъ, московскій-то размахъ,—подумалъ я.— Москва кутить, дымъ столбомъ!

— Что тамъ у васъ еще? — спросилъ Тугоуздовъ метрдотеля.

— Еще горячая закуска заказана, потомъ уха, потомъ котлетки валлеруа...

— Къ чорту твои закуски. Давай намъ ухи... Эхъ-ма! Настоящей русской стерляжьей ушицы съ растегайчиками. Гопъ-гопъ!.. Настоящіе исконные растегайчики!

— Виновать, закуска заказана. Можетъ, подать?

— Подай-ка, я тебѣ на голову ее выложу. Да ты вотъ что: и закуску къ черту, и валлеруа твое къ черту. Ты намъ дай кабинетикъ и тащи туда уху. Вѣрно, господа? Вѣдь всѣ уже почти сыты.

— Конечно,—сказаль я.—Напрасно ты эти котлеты и горячую закуску заказываль.

— Да, милый мой, чортъ съ нимъ! Обѣднѣемъ отъ этого, что-ли? Живешь-то вѣдь одинъ разъ. Ну, дай, я тебя поцѣлую!

Поцѣловались.

III.

Въ кабинетѣ Тугоуздовъ предложилъ:

— Снимай, ребятки, сюртуки. Оппростимся! Садись на полъ, на коврѣ будемъ уху ѣсть. Какъ рыбаки! Вѣрно?

Ѣли уху на дорогомъ кабинетномъ коврѣ. Совсѣмъ какъ рыбаки.

— Постой,—забезпокоился Тугоуздовъ.—Ты какое вино-то открыль?

— Какъ-же-съ! Клико энгляндъ.

— И дуракъ. Кто же съ ухой клико пьетъ? Дай посуше. Постой! А это оставь—сами не выпьемъ, фараоны выпьютъ.

— Какіе фараоны?—полюбопытствовалъ я.

— Какіе? А вотъ какіе. Эй, Никифоръ! Зови сюда кочующее племя. Пусть споютъ! Эхъ-ма!—вдохновенно крикнуль онъ.—Живешь-то...

— ... Вѣдь одинъ разъ, докончилъ я.

— Вѣрно! Откуда ты догадался?

Пришли цыгане. Сразу стало шумно, дымно и неуютно; всюду взоръ наталкивался на незнакомыя, алчныя лица, на открытые рты и ревушія глотки.

— Гопъ, гопъ!—кричалъ Тугоуздовъ, дирижируя хоромъ и приплясывая.—Сыпь, накаливай (или—„наяривай“—точно я не разслышалъ)! Барыни, налегайте на фрукту, пейте желтенькое! Эхъ-эхъ, тра-ла-ла!

Лицо его сіяло весельемъ.

— Вотъ оно,—подумаль я,—московскій тысячникъ

кутить! Что за забубенная головушка! Сколько въ этомъ своеобразной, дикой красоты. Знають-ли еще гдѣ нибудь въ Россіи секретъ такого разудалаго, беззавѣтнаго веселья?!

— Довольно! — кричалъ Тугоуздовъ. — Вотъ, на-те вамъ! Очищайте арену! Ёдемъ ребята!

— Домой?—спросилъ я.

— Что-о-о? Съ ума ты сошелъ! Кто-жъ теперь домой ѣдетъ? Въ „Стрѣльну!“ Подъ тропики! Кофе съ абрикотинской мазью выпьемъ. Егоръ! Скажи, чтобы Семень подавалъ. Да позови Евграфа—пусть онъ звякнетъ Ивану Порфенычу, чтобъ Алексѣй намъ кофію сварганилъ. Эхъ-ма! Высыпай, ребятаки.

Въ „Стрѣльнѣ“ пили кофе. Опять пѣли цыгане, потому что Тугоуздовъ хотѣлъ сравнить: „чья кишка толще?“

Оказалось, что „ярцамъ не выстоять“.

Въ пятомъ часу утра стали собираться уходить.

— Ну, я домой,—робко сказалъ я.

— Ни-ни! Мы еще дернемъ въ „Золотой якорь“—гуляй, душа! Ни за что не пушу. Мы еще должны по бокалу разгоннаго выпить.

— Да почему должны? Гдѣ такой законъ, что должны?

— Нѣтъ, нѣтъ, ты ужъ и не говори. Поѣдемъ! Григорій! Скажи Савелію, чтобъ онъ Семена кликнулъ. Да позови Ивана Маркелыча. Тебѣ чего? Цвѣты?! А ну тебя... Впрочемъ — ладно! Братцы, бери этотъ злакъ! Всадимъ въ петлицы съ двухъ сторонъ — то-то въ „Якорѣ“ смѣяться будутъ! Хе-хе, почудимъ! Получайте, барышня! Адьюсь. Егорrrrrr!

Въ „Якорь“ насъ не пустили. Мы долго стояли на морозѣ, переминаясь съ ноги на ногу, и униженно просили, приводя разные резоны—„Якорь“ былъ непреклоненъ.

— Нельзя, господа,—солидно говорилъ швейцарь.— Поздно. Теперь развѣ къ намъ? Теперь къ Жану время ѣхать.

— А, дѣйствительно, — спохватился Тугоузовъ.— Что же это мы, братцы, бобы разводимъ, когда уже шесть часовъ.

— А что?

— Да уже вѣдь къ Жану можно ѣхать. Блинковъ поѣдимъ, водочки. Все равно, спать-то ужъ гдѣ-же.

— Какой ужъ сонъ,—резонно подтвердилъ Вася,— седьмой часъ.

— Люди вотъ уже на рынокъ идутъ, а мы—спать?— подхватилъ и Мишунчикъ. (Кстати, онъ оказался не Кертингомъ и не Димитрюковымъ, а Жбанниковымъ, а Вася—Сычугомъ. Его національность выяснить не удалось).

IV.

У Жана лѣниво ѣли блины съ икрой и пили водку. День смотрѣлъ въ окно, и мнѣ было какъ-то стыдно за наше безпутство. Тугоузовъ заявилъ, что онъ можетъ бутылку шампанскаго открыть ладонью, хлопнувъ ею по донышку бутылки. Разбилъ двѣ бутылки и сталъ плясать съ Васей неприличный танецъ.

Я, еле ворочая языкомъ, прожевывалъ толстый блинъ и все время силился открыть тяжелыя, будто чужія, вѣки.

И самъ себя упрекалъ я:

— Нѣтъ, не годишься ты, братъ. Нѣтъ въ тебѣ такого непосредственнаго веселья... Ко всему относишься ты съ критикой, съ придиркой. Нѣтъ въ тебѣ такого... русскаго. Вотъ они настоящіе русскіе люди!

Настоящіе русскіе люди выбрались на свѣжій воздухъ только въ десять часовъ утра; притомъ Вася и Мишунчикъ куда-то исчезли, а мы остались съ Туго-

уздовымъ посреди залитой солнцемъ улицы; солнечный свѣтъ слѣпилъ воспаленные глаза.

— Хорошо погуляли, — хрипло засмѣялся Тугоуздовъ.— Я къ тебѣ въ гостиницу—спать. Можно?

Дома, въ гостиницѣ, онъ захотѣлъ чернаго кофе съ коньякомъ и улегся только въ двѣнадцатомъ часу.

Заснулъ и я.

V.

Проснулся я около шести часовъ вечера. Тугоуздовъ сидѣлъ за столомъ и что-то подсчитывалъ карандашомъ.

— Что ты?—спросилъ я.

Онъ обернулъ ко мнѣ недовольное лицо.

— Вотъ, чортъ меня поberi! Шестьсотъ рублей, какъ корова языкомъ слизала.

— Ну, что ты говоришь? Положимъ, я тоже больше двухсотъ истратилъ. Ну, да ничего,—успокоилъ я осунувшагося Тугоуздова.— Живешь-то вѣдь одинъ разъ.

— Чортъ меня дернулъ этихъ двухъ прощальгъ потащить... Пили, ѣли, хотъ бы цѣлковый кому на смѣхъ бросили...

— Да вѣдь ты же ихъ самъ тащилъ?

— Да, ужъ... До старости доживу—все дуракомъ останусь. Эти идиотскіе цвѣты еще. У Яра тридцать цѣлковыхъ отдалъ, да въ „Стрѣльнѣ“ двадцать четыре. Кому это надо? Тѣ тоже идиоты, Шинкунёвы — нужно имъ было свои паршивые цвѣты присылать.., Они-то мнѣ три розочки, а я—накося! На эти тридцать рублей три дня жить можно... И вотъ я теперъ убѣдился: никогда сразу не нужно заказывать закуску и ужинъ. Закуской-то налопаешься, а ужина никто и не ѣсть. А въ счетъ-то его ставятъ... Не подарятъ!

— Ну, что-жъ, — вздохнулъ я.— Что съ возу упало, то и пропало. Постарайся забыть и начни новую жизнь.

— Да, тебѣ легко говорить... Ты цыганъ-то не при-

глашалъ — я приглашалъ!.. Вѣдь я имъ, подлецамъ, почти триста рублей роздалъ. За что, спрашивается. Поорали, накричали въ уши разныхъ безсмысленностей и пошлостей—а ты за это-же и денежки плати..

Онъ опустилъ голову и долго смотрѣлъ на какую-то бумажку, лежавшую на столѣ.

— За коверъ пятьдесятъ рублей поставили. Вотъ безуміе-то! Это мы ухой коверъ залили. И дернула это меня нелегкая— на коверъ лѣзть уху лопать... Тоже—рыбакъ выискался! Такого рыбака высѣчь нужно, какъ слѣдуетъ, что бы онъ зналъ.

— Ходи изба, ходи печь,—напомнилъ я.

— Что? Да!..—криво улыбнулся онъ.—Этой-бы печью да по мордасамъ меня. Тоже—широкая душа! Перво-бытная натура. Кому нужны были эти блины у Жана? Шестьдесятъ рублей заплатили—за что? Лучше-бы домой поѣхали.

— Да, вѣдь, я говорилъ, чтобы домой!

— Я тебя и не упрекаю. А отъ цвѣтовъ въ „Стрѣльнѣ“ могъ бы меня и удержать... На кой чертъ эти цвѣты намъ были. Тоже, подумаешь, натыкали въ петлицы и думаютъ, что остроумно.

— Ты же самъ предвкушалъ, какъ, дескать, въ „Золотомъ Якорѣ“ смѣяться будутъ.

— Кто? Кто-бы тамъ смѣялся?! Дуракъ швейцаръ, да пара размалеванныхъ бабъ? Удивишь ты ихъ этими розами!

Онъ потеръ ладонью голову.

— Я одного только не понимаю: за что я въ „Стрѣльнѣ“ заплатилъ сто рублей, не считая цыганъ. За что съ меня они сто рублей взяли?.. Даже, помню сто десятъ рублей съ копѣйками. Не иначе, какъ эти два жулика попросили метрдотеля приписать ихъ старые счета! Обрадовались!

— Какіе жулики?

— Да эти: Симаковичъ и Перепентьевъ.

— Они вовсе не Симаковичъ и Перепентьевъ. Они: Жбанниковъ и Сычугъ.

— А чортъ съ ними! Сычугъ,—не Сычугъ. Шофферъ тоже свинья—сорокъ два рубля содраль—за что, спрашивается? Какой-то Григорій тоже или Пантелей... Даль я ему цѣлковый на чай, просилъ пять рублей размѣнять, а онъ возьми, да и исчезни съ золотымъ! Какъ бы теперь эти пять рублей пригодились... Швейцару тоже у Жана... Три рубля даль. Тысячу разъ говорилъ себѣ: нужно имѣть всегда мелкіе! Предовольно съ него было-бы и полтинника.

Вспомнивъ еще что-то, онъ злобно схватилъ себя за голову.

— Валлеруа! Знаютъ черти, что подсунуть! По три съ полтиной порція! Такъ четырнадцать рублей и ухнули. Съ какой радости, спрашивается?

— Ну, чего тамъ хныкать,—сказалъ я, рѣшительно подымаясь съ дивана.—Поѣдемъ въ Прагу, пообѣдаемъ, придемъ въ себя.

— Въ Прагу? — охнулъ Тугоуздовъ. — Нѣ-ѣтъ, братецъ... я теперь недѣлю буду сосисками съ пивомъ подерживаться. Мы хотя не нищіе, дорогой мой, а намъ тоже соображаться надо... Хочешь, поѣдемъ, тутъ такой ресторанчикъ есть „Неаполь“, за угломъ. Графинчикъ водки съ закуской 30 копѣекъ, обѣдъ изъ трехъ блюдъ шесть гривенъ...

—Котлетъ валлеруа не будетъ?

— Зачѣмъ?—не понялъ онъ.

— Да, какъ же. Можетъ, цыганъ позовешь, а? Ходи изба, ходи печь...

— Молчи, чтобъ ты пропалъ!

Онъ бросился на диванъ и простоналъ:

— А у Жана почти полкоробки икры осталось... Не

дошли! А вѣдь онъ за нее двѣнадцать рублей поставилъ...
Водки графинъ оставили... Семги три куска...

И эта широкая московская натура, этотъ размахистый гуляка заплакалъ отъ безпросвѣтнаго отчаянія и скорби.
.

НИЧТОЖНАЯ ЛИЧНОСТЬ.

Лежа въ кабинетѣ на диванѣ съ книгой въ рукахъ, я услышалъ голоса, доносившіеся изъ передней....

— Ну, что, какъ твой баринъ?

— А что-съ?

— Его нѣтъ дома? да?

— Нѣтъ-съ, помилуйте—дома.

Долгая пауза послѣдовала за этимъ отвѣтомъ. Потомъ первый голосъ, проникнутый глубокимъ изумленіемъ, воскликнулъ:

— Ну, что ты такое говоришь? Неужели?!..

— Такъ точно. Дома.

— Вотъ-то штука! Ты увѣренъ въ этомъ?

— Баринъ въ кабинетѣ на диванѣ читають книжку.

— И къ нему можно? Можетъ быть, онъ боленъ?

Нынче всѣ болѣють.

— Никакъ нѣтъ; не боленъ.

— Чудеса!.. Ну, проводи меня къ нему.

Кирпичевъ показался въ дверяхъ. Этого Кирпичева я уже не видѣлъ... не помню сколько.

Петербургъ странный городъ: кажется, будто позавчера только встрѣчался на Невскомъ со знакомымъ человѣкомъ. А онъ за это время или уже Европу успѣлъ объѣхать и жениться на вдовѣ изъ Иркутска, или полгода, какъ застрѣлился, или уже десятый мѣсяць сидитъ въ тюрьмѣ по причинѣ, очень теперь распространенной въ нашей великой, могучей Россіи: взяли

просто и посадили человѣка; тамъ, молъ, видно будетъ за что!

И, напрягши память, вспомнилъ я, что, дѣйстви-тельно, не видѣлъ этого Кирпичева мѣсяцевъ пять-шесть.

А, можетъ быть, и два года. Странно живутъ нѣко-рые изъ насъ.

Если не ошибаюсь, послѣдній разъ сидѣли мы съ компаніей за ужиномъ у Кюба. За ужинъ, помню, пла-тили мы съ Кирпичевымъ. То есть, платить хотѣли всѣ, но каждый, кромѣ насъ двухъ, выразилъ такое вялое, малокровное желаніе слазить въ карманъ за бумажни-комъ, что мы, какъ болѣе проворные, въ теченіе пяти минутъ, расплатились за всѣхъ. Кто-то, правда, выра-зилъ даже протестъ по поводу нашего поведенія, но выразилъ этотъ негодующій протестъ очень лѣнливо и, не докончивъ фразы, тотчасъ же задремаль.

Съ Кирпичевымъ я никогда не былъ близокъ, но мнѣ всегда нравилось его спокойное джентльментство въ отношеніяхъ съ окружающими и безбрежное про-стодушіе, которое привлекало всѣ нетребовательныя сердца къ этому тароватому, благожелательному чело-вѣку.

Теперь онъ казался похудѣвшимъ, немного потре-паннымъ, но ясная благожелательная улыбка все время освѣщала усталое, потемнѣвшее лицо.

— А, Кирпичевъ!—привѣтствовалъ я его.—Радъ, что вспомнили. Пять мѣсяцевъ не видѣлись.

— Полтора года. Послѣдній разъ, полтора года тому назадъ, у Кюба ужинали.

— Ну, какъ ваша техническая контора? Процвѣ-таетъ?

Онъ замахалъ на меня руками и разсмѣялся такъ, что закашлялся.

— Эко кого вспомнили! Покойницу... Я, вѣдь, батенька, пролетѣлъ съ конторой.

— Да, что вы!

— Ей-Богу,—радостно сообщилъ онъ, улыбаясь усталымъ ртомъ.—Чрезвычайно пролетѣлъ. Потомъ устроилъ автомобильный гаражъ и тоже пролетѣлъ, потомъ купилъ магазинъ предметовъ для спорта и уже окончательно пролетѣлъ. Очень, знаете, это не весело.

Но, говоря эти слова, онъ противорѣчилъ тому выраженію, которое было написано на его лицѣ: выраженіе лица его было самое веселое.

— Да-съ... все, знаете-ли, пошло прахомъ: пролетѣлъ, можно сказать, самымъ циничнымъ образомъ. Предлагали мнѣ тогда одну комбинацію, благодаря которой можно было не малую, а большую толику въ карманъ зажать, да какъ-то не могъ я. Хи-хи-хи! Ну, да ничего, знаете-ли, все на свѣтѣ поправимо. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Сегодня я растерялъ всѣ перья, завтра ближніе помогутъ обрости. Не правда ли?

Я помолчалъ.

— Я говорю: не правда-ли, а? Все, глядишь, и устроится.

Разглядывая съ суровымъ вниманіемъ свои ногти, я неохотно процѣдилъ:

— Да.... гм... бываетъ. Бываетъ, что и устраиваются.

— То-то и оно.

Я бросилъ на него исподлобья быстрый взглядъ и, увѣрившись, что онъ попрежнему безмятеженъ, перевелъ разговоръ.

— Лазаренку давно встрѣчали?

Онъ засмѣялся.

— Охъ, батенька! Лазаренка этотъ прямо какой-то пренесчастный типъ! Сколько разъ я къ нему ни захожу, ни звоню по телефону—все нѣтъ дома. Все, вѣроятно, романы съ дамами. Конечно, онъ холостой человѣкъ,

но, вѣдь, такъ и известись можно. На-дняхъ звоню къ нему—будто его голосъ по телефону: „Кто говоритъ?“.— Я отвѣчаю: „Кирпичевъ“. И вдругъ тоненькій женскій голосокъ кричитъ: „Его нѣтъ дома! Повѣсьте трубку!“.— Умора.

Я для чего-то перелисталъ книгу и спросилъ:

— А у этого... какъ его! У Тарасевича... Бываете?

— Тоже онъ занятой человѣкъ. Вотъ вѣдь странный городъ Петербургъ, какъ подумаешь: онъ высасываетъ у человѣка все свободное время и ни на минутку не даетъ пожить для себя. Заѣзжаю къ Тарасенкѣ, разъ— нѣтъ дома! заѣзжаю другой—нѣтъ дома, третій разъ— нѣтъ дома!! „Да, гдѣ-же онъ?“.—„То въ судѣ, то на какомъ-то засѣданіи, то на дѣловомъ завтракѣ или обѣдѣ“.—„Да когда его можно застать?“.—„Не знаемъ.“— „Да вы скажите этому чудаку, что Кирпичевъ, его пріятель Кирпичевъ, хочетъ, молъ, его видѣть. Пусть онъ самъ мнѣ напишетъ, когда у него свободная минутка выберется“... Оставилъ свой адресъ... Вы думаете, получилъ отвѣтъ? Ни-ни! Впрочемъ, наша петербургская почта... На нее не надѣйся, не правда-ли?

— Да ужъ... почта,..—пробормоталъ я.

— То-то и оно. И, главное дѣло, очевидно, что жизнь усложняется съ каждымъ днемъ. Помню я, года два тому назадъ какъ-то свободнѣе жилось и время для всего находилось, а нынче... (Онъ махнулъ рукой). Прямо-таки, я не знаю—куда мы идемъ? И что будетъ съ нашими дѣтьми, если даже мы уже—расшатанные скверные неврастеники, несущіеся, сломя голову, въ погоню за дѣлами...

— Да,—разсѣянно вздохнулъ я.

— Конечно-же, правильно. Да вотъ даже взять Костю Свѣтлякова—милаго лѣнтя, гуляку и бездѣльника Костю. И тотъ какимъ-то образомъ по уши погрязъ въ дѣлахъ. Захожу какъ-то на-дняхъ къ нему пораньше, чтобы ужъ

навѣрное застать. „Доложите, говорю, барину, что Кирпичевъ пришелъ, его пріятель. Баринъ-то, конечно, дома?“.—„Кажется, дома; сейчасъ посмотрю“. Вернулась: „нѣтъ дома“.—„Какъ такъ нѣтъ? Въ это-то время?“.—„Да, говоритъ, по дѣлу куда-то уѣхалъ“.—„Чудеса! Да, когда-же онъ вернется“.—„Неизвѣстно; до вечера, говоритъ, по дѣламъ поѣхалъ“. Какой-то поэтъ сказалъ: „Городъ жестокій Богъ и мы его рабы!“.. И вѣрно. Ужъ если Костя Свѣтляковъ изъ господина города въ раба превратился...

Я искоса взглянулъ на Кирпичева; мнѣ все казалось, что я подмѣчу на лицѣ или ироническую улыбку или горечь во взглядѣ голубыхъ глазъ...

Ничего подобнаго... Лицо Кирпичева сіяло, по-прежнему.

— Вотъ такъ живутъ, живутъ люди всю жизнь въ суетнѣ, въ бѣготнѣ, и такъ дойдутъ они до самаго смертнаго одра своего. „Боже ты мой, скажутъ. Да, вѣдь, мы до сихъ поръ ни разу на себя, какъ слѣдуетъ, не оглянулись!“ А гдѣ ужъ тамъ оглядываться, когда этакая тетя за спинкой кровати стоитъ и косою размахиваетъ. Хи-хи-хи!

Несмотря на веселую мину, можно было подмѣтить во всемъ лицѣ Кирпичева большую безмѣрную усталость. Я замѣтилъ, что нѣсколько разъ онъ поднималъ руку, собираясь, очевидно, поправить скривившееся на носу пенснэ, но рука останавливалась на половинѣ и падала, будто-бы возложенное на нее предпріятіе казалось ей непосильнымъ и требующимъ затраты громадной энергіи.

— Прямо-таки я даже удивляюсь, что засталъ васъ дома. Перваго теперь такого человѣка встрѣчаю, со старозавѣтными традиціями.

Я поспѣшилъ сказать:

-- Это совершенно случайно! Рѣдкій случай! Обыкновенно, меня не бываетъ дома.

— То-то мнѣ это и показалось дикимъ. Живутъ нынче всѣ на ходу и даже въ погонѣ за благами жизни о здоровьѣ своемъ забываютъ. Захожу я на прошлой недѣлѣ къ Веденяпину. Конечно, первымъ долгомъ: „Дома баринъ?“.—„А сейчасъ узнаю“. Ушелъ, потомъ приходитъ обратно въ переднюю: „Дома нѣту. По дѣламъ уѣхамши“.—„Экая жалость. Даромъ, значить, я пѣшкомъ по такому морозу съ Васильевскаго тащился. Вдругъ—гляжу на вѣшалку—старая знакомая виситъ во цвѣтѣ лѣтъ: веденяпинская шуба. „Постой, говорю я, какъ же ты говоришь, что барина дома нѣтъ, когда его шуба виситъ. Я то ее, голубушку помню—еще портному тогда, когда заказывали,—ручался“.—Дѣйствительно, говоритъ малый, это баринова шуба. Только, значить, говоритъ, въ драповомъ пальтѣ уѣхалъ“. Смѣхъ меня взялъ: „Эхъ ты, говорю я, тетеря; да, вѣдь, драповое пальто вонъ оно, подъ шубой-то виситъ. Значить, твой баринъ въ какомъ же уѣхалъ. Неужто же въ лѣтнемъ?!“.—„Значить, говоритъ, въ лѣтнемъ!“ Только это и оставалось предположить.

Кирпичевъ въ горячности вскочилъ съ кресла.

— Подумайте! Вы только подумайте! Въ 12-градусный морозъ—и человѣкъ, поглощенный дѣлами, въ лѣтнемъ пальтишкѣ на улицу выскакиваетъ. Да, вѣдь, это безуміе! Вѣдь онъ воспаленіе легкихъ могъ схватить. У людей никакого вниманія, никакого уваженія къ своему здоровью. А потомъ когда схватитъ какую-нибудь цацу на горло или въ легкія—запляшетъ, да поздно! Нервный, безумный, разсѣянный народъ. При встрѣчѣ не узнаютъ, носятся по городу въ морозъ въ лѣтнемъ пальтишкѣ или просаживаютъ время и деньги на женщинъ, позабывъ о собственномъ домѣ и хозяйствѣ.

— Печально, печально,—покачалъ я головой.—А у

васъ, вѣдь, кажется, былъ какой-то закадычный другъ Сипачевъ. Онъ въ городѣ?

— Онъ-то въ городѣ, но къ нему братъ пріѣхалъ въ гости. Тó все дома не заставалъ его цѣлый годъ... а потомъ... Да! Вѣдь съ этимъ братомъ прекуръзная исторія вышла. Прямо расскажи кому—не повѣрятъ. Смѣхи!

Дѣйствительно, онъ засмѣялся.

Манера смѣяться была у него такая: онъ закидывалъ голову и, трясясь, какъ котелъ, переполненный паромъ, отмахивался руками будто отъ какого-то невидимаго шутника, очень его насмѣшившаго...

— Такъ вотъ: прихожу я къ Сипачеву; стою въ передней. Выходитъ его жена. „Дома Гриша?“—„Нѣтъ его. Уѣхалъ“.—„Ахъ, какая жалость!“—Вдругъ нечаянно дверь въ сосѣдную комнату пріоткрывается—и что-же! Вижу—вотъ какъ васъ сейчасъ—у стола стоитъ Сипачевъ. „Да, вотъ-же, говорю я женѣ, вотъ, Марья Афанасьевна, Гриша“. А она мнѣ: „Гдѣ, говоритъ? Вотъ тотъ? Да это не Гриша“.—„А кто-же это?“.—„Да это, говоритъ, его братъ пріѣхалъ изъ Калуги, близнецъ. Очень на него похожъ“. Я такъ и ахнулъ! Вѣдь бываетъ-же такое сходство! Хи-хи! Гдѣ-то я даже читалъ рассказъ, какъ жена путала двухъ братьевъ-близнецовъ—мужа и его брата—и какія смѣшныя шутки изъ этого получались. Я, помню, очень тогда смѣялся...

— Да, да,—сказалъ я.—А мнѣ какъ разъ нужно сейчасъ нѣсколько дѣловыхъ писемъ написать.

— Ахъ, я васъ задерживаю, — засуетился онъ. — Я, вѣдь, признаться, по маленькому дѣльцу зашелъ. Вы хороши съ Чукмасѣвымъ?

— Хорошъ. А что?

— Не напишите-ли вы ему письменно обо мнѣ. Онъ, вѣдь, имѣетъ большое значеніе въ Южномъ Банкѣ, а я имѣю въ виду одну комбинаційку.

Я подумалъ.

— Нѣтъ, я не могу написать ему письма. Никакъ невозможно.

— Что вы говорите! Почему?

— У меня рука болитъ.

— Ну, что вы говорите! Экая досада! Что-же съ вами такое?

— Не знаю. Прямо-таки пошевелить трудно. Ревматизмъ, что-ли.

— Ахъ ты, Господи! Вы бы муравьинымъ спиртомъ... Очень, говорятъ помогаетъ.

— Хорошо, хорошо.

— Только какъ-же вы давеча говорили, что дѣловыя письма-то писать будете... Съ больной рукой неудобно.

Я бросилъ на него испытующій взглядъ. Лицо его ничего не выражало, кромѣ самага неподдѣльнаго участія.

— Письма? Да я ихъ сначала обдумаю, а потомъ... этого... барышнѣ продиктую. Знаете, на машинкѣ.

— Ахъ, да, впрочемъ... Вѣрно. А скажите... Можетъ быть, вы бы мнѣ продиктовали для меня письмецо, а я бы...

— Не могу. Продиктовать-то я продиктую, чудакъ вы человѣкъ, а какъ-же подпишу его, если рука не дѣйствуетъ. А безъ подписи оно и не годится.

— Да, да, Вѣрно, вѣрно. Хи-хи. Вотъ-то курьезный случай!.. Ну, я пойду. Бувайте здоровеньки, какъ говорятъ хохлы. Хи-хи.

И онъ ушелъ.

И теперь, сквозь стѣны своего дома, я вижу его, этого нелѣпаго человѣка, выброшеннаго жестокой жизнью изъ нашей человѣческой компаніи, выброшеннаго, отставленнаго отъ насъ, презираемаго нами и никакъ не хотящаго понять этого...

Видю его сквозь стѣны своего дома, вижу, какъ онъ

заходить къ Свѣтлякову и, не заставъ его дома, плетется къ Веденяпину, потомъ къ Сипачеву, изумляется сходству одного единственнаго близнеца съ самимъ собою, и потомъ идетъ онъ къ Тарасевичу, а потомъ ко мнѣ...

Я встаю съ дивана и, открывъ дверь въ переднюю, кричу слугѣ:

— Если этотъ Кирпичевъ придетъ еще одинъ разъ— меня нѣтъ дома. Когда бы ни спросилъ...

Пусть теперь приходитъ...

СЛУЧАЙ ИЗЪ ЖИЗНИ.

Нѣкоторые критики упрекають меня въ томъ, что я никогда не описываю дѣйствительной жизни, а „выдумываю изъ головы“ сюжеты своихъ разсказовъ.

Ну, хорошо.

Ну, вотъ этотъ разсказъ я, наконецъ, рѣшилъ написать не „изъ головы“; я рѣшилъ добросовѣстно передать все, ничего не преувеличивая, не преуменьшая,—всю ту адски-перепутанную нить дѣйствительной жизни, разсмотрѣнїемъ которой я былъ занятъ вчера.

Да и сегодня тоже занятъ (вотъ—пишу).

I.

Едва я спустился вчера, въ 3 часа дня, въ низокъ кавказскаго рестораника, какъ сразу же увидѣлъ толстаго смуглолицаго человѣка, сидѣвшаго въ углу съ понуреннымъ видомъ.

Мы узнали другъ друга.

— Ага!—улыбнулся я.—Живы, здоровы? Вы меня помните?

— Еще бы! Если бы не вы, до сихъ поръ пришлось бы мнѣ сидѣть „за вѣздъ въ магазинъ на автомобилѣ черезъ оконное стекло“. Что говорить — шофферъ я плохой.

Я познакомилъ пришедшаго со мной товарища съ „шофферомъ“, и мы, усѣвшись за сосѣднимъ столикомъ, дружески разговорились.

— Со мной всегда какія-нибудь дурацкія исторіи случаются,—съ невыразимо печальнымъ видомъ при-

знался этотъ человѣкъ.—То я на автомобиль въ магазинъ вѣду, то меня въ театрѣ ночью забудутъ и запрутъ, то я прыгаю въ рѣку, чтобы спасти гладильную доску, похожую, по моему мнѣнію, на погибающаго.

Онъ оглядѣлся и наклонился къ намъ съ загадочнымъ видомъ.

— А теперь... Вы знаете что? Ко мнѣ покойникъ сталъ являться.

— Ну?—удивились мы, тоже понизивъ голосъ до шопота.—Является? Ночью?

— Да нѣтъ, не ночью. Днемъ.

— Что вы говорите!—удивился я.—Что за странное существо! Днемъ пугать человѣка...

— Да онъ меня не пугаетъ. Онъ триста рублей требуетъ.

— Какая меркантильность! За что же это онъ?

— За гробъ и за ногу. Никакой у людей благодарности.

Мы изъ деликатности постѣснялись начать разспросы, но онъ самъ спросилъ, вздыхая:

— Разсказать?

— Конечно, конечно. Это очень... любопытно. Настоящій покойникъ, являющійся днемъ...

— Да онъ... какъ бы сказать... не настоящій. Былъ, дѣйствительно, покойникъ, а потомъ... Прямо-таки, сушья чепуха!

— Ну? Ну?

— Вы знаете, гдѣ я служилъ послѣднее время?

— Вѣроятно, при посольствѣ?—высказалъ вѣжливое предположеніе мой товарищъ.

— Да, какъ же! Держите карманъ шире... То-есть, такъ мнѣ не повезло, такъ не повезло, что просто ужась. Подумать: учился я въ свое время въ гимназіи, окончилъ три класса и дошелъ до того, что послѣднее время служилъ вагоновожатымъ трамвая!!

— Какая трагедія!—вздыхнулъ мой товарищъ.—Ну?

— Видите-ли, я больше привыкъ къ интеллигентному труду. Шофферъ я плохой и вагоновожатый былъ пре-паршивый. вмѣсто того, чтобы слѣдить за своимъ дѣломъ, я считалъ количество оконъ въ домахъ, старался обгонять, ради спорта, экипажи, или читалъ вывѣски наоборотъ.

— Какъ это?—заинтересовался мой товарищъ.

— А такъ: написано, напимѣръ, „магазинъ Бурцева“, а наоборотъ читаешь: „Авецрубъ низагамъ“.

— Авецрубъ низагамъ,—прошепталъ я.—Это, дѣйствительно, замѣчательно. Забавно! Онвабазъ...

— Чего?

— Онвабазъ! Забавно.

— Да, да. Такъ вотъ я и говорю: вмѣсто того, чтобы дѣло дѣлать, я воронъ считалъ. Ну, вотъ... Недавно ѣду—вдругъ изъ-за угла погребальная процессія. Эхъ, думаю, успѣю проскочить—трахъ! Что же вы думаете?! Вагонъ мой налетаетъ на катафалкъ, гробъ съ покойникомъ летитъ на рельсы, вагонъ наскაკиваетъ на гробъ—и не успѣваетъ никто оглянуться, какъ гробъ—на куски, а покойнику колесомъ кусочекъ ноги отхватило... Да, вотъ, не онъ-ли это сюда ковыляетъ?

Мы въ ужасѣ вскочили и обернули лица къ дверямъ, въ которыя кто-то вошелъ.

— Нѣтъ, не онъ! Да ужъ вы не безпокойтесь... Онъ явится, проклятый! И здѣсь меня найдетъ. Притащится!

— Амусь лешось,—сказалъ я своему другу, изъ деликатности затемнивъ фразу.

Но опытное ухо бывшего вагоновожатаго уловило смыслъ этихъ словъ.

— Ничего, я не сошелъ съ ума. Вотъ увидите—явится! Слушайте же, что дальше было. Едва только колесо наѣхало на лапу покойнику, какъ онъ зашевелился, задергалъ руками, и ну—орать, что есть мочи!

Эти дураки доктора такъ и не разглядѣли, что усопшій-то спалъ въ летаргическомъ снѣ.

— Изумительный случай!—ахнули мы.

— Ничего не изумительный. Самый обыкновенный. Говорю же я вамъ: со мной каждый день что-нибудь подобное случается.

— Что же дальше было?

— Ничего хорошаго. Факельщики, разумѣется, удрали, лошади съ катафалкомъ умчались вскачь—потѣха!—а родственники этого летаргическаго на меня же набросились, и давай меня костить, какъ самага послѣдняго человѣка.

— За что же?—удивился мой товарищъ.—Вѣдь вы, прямо-таки, воскресили мертвеца!

— То-то и оно. Я говорю то же самое. А онъ ко мнѣ потомъ присталъ: зачѣмъ гробъ поломалъ? Зачѣмъ ногу попортилъ?

Вагоновожатый погладилъ усы и свѣсилъ голову на грудь, съ видомъ злѣйшаго меланхолика.

— Теперь вотъ ходитъ ко мнѣ. Триста рублей требуетъ. Трамвайное общество отвертѣлось съ помощью своихъ адвокатовъ... а у меня адвокатовъ-то нѣтъ. Что я теперь буду дѣлать? Ходитъ и ходитъ этотъ колченогій. Каждый день ходитъ. Я, говорить, черезъ тебя трудоспособность потерялъ.

— А вы бы ему указали на то, что если бы не вы—такъ бы его живого и закопали въ могилушку.

— Да говорилъ я ему! Уперся, какъ быкъ: не твое дѣло, говорить. Можетъ быть, я и безъ тебя бы, когда рѣчи надъ гробомъ начали говорить—проснулся бы. И ноги, говорить, были бы цѣлы. Я, говорить... А чтобъ тебя на томъ свѣтѣ такъ таскало! Слышите? Идетъ! Я ужъ по костылю слышу. Пронюхалъ, что я здѣсь! Опять будетъ тутъ нюнить, падалъ этакая!

Дѣйствительно, со стороны входа, до насъ донесся отчетливый стукъ костыля о каменный полъ.

Онъ приближался и приближался...

II.

Покойникъ выглядѣлъ еще не старымъ мужчиной, съ желтымъ лицомъ и брезгливо выдвинутой нижней губой. Подъ мышкой онъ держалъ костыль. Голосъ имѣлъ скрипучій, ворчливый.

— А! Вотъ оно что! Вы тутъ вина распиваете, шашлыками закусываете—лучше бы денежки мои отдали. А пріятелей шашлыками пичкать можете тогда, когда свободныя деньги будутъ.

— Эй, вы тамъ—потіше!—грубо крикнулъ я.—Чего вы пристаєте къ этому почтенному челоуѣку? Что вамъ надо?

— А это вы видѣли?—указалъ онъ на ногу.—Тоже они мастера людей зря калѣчить.

— „Людей“, — презрительно расхохотался вагоновожатый.—Тоже челоуѣкъ выискался! Въ гробу по улицамъ раскатываетъ.

— Все равно, братъ! Давить никого не полагается.

— Если вы покойникъ, такъ нечего ко мнѣ приставать, а если не покойникъ, то сами могли бы лошадьми править. Небось, я звонки-то давалъ.

— Ну, такъ что-жъ, что давалъ?

— А вы разлеглись, и въ усь не дуετε. Трамвая нужно остерегаться.

Послѣднюю фразу вагоновожатый произнесъ крайне нравоучительно.

— Вы, братецъ мой, разсуждаете, какъ глупый челоуѣкъ: если бы я могъ самъ править катафалочными лошадьми, кто бы, какой бы дуракъ повезъ меня на кладбище.

— Ну, а если вы покойникъ, то и нечего было просыпаться!

— Я не виновать, что у меня летаргическій сонъ. А вы ужъ обрадовались, думаете—всякаго летаргическаго можно трамваемъ давить?

— „Триста рублей“,—пожалъ плечами вагоновожатый.—А то, что меня со службы выгнали и жалованье въ штрафъ удержали—это кто мнѣ заплатитъ?

..... Виновать,—перебилъ мой товарищъ, очень разсудительный человѣкъ.—Скажите, господинъ вагоновожатый, а если бы вы налетѣли на настоящаго покойника,—васъ бы тоже уволили?

— Въ томъ-то и дѣло, что тогда бы не уволили! Мало-ли какой человѣкъ на погребальную процессію наѣхать можетъ. А тутъ уволили за то, что живого человѣка изувѣчилъ. Все-таки—скандалъ, разговоры!

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь,—серьезно сказалъ мой товарищъ, обращаясь къ покойнику.—Вы сами и виноваты во всемъ происшедшемъ. Вамъ не нужно было просыпаться. Вы сами понимаете—не большая бѣда, если покойника немножко изувѣчатъ. А вы сдѣлали очень некрасиво—къ рельсамъ подѣхали, крадучись, втихомолку, какъ покойникъ, а потомъ, когда васъ, такъ сказать, вышибли изъ сѣдла, вы подняли крикъ, подчеркнувъ этимъ, что пострадали, какъ живой человѣкъ. Неудобно-съ!

— Ну, хорошо. Если даже такъ,—согласился покойникъ послѣ долгаго размышленія.—А гробъ-то онъ, все-таки, поломалъ? Гробъ-то тоже денегъ стоилъ?

— Но, вѣдь, онъ вамъ сейчасъ не нуженъ?!

— Да, вѣдь, когда-нибудь понадобится?

— Тогда онъ вамъ его и купить.

Бывшій покойникъ обернулся къ вагоновожатому.

— Купишь?

— Съ удовольствіемъ!

— Ну, то-то. Ты хоть-бы виномъ-то меня угостилъ. А то одни отъ тебя только непріятности.

— Сдѣлайте одолженіе!

Восхищенный краснорѣчіемъ моего товарища, покойникъ развеселился и даже легкое подобіе улыбки,—какъ солнце сквозь облака—прорѣзало его лицо.

— За здоровье новорожденнаго!—провозгласилъ мой товарищъ.

— Ногу онъ мнѣ только попортилъ—вотъ жалко!

— Ничего! Одни появляются на свѣтъ Божій безъ зубовъ и волосъ—другіе безъ ноги—такова воля Зиждителя.

— Ура!—крикнулъ вагоновожатый.

Было весело.

Между моимъ товарищемъ и покойникомъ намѣтился уже легкій абрисъ будущей дружбы.

Когда мы, расплатившись, неувѣренно брели по узенькой улицѣ, я сказалъ вагоновожатому на его образномъ языкѣ:

— Акчиниокопъ иламолу! Ех-ех!

— Обисапсъ,—съ чувствомъ отвѣтилъ вагоновожатый, пожимая мнѣ руку...

Вотъ вамъ и жизнь!

Ей-Богу, ни одного слова не прибавилъ, не убавилъ. Честное слово.

О ДѢТЯХЪ.

(Матеріалы для психологіи).

У дѣтей всегда бываетъ странный часто недоступный пониманію взрослыхъ уклонъ мыслей.

Мысли ихъ идутъ по какому-то своему пути; отъ образовъ, которые складываются въ ихъ мозгу, вѣетъ прекрасной дикой свѣжестью.

Вотъ нѣсколько пустяковъ, которые запомнились мнѣ:

I.

Одна маленькая дѣвочка, обнявъ мою шею рученками и уютно примостившись на моемъ плечѣ, разсказывала:

— Жиль-быль слонъ. Вотъ однажды пошелъ онъ въ пустыню и легъ спать... И снится ему, что онъ пришелъ пить воду къ громадному-прегромадному озеру, около котораго стоитъ сто бочекъ сахару. Большихъ бочекъ. Понимаешь? А сбоку стоитъ громадная гора. И снится ему, что онъ сломалъ толстый-претолстый дубъ и сталъ разламывать этимъ дубомъ громадныя бочки съ сахаромъ. Въ это время подлетѣлъ къ нему комаръ. Большой такой комаръ—величиной съ лошадь..

— Да что это, въ самомъ дѣлѣ, у тебя,—нетерпѣливо перебилъ я.—Все такое громадное: озеро громад-

ное, дубъ громадный, комаръ громадный, бочекъ сто штукъ...

Она заглянула мнѣ въ лицо и съ видомъ превосходства пожала плечами.

— А какже бы ты думалъ. Вѣдь онъ же слонъ?

— Ну, такъ что?

— И потому, что онъ слонъ, ему снится все большее. Не можетъ же ему присниться стеклянный стаканчикъ или чайная ложечка, или кусочекъ сахара...

Я промолчалъ, но про себя подумалъ:

— Легче дѣвочкѣ постигнуть психологію спящаго слона, чѣмъ взрослому человѣку—психологію дѣвочки.

II.

Знакомясь съ однимъ трехлѣтнимъ мальчикомъ крайне сосредоточеннаго вида, я взялъ его на колѣни и, не зная съ чего начать, спросилъ:

— Какъ ты думаешь: какъ меня зовутъ?

Онъ осмотрѣлъ меня и отвѣтилъ, честно глядя въ мои глаза:

— Я думаю—Андрей Ивановичъ.

На бессмысленный вопросъ я получилъ ошибочный, но вѣжливый, дышащій достоинствомъ отвѣтъ.

III.

Однажды лѣтомъ, гостя у своей замужней сестры, я улегся послѣ обѣда спать.

Проснулся я отъ удара по головѣ, такого удара, отъ котораго могъ бы развалиться черепъ.

Я вздрогнулъ и открылъ глаза.

Трехлѣтній крошка стоялъ у постели съ громадной палкой въ рукахъ и съ интересомъ меня разглядывалъ.

Такъ мы долго, молча, смотрѣли другъ на друга.

Наконецъ, онъ съ любопытствомъ спросилъ:

— Что ты лопаешь?

Я думаю этотъ поступокъ и вопросъ былъ вызванъ вотъ чѣмъ: бродя по комнатамъ, малютка забрался ко мнѣ и сталъ разсматривать меня, спящаго. Въ это время я во снѣ, вѣроятно, пожевалъ губами. Все что касалось жеванія, вообще, и пищи, въ частности—очень интересовало малютку. Чтобы привести меня въ состояніе бодрствованія, малютка не нашелъ другого способа, какъ сходить за палкой, треснуть меня по головѣ и задать единственный вопросъ, который его интересовалъ:

— Что ты лопаешь?

Можно-ли не любить дѣтей?

ФАБРИКАНТЪ.

— Знаю, знаю я, зачѣмъ ты на дачу ѣдешь.

— Да, ей Богу, отдохнуть!

— Знаемъ мы этотъ отдыхъ.

— Заработался я.

— Знаю, какъ ты заработался! Будешь тамъ за всѣми дачницами волочиться

Писатель Маргаритовъ сдѣлалъ серьезное лицо, но потомъ махнулъ рукой и беззаботно засмѣялся.

— А ей Богу же, буду волочиться. Чего мнѣ!

— Вотъ видишь, я говорилъ. За кѣмъ же ты думаешь?

— За всѣми.

— Послушай... а я?

Маргаритовъ разсѣянно скользнулъ глазами по лицу писателя Пампухова.

— Ты? А ты какъ знаешь. Вѣдь ты раньше меня ѣдешь?

— Раньше,—сказалъ Пампуховъ.

— Ну, и устраивайся, какъ знаешь.

Это было превосходное дачное убѣжище. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было море, въ нѣкоторыхъ сосны, въ нѣкоторыхъ песокъ. Море шумѣло, сосны шумѣли и только песокъ лежалъ смирно.

Дачниковъ было много, но такъ какъ песку, сосенъ и моря было еще больше—всѣ были довольны.

Маргаритовъ пріѣхалъ черезъ три дня послѣ Пампухова и сейчасъ же ориентировался. Познакомился съ сосѣдкой и, расхваливъ ей какой-то морской уголокъ, ко-

тораго онъ до этого и въ глаза не видалъ—повлекъ несчастную къ этому таинственному уголку.

— Вотъ,—сказалъ онъ, беря дачницу за руку и усаживая ее на песокъ.—Вотъ, будемъ тутъ слушать Бога.

— Какъ, слушать Бога?

— Мы сейчасъ передъ лицомъ Сущаго. Онъ во всемъ—въ прибоѣ морскомъ, въ шелестѣ сосенъ и въ вашихъ глазахъ. Положите мнѣ руку на голову. Вотъ такъ. Положите мою голову къ себѣ на колѣни и спойте колыбельную пѣсенку. Я усталъ.

Дачница разсмѣялась, но исполнила желаніе Маргаритова.

— Чему вы сейчасъ смѣялись?

— Такъ,—отвѣтила дачница.

— Вы не видите звѣздъ?

— Нѣтъ. Теперъ же день,

— А я ихъ вижу. Моя звѣзда и твоя—мерцаютъ рядомъ. Какъ хорошо чувствовать себя частичкой комкокса... Что значимъ мы, двѣ пылинки, среди билліоновъ...

Неожиданно дачница сбросила голову Маргаритова на песокъ, повалилась около и залилась такимъ ужаснымъ раскатистымъ смѣхомъ, котораго Маргаритовъ никогда не слыхивалъ. Она смѣялась длинной заливчатой фразой „ха-ха-ха-ха-хха-а!“, потомъ ей перехватывало горло, она дѣлала коротенькое—„гга-а-а!“, и опять вздохнувъ, низвергалась въ глубокую пучину: „ах-ха-ха-ха-ха-а-а!“

Маргаритовъ, потрясенный, стоялъ надъ нею и спрашивалъ:

— Что такое? Что случилось?

— Гга-а-а! Ахха-ха-ха-а!

— А ну васъ,—сердито сказалъ Маргаритовъ.—Если вамъ такъ весело—веселитесь въ одиночествѣ.

— Ах-ха-ха-а...

Отойдя отъ нея, Маргаритовъ подумаль съ досадой:
— Ничего не понимаетъ. Навѣрное, дура.

Въ тотъ же день Маргаритовъ свель знакомство съ другой дачницей—прехорошенькой докторшей.

— Часто бываете у моря?—хитро спросиль онъ.

— Не особенно.

— Хотите я покажу вамъ одинъ чудесный уголокъ. О немъ никто почти не знаетъ. Пойдемте.

Когда писатель и дачница пришли на то мѣсто, гдѣ еще оставалось углубленіе въ песокъ отъ тѣла хохотавшей давеча собесѣдницы Маргаритова,—Маргаритовъ усѣлся у ногъ своей новой знакомой и мечтательно сказаль:

— Тутъ такъ хорошо... Здѣсь можно слушать Бога.

— Почему?

Онъ устало покачалъ головой.

— Боже мой! Но вѣдь мы теперь лицомъ къ лицу съ Невѣдомымъ... Невѣдомый притаилсясюду—его шумъ слышится въ прибоѣ соленой волны, въ шелестѣ могучихъ сосенъ, и Онъ глядитъ на меня изъ вашихъ глазъ. Положите мнѣ руку на голову. Я усталъ.

— Можетъ быть, вы хотите положить свою голову ко мнѣ на колѣни?—благодушно спросила дачница.

Маргаритовъ опасливо взглянулъ на нее, подивился немного и нерѣшительно положилъ голову ей на колѣни.

— Баю-баюшки,—сказала дачница.—Не спѣть-ли вамъ колыбельную пѣсенку?

Маргаритовъ поднялъ голову.

— Откуда вы... знаете?

— Что?

— Ничего, ничего...

— Нѣтъ, что я знаю?

— Вотъ то, что я... хотѣлъ, чтобы вы мнѣ спѣли колыбельную пѣсенку?

— Догадалась, — разсмѣялась дачница. — Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Вы звѣздочекъ не видите? Вонъ двѣ нашихъ звѣздочки мерцаютъ. Дальше какъ? Космосъ, что-ли? Пойдите, куда же вы? Вы еще не сказали насчетъ двухъ жалкихъ пылинокъ среди миллиарда. Это очень хорошій трюкъ; женщина, узнавъ, что вы съ ней двѣ такія пустяковыя пылинки среди миллиардовъ—подумаетъ: „Эхъ, измѣню-ка я мужу. Все равно крошечная измѣна растворится среди огромнаго космоса!“ Ахъ, Маргаритовъ, Маргаритовъ! Вѣдь, вы писатель. Ну, какъ же вамъ не стыдно, а?

— Послушайте... Скажите мнѣ правду,—убитымъ тономъ спросилъ Маргаритовъ. — Это Пампуховъ... разболталъ?

— Ну, конечно же! Онъ уже два дня ходитъ всюду и проповѣдуетъ: „Женщины, скоро пріѣдетъ Маргаритовъ—остерегайтесь его. Онъ будетъ стоять съ вами передъ лицомъ природы, потомъ положитъ вашу руку къ себѣ на голову, потомъ эту голову положитъ къ вамъ на колѣни, потомъ будетъ жалоба на усталость, просьба колыбельной пѣсни и разговоръ о звѣздахъ, о космосѣ. Потомъ...“

— Довольно!—съ горечью сказалъ Маргаритовъ.— Прощайте. Вы злы и жестоки.

— До свиданья. Всего хорошаго. Кланяйтесь Пампухову.

Усталый, разбитый возвращался бѣдный Маргаритовъ къ себѣ на дачу. Онъ брелъ, натыкаясь на стволы сосенъ и спотыкаясь о корни.

Онъ былъ печаленъ, разсѣянъ и золъ.

Но какъ онъ ни былъ разсѣянъ—звукъ двухъ голосовъ, доносившихся со стороны лужайки, гдѣ лежало старое сваленное бурей дерево—остановилъ его.

Разговаривали мужчина и женщина. Маргаритовъ прислушался и проворчалъ:

— Ну, конечно, этотъ проклятый Пампуховъ разговариваетъ! Чтобъ ему языкъ проглотить.

Вопреки этому желанію, Пампуховъ дѣйствовалъ языкомъ легко и свободно.

— Я въ этомъ отношеніи разсуждаю, какъ дикарь! Захотѣлось мнѣ васъ поцѣловать—я хватаю васъ и цѣлую. Это мое право. Захотѣлось вамъ ударить меня за это хлыстомъ или выстрѣлить изъ пистолета—бейте, стрѣляйте. Это уже ваше право.

— Ну, хорошо,—сказалъ женскій голосъ.—А если я ни бить, ни стрѣлять въ васъ не буду, а просто скажу, что вы мнѣ противны. Тогда что?

— Не говорите этого слова,—яростно вскричалъ Пампуховъ.—Я себѣ лучше разобью голову!

И онъ, дѣйствительно, хватился головой о поваленный стволъ дерева.

— Ишь, проклятый,—завистливо подумалъ Маргаритовъ.—Безъ приемовъ работаетъ. Какъ Богъ на душу положить!

— Сумасшедшій!—вскричала женщина.—Вы себѣ голову разобьете!

— И разобью,—вдохновенно-упрямо сказалъ Пампуховъ.

— Смотрите, какое красное пятно на вискѣ...

— И пусть. Любите меня?

— Не знаю,—нерѣшительно сказала женщина.—Я, кажется, вообще, не могу любить.

— Пусть я подохну,—простоналъ Пампуховъ.

Онъ задыхался отъ гнѣва и муки. Поглядѣлъ на женщину воспаленными глазами, схватилъ себя за воротникъ и бѣшено дернулъ. Воротникъ затрещалъ, галстукъ лопнулъ и безжизненно свисъ на сторону.

— Что вы дѣлаете, дикарь? Вѣдь вамъ придется возвращаться домой.

— Пусть!—прохрипѣлъ бѣдный Пампуховъ.—Пусть! Любишь меня? Скажи...

— Не знаю... Зачѣмъ вы меня на ты называете?

— О, чертъ! Придешь сегодня ночью къ мостику?

— Не дѣлайте моей рукѣ больно. Не знаю, можетъ быть...

— Нѣтъ, скажи навѣрное...

— Навѣрное, сказать никогда нельзя... А вдругъ умру.

— О, Божже!—заревѣлъ Пампуховъ.—Она меня не любитъ! Она мной играетъ! Пропадай все.

Онъ схватилъ свою трость, въ ярости переломилъ ее пополамъ, и отбросивъ далеко отъ себя обѣ половинки, убѣжалъ въ лѣсъ.

— Пампуховъ,—крикнула дачница.—Вернитесь! Пампу-у-уховъ! Гдѣ вы, сумасшедшій! Сережа-а! Ну, вернись, ну, я тебя люблю. Я пошутила!

Очевидно, сумасбродный Пампуховъ былъ далеко, потому что не отозвался на этотъ ласковый призывъ. Дачница сѣла на поваленное дерево, и подперевъ подбородокъ рукой, стала смотрѣть затуманеннымъ слезой взоромъ въ ту сторону, куда умчался неистовый Пампуховъ.

Подождавъ немного, Маргаритовъ засвистѣлъ пѣсню и смѣло направился къ дачницѣ, обойдя ее съ другой стороны.

— Ай, кто тутъ?!

— Это я,—сказалъ, раскланиваясь, Маргаритовъ.—Позвольте представиться,—Маргаритовъ. Бродя по лѣсу, услышалъ женскій крикъ, и думая, что кому-нибудь нужна помощь—поспѣшилъ сюда.

— А вы слышали,—смущенно спросила дачница,—что я кричала?

— Странно, но мнѣ показалось, что женскій голосъ кричитъ знакомое имя—Пампуховъ!

— А вы его... знаете?

— Серезу Пампухова? Какъ самого себя. Страшный ловелась.

— Ну, что вы!

— А ей Богу. Навѣрное, уже успѣлъ признаться вамъ въ любви...

— Почему вы думаете?

— Таковъ его характеръ. У него есть и система своя. Да вотъ, на примѣръ: говорилъ онъ вамъ, что онъ дикарь и дѣлаетъ, что хочетъ, и что женщина можетъ поступать тоже, какъ хочетъ: или отвѣтить на поцѣлуй, или ударить ножемъ.

— Нѣтъ, не ножемъ, а хлыстомъ или револьверомъ.

— Ну, все равно.

Онъ оглядѣлъ дачницу и спросилъ небрежно-дѣловымъ тономъ:

— Голову разбивалъ?

— Что-о?

— Голову. У него такая система: послѣ дикаря биться головой обо что-нибудь.

Дачница вскочила.

— Послушайте! Неужели, онъ притворялся? А я-то, глупая...

— Да онъ ловко это продѣлываетъ.

— Но, вѣдь, онъ не шутилъ бился головой. У него было тутъ красное пятно...

—Сударыня! Это дѣлается очень просто: онъ ловко хлопаетъ ладонью о-дерево, а потомъ уже головой бьется о-руку. Получается сильный звукъ, а не больно.

— А красное пятно?!

— Вы обращали когда-нибудь вниманіе на отворотъ его пиджака? Нѣтъ? Обратите. У него на всякій случай за отворотомъ нашитъ кусокъ коленкора съ намазанной на него красной гримировальной краской. Ударившись

головой о-руку, этотъ продувной парень хватается за отворотъ и, намазавъ палець краской, переноситъ ее на лицо. Поняли?

— Боже, какая гадость...

— Да ужъ... Хорошаго мало. Воротничекъ рвалъ?

— Рвалъ...

— Съ галстукомъ?

— Д...да...

— У него двѣ дюжины старыхъ воротничковъ съ собой изъ города привезы. Для подобныхъ случаевъ. Какъ только воротничекъ у него забахромится—сейчасъ же откладываетъ: „Э, говорить, это мнѣ для свиданья еще пригодится. А галстуки у него спеціально такъ сдѣланы, что не рвутся, а просто сзади разстегиваются.

— О, Боже, Боже!.. Какія мы, женщины, дуры.

— Ну, почему же ужъ и дуры?! Просто вы такъ благородны, что не замѣчаете этихъ ухищреній. Палку ломалъ?

— Ломалъ.

Маргаритовъ задумчиво покачалъ головой.

— Новый приѣмъ. Передъ отъѣздомъ онъ у разносчика купилъ десятокъ палокъ за пять рублей. „На что тебѣ,—спрашиваю я,—эта дрянь?“ Смѣется. „Въ ломъ, говорить, покупаю для нѣкоторыхъ случаевъ“.

— Но, объясните мнѣ,—зачѣмъ же онъ такъ поступаетъ?

— Зачѣмъ? Потому что онъ на любовь смотритъ, какъ фабрикантъ на свое производство. Если бы у него былъ одинъ романъ, а то, вѣдь, онъ завязываетъ сразу десять. А для такого обширнаго производства требуется уже штампъ. Раньше какой-нибудь Бенвенутто Челлини трудился надъ однимъ бокаломъ или ларчикомъ цѣлый годъ, и это было подлинное художественное произведение; а теперь на берлинскихъ фабрикахъ дѣлаютъ эти вещи по тысячъ въ день. Ясно, что всѣ они дѣлаются

однимъ и тѣмъ же способомъ, штампуются на одинъ фасонъ. Такъ и вашъ Пампуховъ. Зная, вообще, его пріемъ, его фабричную марку, я всегда могу по ней предсказать весь процессъ его оптовой работы.

— Какая гадость! Какая трясина! 'О, если онъ мнѣ только встрѣтится... У меня голова болить. Не проводите-ли вы меня домой?

— Съ удовольствіемъ. Но знаете, что? Не лучше-ли намъ пойти посидѣть немного у моря? Море такъ успокаиваетъ. Тамъ стоишь лицомъ къ лицу съ невѣдомымъ. Съ тѣмъ, кто шелеститъ изумрудомъ соленыхъ волнъ, темной хвоей мрачныхъ сосенъ...

— Какъ вы хорошо говорите!.. Пойдемте!

— Невѣдомый всюду. Сейчасъ онъ глядитъ изъ вашихъ темныхъ глазъ... Какая у васъ теплая ласковая рука! Положите ее мнѣ на голову. А голову положите къ себѣ на колѣни... Вотъ такъ. Чувствуешь себя маленькимъ, маленькимъ мальчиковъ. Убаюкайте меня. О, какъ хорошо... Я вижу звѣзды... Твоя и моя... Космосъ...

— Дорогой мой мальчикъ...

— Ну, еще! Еще поцѣлуй меня. Двѣ пылинки космоса... среди милліона... билли...билліарда пылинокъ...

ЗАГАДКИ СЕРДЦА.

I.

Мой сосѣдь по комнатѣ Бакалягинъ—нанесъ мнѣ первый свой визитъ по очень странному поводу.

Онъ пришелъ и сказалъ:

— Всѣ мы должны поддерживать другъ друга и выручать другъ друга. Безъ этого міръ бы давно развалился. Не такъ-ли?

— Ну, да, — поощрительно подтвердилъ я. — Такъ что же?

— Вы слышали вчера ночью черезъ стѣну, когда я вернулся?

— Вчера? Нѣтъ, не слышалъ.

— Ага! Спали, значитъ.

— Нѣтъ, не спалъ.

— Почему же вы не слышали? Стѣна вѣдь тоненькая.

— Почему? Потому что вчера вы совсѣмъ не возвращались.

— Ну, да, — осклабился онъ съ видомъ завятаго кутилы. — Предположимъ, что это было сегодня на разсвѣтъ. Однако, вы не захотите меня подвести, а другого человѣка—заставить страдать.

— Принципіально, конечно, я этого не хотѣлъ-бы.

— Такъ вотъ, — моргая красными вѣками, попросилъ застѣнчиво Бакалягинъ. — Я бы васъ очень просилъ, чтобы вы какъ нибудь не проговорились объ этомъ Агнессѣ Чупруненко.

— Боже мой! Да я даже не знаю, что это за Агнесса Чупруненко.

— Какъ не знаете?! Неужели? Да она ваша сосѣдка съ правой стороны. Тутъ же и живетъ. Агнія Василевна Чупруненко.

— Да? Не подозрѣвалъ, не подозрѣвалъ. Впрочемъ, будьте покойны, если даже познакомлюсь—не выдамъ васъ.

— Пожалуйста!

Онъ сѣлъ на кончикъ стула,—хилый, болѣзненный, вертя маленькой головой на длинной шеѣ, какъ встревоженная змѣя.

Посидѣвъ молча, онъ, очевидно, вспомнилъ, что неприлично занимать ближняго своими дѣлами, не выказавъ въ то же время интереса къ его дѣламъ.

Поэтому, осмотрѣлъ меня и замѣтилъ:

— А вы немножко ниже меня ростомъ.

— Безъ сомнѣнія.

— Женщины любятъ высокихъ.

— Да...

— Чего-съ?

— Я говорю: это вѣрно. Правильно.

— Вотъ, вотъ. И спрашивается: что она нашла во мнѣ—не понимаю. Ни красотой, ни умомъ я не отличаюсь, особыхъ талантовъ не имѣю, а вотъ подите-жъ. Я ужъ, признаться, и самъ не радъ.

— Агнесса Чупруненко?

То-то и оно. Любовь хорошая вещь, но она связываетъ по рукамъ и по ногамъ.

Онъ задумчиво улыбнулся блѣднымъ, широкимъ ртомъ и сказалъ:

— А еще говорятъ—женщина вѣнецъ природы.

Его длинное истомленное лицо и страдальческіе глаза дали мнѣ поводъ закончить эту сентенцію:

— Женщина—терновый вѣнецъ природы.

— И вѣрно! Чудно, чудно сказано.

Потомъ, сдѣлавъ еще нѣсколько характерныхъ замѣчаній о женщинахъ, онъ ушелъ.

II.

Съ Агнессой Чупруненко я познакомился въ корридорѣ около телефоннаго аппарата, который былъ ею захваченъ минутъ на сорокъ.

Въ ожиданіи своей очереди, я нервно прохаживался по корридору, какъ вдругъ около меня послышался стонъ.

Это стонала Агнесса.

— Вы... тутъ?! значить вы слышали, что я говорила?..

— Съ чего вы это взяли?

— Милый, хорошій! У васъ такое симпатичное лицо! Я васъ умоляю—ни слова Бакалягину! Я знаю—вы знакомы, онъ мнѣ такъ много говорилъ о васъ... Вы должны быть джентльменомъ.

Агнесса была рыжеватая дѣвица небольшого роста и безотрадной наружности. Ея мольба, высказанная очень пронзительнымъ голосомъ, ошеломила меня.

Я, не спѣша, представился, пожалъ ей руку и спросилъ:

— Съ чего вы взяли, что я буду доносить Бакалягину о вашихъ разговорахъ по телефону?

— Ахъ, но я уже всего боюсь. Этотъ человекъ способенъ придать яростный отгѣнокъ самымъ простымъ вещамъ. Сейчасъ-же начнетъ рвать и метать.

— Кого это,—спросилъ я, думая о другомъ.

— Что попадется. Мужчина, вообще—наказаніе, а мужчина, влюбленный и ревнивый—наказаніе тройное. Зайдите ко мнѣ—чаю стаканъ выпить. Мнѣ нужно съ вами серьезно поговорить.

Агнесса втащила меня въ свою комнату, толкнула

на какой-то пуфъ и, схватившись въ отчаяніи за голову, заявила:

— Такъ дальше жить нельзя.

— Успокойтесь. Что-нибудь случилось?

— Этакъ съ ума сойти можно!! Эти горящіе глаза, сцены изъ-за всякаго прикосновенія ко мнѣ мужчины— кто можетъ перенести подобную муку?

— Онъ васъ такъ любитъ?

— Любитъ? Это слово какъ-то даже странно говорить... Онъ сходитъ съ ума. Ради Бога, скройте какъ-нибудь, что вы были у меня—онъ подниметъ изъ-за этого Богъ знаетъ что...

— Ну, я думаю, это все для васъ довольно-таки стѣснительно. Отчего бы вамъ не переѣхать на другую квартиру?

Она улыбнулась гнетущей душу улыбкой.

— Зачѣмъ?... Чтобы онъ завтра же поселился напротивъ, еще болѣе ожесточенный, еще болѣе подозрѣвающій? Уже уходятъ? Ну, до свиданья. Такъ ради же Бога—ни слова о визитѣ!

III.

Вечеромъ ко мнѣ зашелъ Бакалягинъ.

Усы его были опущены внизъ, въ уголкахъ губъ притаилась скорбь, и опять онъ, длинный, съ крошечной головкой на безпокойной шеѣ напомнилъ мнѣ безпокойно озирающуюся змѣю.

— Ушла?—прошепталъ онъ, показывая пальцемъ на правую стѣну.

— Ушла. А что?

Онъ обрушился на диванъ, какъ скошенный бурей телеграфный столбъ.

— Я такъ больше жить не могу! Поймите, она меня въ могилу сводитъ!

— Кто?

— Агнесска. Сегодня закатила истерику за то, что я вчера былъ на семейномъ обѣдѣ у одной дамы. Подумаешь, какое преступленіе. И я вотъ теперь сижу и думаю: что я за такой за человѣкъ, что она такъ втюрилась?! Красотой особенной я не отличаюсь, талан...

— А вы бы уѣхали, отсюда, что ли.

— Уѣхать?! Вы ребенокъ. Въ Одессѣ, въ Гельсингфорсѣ, на днѣ моря и подъ облаками я буду отысканъ... И тогда еще худшія времена настанутъ.

— Да позвольте... Значить, вы ее не любите?

— Да что вы, батенька, — вскричалъ Бакалягинъ, вздернувъ плечами такъ энергично, что они чуть не налѣзли ему на уши.— Любить можно нормальную женщину, а не эту сумасбродную бабу, способную за одинъ взглядъ на постороннюю женщину—перегрызть глотку.

— А вы ее тоже, вѣдь, ревнуете?

— Я? Вы смѣшной человѣкъ.

— Ну, знаете,—сказалъ я, раздраженно.—Въ такомъ случаѣ, я признаюсь вамъ: она сегодня затащила меня къ себѣ и жаловалась на васъ, что вы ее изводите ревностью.

— Ха! ха! ха! ха!—отрывисто захохоталъ этотъ хилый любовникъ.—Я... ее... ревную... ну, знаете, я думалъ, что вы считаете меня умнѣе!

— Она умоляла меня не говорить вамъ, что я былъ у нея. „Онъ“, говоритъ она, „можетъ вообразить Богъ знаетъ что!“

— Я могу вообразить только одно,—покачалъ головой Бакалягинъ,—что она дура.

— Значить, вы ее совсѣмъ не любите?

— Подите вы! Сами ее любите.

— Но почему же вамъ не разстаться?

— Разстаться? А ходить съ выжженными глазами и изуродованной фізіономіей—это вамъ пріятно? Это вамъ

тоже разстаться? Нѣтъ, ужъ на кого Господь положилъ проклятіе, тотъ долженъ всюду влачить его.

— Не поговорить-ли мнѣ съ ней, какъ третьему лицу? А?

— Не совѣтую. Истерики не оберешься. Сегодня, когда мы чай у нея пили, она такъ на меня зыкнула за какое-то замѣчаніе о ея подругѣ, что я стаканъ на полъ уронилъ. Э, да ужъ что тамъ говорить... несчастный я. Прощайте!

IV.

Жизнь въ мебелированныхъ комнатахъ развиваетъ либеральные поступки.

Поэтому, я не удивился, когда на слѣдующее утро ко мнѣ безъ доклада вошла Агнесса Чупруненко.

Поздоровавшись, она спросила:

— Ушла уже?!

— Кто?

— Эта верста коломенская. Вотъ уже сотворилъ Господь и самъ удивляется.

Я пожалъ плечами. Она сидѣла, понурившись, наполненная до краевъ безысходной скорбью.

Потомъ прошептала:

— Больной человѣкъ. Вчера посуду сталъ бить. Стаканъ съ чаемъ разбилъ. Нашелъ у меня карточку моего отца—устроилъ сцену... Это, говоритъ, вашъ любовникъ, навѣрное? Господи! Грѣшный я человѣкъ—иногда думаю — хотъ бы его трамваемъ переѣхало или въ тюрьму бы посадили!

— А онъ говоритъ, что вы его любите.

— Я?! Люблю?! Кого?

— Бакалягина.

— Нацѣпите его себѣ на носъ, вашего Бакалягина.

— Я не привыкъ дѣлать безцѣльныхъ поступковъ,— отвѣтилъ я.

— На мѣсяць бы! На одну недѣлку! На одинъ день бы хоть—оставилъ онъ меня въ покоѣ. Нѣтъ! какъ утро—сейчасъ же въ дверь своей кривой лапой стучить: „Агнесса, вы дома?“ Если бы вы знали, какъ мнѣ иногда хочется ему сказать! „Убирайся къ чорту, жердь проклятая! У меня другой мужчина!“

— А вы бы сказали когда-нибудь. Попробуйте.

Она пожала плечами.

— Въ свидѣтели попасть хотите?

— А что?

— Убьетъ. Выломаетъ дверь и убьетъ меня.

Я сжалъ губы и жестко сказалъ:

— А, знаете, онъ говорилъ мнѣ, что не любитъ васъ.

Она усмѣхнулась.

— Еще бы! Онъ это можетъ сказать. Къ сожалѣнію, это только разговоръ для постороннихъ.

— Онъ говорилъ, что терпѣть васъ не можетъ. Она говоритъ, мнѣ на шею повисла, и никакъ я не могу отъ нея отдѣлаться

— Ну, конечно! Ему стыдно признаться, что онъ влюбленъ, какъ дуракъ, что изъ-за пустяка на стѣну лѣзетъ—вотъ онъ и старается всѣхъ увѣрить. Ничтожная личность

V.

Это была серьезная, тяжелая застарѣлая болѣзнь.

Я знаю, нѣкоторыя серьезные болѣзни требуютъ серьезной, иногда мучительной, операціи

Операцію можно было-бы сдѣлать такую:

Пригласить къ себѣ длиннаго квартиранта Бакалягина и безотрадную квартирантку Агнессу Чупруненко... Усадить ихъ, сѣсть самому и, не торопясь, не волнуясь, сказать:

— Господа! Однимъ ударомъ ножа я могу облегчить ваши страданія. Позвольте мнѣ передать со сте-

нографич ской точностью тѣ слова и выраженія, которыя каждый употреблялъ по отношенію къ другому. Агнесса утверждаетъ, что Бакалягинъ надоѣлъ ей до омерзѣнія, а Бакалягинъ утверждаетъ—что Агнесса—пошлая дура, присосавшаяся къ нему, какъ пѣявка. На мой совѣтъ—уѣхать—Агнесса отвѣтила такъ: „я бы уѣхала, но онъ сейчасъ же потащится за мной, разыщетъ меня и еще больше начнетъ отравлять мнѣ жизнь“. На мой совѣтъ—уѣхать—Бакалягинъ, въ свою очередь, заявилъ, что онъ бы это сдѣлалъ съ наслажденіемъ, но „эта глупая баба, какъ собаченка побѣжитъ за нимъ и отыщетъ его въ Гельсингфорсѣ, въ Одессѣ, и даже на днѣ морскомъ“ Господа! Теперь вы все знаете другъ о другѣ. Договоритесь при мнѣ, объяснитесь,—и пусть каждый ѣдетъ, куда хочетъ. Зачѣмъ же вамъ, жалкіе вы люди, тянуть постыдную глупую лямку, бродить въ темнотѣ и отравлять жизнь себѣ, а главное мнѣ, мнѣ, которому вы смертельно надоѣли. Ну... эйнъ, цвей, дрей—и готово.

Вотъ та—единственная операція, которая напрашивалась сама собой.

И, однако, я не рѣшился сдѣлать эту операцію.

Почему?

Я думаю такъ: лучше жить нѣсколько лѣтъ съ самой отвратительной, мучительной болѣзнию, чѣмъ съ облегченіемъ сразу умереть подъ ножомъ хирурга.

А Л Л О!

...Личный разговор — это письмо, которое можно растягивать на десятки страниц; разговор по телефону — телеграмма, которую посылают в случаѣ крайней необходимости, экономя каждое слово. *Цитата изъ этого разсказа.*

Мышьякъ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ очень полезное средство; но если человекъ заставитъ проглотить столовую ложку мышьяку — оба безцѣльно погибнутъ. И человекъ, и мышьякъ.

Трость очень полезная вещь, когда на нее опираются; но въ ту минуту, когда тростью начинаютъ молотить человекъ по спинѣ — трость сразу теряетъ свои полезные свойства.

Что можетъ быть прекраснѣе и умильнѣе ребенка; природа, кажется, пустила въ ходъ все свое напряженіе, что-бы создать чудеснаго, цвѣтущаго голу-боглазаго ребенка. Кто изъ насъ не любовался ребенкомъ, не восхищался ребенкомъ; но если кто-нибудь начнетъ швыряться изъ окна четвертаго этажа ребятами въ прохожихъ — прохожіе отнесутся къ этому съ чувствомъ омерзенія и гадливости.

Я не могу себѣ представить ничего болѣе полезнаго, чѣмъ иголка. А попробуйте ее проглотить?

Этимъ я хочу только сказать, что хотя шиломъ не брѣются и ручкой зонтика не извлекаютъ попавшихъ въ глазъ соринокъ, но разговаривать по телефону безо

всякой нужды больше получаса — на это находятся охотники.

И они не видятъ въ этомъ ничего дурного.

Иногда ко мнѣ по телефону звонить барышня.

Я умышленно не называю ее имени потому, что у всякаго человѣка есть своя барышня, которая ему звонить.

Характеръ такой барышни трудно описать. Она не обуреваема ни сильными страстями, не заражена большими пороками; она не глупа, кое-что читала. Если нѣсколько сотъ такихъ барышень, подмѣшавъ къ нимъ кавалеровъ, пустить въ театръ—онѣ образуютъ собою довольно сносную театральную толпу.

На улицѣ онѣ же образуютъ уличную толпу; въ случаѣ какой-нибудь эпидеміи участвуютъ въ смертности законнымъ процентомъ, ропща на судьбу въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но составляя, въ то же время, въ общемъ итогѣ, „общественное мнѣніе по поводу постигшаго нашу дорогую родину бѣдствія“.

Никто изъ нихъ никогда не напишетъ „Евгенія Онѣгина“, не построитъ Исаакіевскаго собора, но удалять ихъ за это изъ жизни нельзя — жизнь тогда бы совсѣмъ оскудѣла. Въ книгѣ исторіи онѣ вмѣстѣ со своими кавалерами занимаютъ очень видное мѣсто; онѣ—та бѣлая бумага, на которой такъ хорошо выдѣляются черныя буквы историческихъ строкъ.

Если бы не онѣ со своими кавалерами—театры бы пустовали, издатели модныхъ книгъ раззорялись бы, а телефонистки на центральной станціи ожирѣли бы отъ бездѣйствія и тишины.

Барышни не даютъ спать телефонисткамъ. Въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, онѣ ежечасно настоятельно требуютъ соединить ихъ съ номеромъ такимъ-то.

Къ сожалѣнію, никто не можетъ втолковать барышнямъ, что личный разговоръ лицомъ-къ-лицу — это письмо, которое можно растягивать на десятки страницъ; а разговоръ по телефону — телеграмма, которую посылаютъ въ случаѣ крайней необходимости, экономя каждое слово.

Пусть кто-нибудь изъ читателей попробуетъ втолковать это барышнѣ,—она въ тотъ же день позвонитъ ко мнѣ по телефону и спроситъ: правда-ли, что я написалъ это? Какъ я вообще, поживаю? И правда-ли, что на прошлой недѣлѣ меня видѣли съ одной блондинкой?

— Васъ просятъ къ телефону!

— Кто проситъ?

— Онѣ не говорятъ.

— Я, кажется, тысячу разъ говорилъ, чтобы обязательно узнавали, кто звонитъ?

— Я и спрашивалъ. Онѣ не говорятъ. Смѣются. Ты, говорятъ, ничего не понимаешь.

— Ахъ ты, Господи! Алло! Кто у телефона?!

Говоритъ барышня. Отвѣчаетъ:

— О, Боже, какой сердитый голосъ. Мы сегодня не въ духѣ?

— Да нѣтъ, ничего. Это просто телефонъ хрипитъ,—говорю я съ наружной вѣжливостью.—Что скажете хорошенькаго?

— Что? Кто хорошенькая? Съ какихъ это поръ вы стали говорить комплименты?

— Это не комплиментъ.

— Да, да,—знаемъ мы. Всякій мужчина, преподнося комплиментъ, говоритъ, что это не комплиментъ.

Чрезвычайно, чрезвычайно жаль, что она не видитъ моего лица.

Я молчу, а она спрашиваетъ:

— Что вы говорите?

Что ей сказать? Бросаю единственную кость со своего скуднаго неприхотливаго стола:

— Вы изъ дому говорите?

— Какой вы смѣшной! А то откуда же?

Что бы такое ей еще сказать?

— А я думалъ, отъ Киндякиныхъ.

— Отъ Киндякиныхъ? Гм! Вы только, кажется, и думаете, что о Киндякиныхъ. Вамъ, вѣроятно, нравится madame Киндякина? Я что-то о васъ слышала!.. Ага...

Это она называетъ „интриговать“.

Потомъ будетъ говорить какому-нибудь изъ своихъ кавалеровъ:

— Я его вчера ужасно заинтриговала.

Понурившись, я стою съ телефонной трубкой у уха, гляжу на ворону, примостившуюся у края водосточной трубы, и впервые жалѣю, оскорбляя тѣмъ память своего покойнаго отца: „зачѣмъ я не созданъ вороной?“

Надъ ухомъ голосъ:

— Что вы тамъ—заснули?

— Нѣтъ, не заснулъ.

Какой ужасъ, когда что-нибудь нужно сказать, а сказать нечего. И чѣмъ больше убѣждаешься въ этомъ, тѣмъ болѣе тупѣешь...

— Алло! Ну, что-жъ вы молчите? Съ вами ужасно трудно разговаривать по телефону. Расскажите, что вы поддѣлываете?

Помедливъ немного, я раздражаюсь такимъ каламбуромъ, услышавъ который всякій другой человѣкъ повѣсилъ бы трубку и убѣжалъ безъ оглядки:

— Что я поддѣлываю? Преимущественно кредитныя бумажки.

— Алло? Я васъ не слышу!

— Кредитныя бумажки!!!!

— Что—кредитныя бумажки?

— Я. Поддѣлываю

— Къ чему вы это говорите?

— А вы спрашиваете, что я подѣлываю? Я не разобралъ—два „д“ у васъ, или одно. Вотъ и отвѣтилъ. Этотъ каламбуръ приводитъ ее въ восхищеніе.

— Ахъ, вѣчно живой, вѣчно остроумный! И откуда у васъ только это берется? Серьезно, что у васъ новенькаго?

Зубами прикусываю нижнюю губу; лишній разъ убѣждаюсь, что кровь у меня солоноватая, съ металлическимъ вкусомъ.

— Какъ вампиры могутъ пить такую гадость?

— Что-о?

— Я говорю, что не понимаю: какой вкусъ находятъ вампиры въ человѣческой крови.

Она нисколько не удивляется обороту разговора:

— А вы вѣрите въ вампировъ?

Надо бы, конечно, сказать, что не вѣрю, но, такъ какъ мнѣ все это совершенно безразлично, я вяло отвѣчаю:

— Вѣрю.

— Ну, какъ вамъ не стыдно! Вы культурный человекъ, а вѣрите въ вампировъ. Ну, скажите: какія основанія для этого вы имѣете? Алло!

— Что?

— Я спрашиваю: какія у васъ основанія?

— На кого?—безсмысленно спрашиваю я, читая плакатъ сбоку телефона: „Сто рублей“ тому кто докажетъ, что у Нарановича готовое платье не дешевле, чѣмъ у другихъ“.

— „На кого“ не говорятъ. Говорятъ: для чего.

— Что „для чего“?

— Основанія.

— Жизнь не ждетъ,—возражаю я, какъ мнѣ кажется, довольно основательно,

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, почему вы вѣрите въ вампировъ? Что за косность?

— Интуиція.

Вѣроятно, она не знаетъ этого слова, потому что говорить „а-а-а“ и, какъ испугнутая птица, перепархиваетъ на другой сукъ:

— Что у васъ, вообще слышно?

— Сто рублей тому, кто докажетъ, что у Нарановича готовое платье не дешевле, чѣмъ у другихъ.

-- У какого Нарановича?

— Портной. Вѣроятно, дамскій.

— Не говорите пошлостей. Вы забываете, что разговариваете съ барышней. Вообще, вы за послѣднее время ужасно испортились.

И вотъ мы стоимъ на разстояніи двухъ или трехъ верстъ другъ отъ друга, приложивъ къ уху по куску чернаго выдолбленнаго внутри каучука. Отъ меня къ ней тянется тонкая-претонкая проволока—единственное связующее насъ звено.

Почему проволока такъ рѣдко рвется? Хорошо, если бы какая-нибудь большая птица усѣлась на самое слабое мѣсто проволоки и... А вѣдь въ самомъ дѣлѣ — можетъ же это случиться? если положить потихоньку трубку на подоконникъ и уйти? А потомъ свалить все на „этотъ проклятый телефонъ“ (Вѣчная исторія съ этими проводами! Поговорить даже не дадутъ какъ слѣдуетъ!).

Но нужно прервать бесѣду на моихъ словахъ. Пусть барышня думаетъ, что я внѣ себя отъ досады, не успѣвъ рассказать начатое.

Я кричу:

— Алло! Вы слушаете? Я вамъ сейчасъ что-то расскажу—только между нами. Ладно? Даете слово?

— О, конечно, даю! Я умираю отъ любопытства!!

— Ну, смотрите. Вчера только что подхожу я къ

квартирѣ Бакалѣвыхъ, вдругъ выходить оттуда Шмагинъ—блѣдный, какъ смерть! Я...

Я кладу трубку на подоконникъ (если повѣсить ее, барышня можетъ черезъ минуту опять позвонить), — кладу трубку, облегченно вздыхаю и удаляюсь на цыпочкахъ (громкіе шаги слышны въ трубку).

Воображаю, какъ она тамъ бѣснуется у своего конца проволоки:

— Алло! Я васъ слушаю! Почему вы молчите?! Ахъ, ты, Господи! Барышня! Это центральная? Почему вы насъ разъединили?! Дайте номеръ 54—27.

А телефонистка, навѣрное, отвѣчаетъ деревяннымъ тономъ:

— Или трубка снята, или поврежденіе на линіи.

Милая телефонистка.

Однажды барышня позвонила ко мнѣ рано утромъ; было холодно, но я согрѣлся подъ одѣяломъ и думалъ, что никакія силы не сбросятъ меня съ кровати.

Однако, когда зазвенѣлъ телефонный звонокъ, я, пролежавъ минуты три подъ оглушительный звонъ, наконецъ, дрожа отъ холода, вскочилъ и подбѣжалъ къ телефону, перепрыгивая съ одной ноги на другую—поль холодень какъ ледъ.

— Алло! Кто?

— Здравствуйте. Вы уже не спите? Однако, рано вы поднимаетесь; я тоже уже проснулась. Ну, что у васъ слышно?

Перепрыгивая съ ноги-на-ногу, я давалъ вялыя реплики, и послѣ десятиминутнаго разговора услышалъ успокаивающія душу слова:

— А я очень хорошо устроилась: лежу на оттоманкѣ, около горящаго камина — тепленько-претепленько. Педикюрша дѣлаетъ мнѣ педикюръ, а я пью

кофе, рассматриваю журналы и говорю по телефону; телефонъ-то у меня тутъ же на столѣ. Я кстати и позвонила вамъ... Алло! Почему не отвѣчаете? Центральная!! Что это такое? Опять порча? Господи!

Вотъ я написалъ рассказъ.

Десятки тысячъ барышень, навѣрное, прочтутъ его. И если хотя бы десять барышень призадумаются надъ написаннымъ и поймутъ, что я хотѣлъ сказать — на свѣтѣ станетъ жить немного легче.

Прошу другія газеты перепечатать.

ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРОМУ ПОВЕЗЛО.

Повѣсть.

Въ этомъ не было ничего чудеснаго.

Это все равно, какъ если бы человекъ, переходя каждый день, въ теченіе десяти лѣтъ, черезъ шумную улицу, твердилъ бы ежедневно:

— Вотъ сегодня меня непременно раздавить автомобиль! Сегодня ужъ навѣрное.

И если бы автомобиль когда-нибудь, дѣйствительно, раздавилъ его—въ этомъ не было-бы ничего удивительнаго. Не было бы чудеснаго пророчества, предчувствія.

То же самое можно было сказать и объ Акимѣ Васильевичѣ Цыркуновѣ—конторщикѣ большого дровяного склада братьевъ Перетягиныхъ (доски, дрова, уголь, каменный и деревянный; оптовый отпускъ).

Если, когда нибудь Акимъ Цыркуновъ, переписывая корешки накладныхъ, поднималъ отъ книги сморщившійся носъ, открывалъ ротъ и, глядя въ потолокъ искаженнымъ отъ сладкаго ожиданія взглядомъ, наконецъ, аппетитно и оглушительно чихалъ—его товарищъ и сподвижникъ по службѣ Ваничка Сырыхъ неизмѣнно подсказывалъ ему:

— Двѣсти тысячъ на мелкіе расходы.

— Спасибо, — неизмѣнно отвѣчалъ Акимъ цыркуновъ и сейчасъ же неизмѣнно впадалъ въ мечтательное настроеніе.

— О, дѣйствительно,—говорилъ онъ, подперевъ ку-

лакомъ щеку.—Если бы мнѣ двѣсти тысячъ... Ужъ я бы зналъ, какъ распорядиться ими.

— А что бы вы сдѣлали?

— Да ужъ будьте покойны—зналъ бы что сдѣлать. Я бы показалъ настоящую жизнь-то.

— Ну, если бы и мнѣ такую пифру,—говорилъ и худосочный Сырыхъ,—я бы тоже...

— Ну, а вы бы что сдѣлали?

— Я купилъ бы пароходъ и отправился бы по разнымъ странамъ. Пилъ бы ромъ, сражался съ индѣйцами и подалъ бы на Высочайшее имя прошеніе о перемѣнѣ фамиліи. Ходатайствовалъ бы о назначеніи мнѣ фамиліи Джекъ Смитъ.

Цыркуновъ пожималъ плечами.

— И это все?

— Конечно, не все. Купилъ бы себѣ еще звѣринецъ—я очень звѣрей люблю, дикихъ. И сталъ бы упражняться гириями. По маскарадамъ ходилъ бы...

— Зачѣмъ?

— Чтобы всѣхъ интриговать. Ну, а чтобы вы сдѣлали, все-таки, если бы вдругъ на вашъ билетъ палъ выигрышъ двѣсти тысячъ?

— Да, ужъ зналъ бы что—будьте покойны! Слава Богу, тоже понимаемъ, какъ жить по настоящему... хе-хе! Безъ денегъ не знаешь, какъ быть, а съ деньгами... ап...ап...чхи!!!

— Вотъ! Значитъ—ваша правда.

.. Ап... чхи!

— Двѣсти тысячъ на мелкіе расходы!

— Спасибо вамъ!

Эти разговоры повторялись почти каждый день—въ зависимости отъ силы хроническаго насморка Акима Цыркунова.

— Апчхи!!

— Двѣсти тысячъ на мелкіе расходы!

Въ одинъ изъ первыхъ весеннихъ дней Акимъ Цыркуновъ выигралъ на свой билетъ *двѣсти тысячъ*.

Выигралъ такъ, какъ это обыкновенно дѣлается— не прилагая къ этому никакихъ усилій и даже ни разу не чихнувъ въ этотъ знаменательный день, что, конечно, вызвало бы традиціонную бесѣду о „двухстахъ тысячахъ на мелкіе расходы“ и придало бы факту выигрыша особый привкусъ чудеснаго.

II.

Можетъ ли человѣкъ за свою долгую жизнь забыть тотъ день, когда онъ, не имѣя наканунѣ ничего—сегодня вышелъ изъ банкирской конторы, ощущая въ карманѣ около ста девяносто тысячъ новенькими плотными пятисотрублевками?

Нѣтъ! трудно забыть такой день.

По выходѣ изъ банкирской конторы планъ ближайшихъ мѣропріятій былъ уже составленъ богачемъ Цыркуновымъ.

Именно, онъ зашелъ въ гастрономическій магазинъ и, робѣя съ непривычки, попросилъ:

— Фунтъ зернистой икры, самой лучшей. И потомъ ананасъ.

— Слушаю-сь. Изъ напитковъ ничего не прикажете?

— Да, конечно,.. Гм!.. Дайте шампанскаго. Шампанское есть у васъ?

— Помилуйте! Какой марки прикажете?

— Что-о?

-- Какой сортъ позволите?

— А какіе сорта вы имѣете? — осторожно освѣдомился Цыркуновъ.

— Кордонъ-съ ружъ, кордонъ-съ веръ, вайтъ-старъ, монополь-секъ, муммъ-экстра-дри-съ.

— Ага... У васъ монополь-секъ хорошій?

— Будьте покойны—французская фирма.

— Я думаю! Стану я пить русскую дрянъ. Вообще, ты, братецъ, тово... Скажи мальчику вашему, чтобы онъ вызвалъ мнѣ автомобиль.

Выйдя изъ магазина, Цыркуновъ замѣтилъ нищаго, который, прислонившись къ выступу стѣны, смотрѣлъ въ другую сторону, не обращая никакого вниманія на Цыркунова.

У бывшаго конторщика былъ уже составленъ обширный, хорошо разработанный планъ „оглушенія“, и онъ началъ немедленно его осуществленіе съ нищаго.

— Эй, нищій,—сказалъ онъ, дергая его за рукавъ,— Ты милостыню просишь, да?

— Подайте баринъ,—очнулся задумавшійся оборванецъ.—Хучь пятачекъ... ночевать негдѣ... хлѣба... три дня... больница... хучь двѣ копѣйки...

— Ладно, ладно,—сановито остановилъ его Цыркуновъ.—Вотъ тебѣ десять рублей. Помни —хе-хе!—Акима Цыркунова!

И онъ умчался на автомобилѣ.

Приѣхавъ домой на свою холостую квартиру, онъ сразу же окунулся въ роскошную привольную жизнь: выложилъ свѣжую икру на большую тарелку, досталъ столовую ложку, хлѣбъ и, вытеревъ чайный стаканъ, сталъ открывать шампанское.

Это дѣло было потруднѣе: штопоръ не ввинчивался въ пробку, потому что на верхушкѣ ея торчала какая-то металлическая „нашлепка; кромѣ того, горлышко было опутано цѣлой сѣтью проволоки совершенно ненужной по мнѣнію хозяина. Пришлось горлышко отбить кочергой и пить вино осторожно, чтобы не подавиться осколкомъ стекла.

Все было чрезвычайно вкусно: и икра, и вино, и ананасъ. Завтракъ—хоть куда.

— Надо,—рѣшилъ настроившійся гастрономически Цыркуновъ,—попробовать еще омаръ и выпить рому.

А на сладкое куплю ужъ тортъ. Эхъ, хорошо жить на свѣтѣ!

Послѣ завтрака Цыркуновъ рѣшилъ ѣхать въ магазины. Онъ осмотрѣлъ въ зеркало свой потертый засаленный галстукъ и прошепталъ, подмигивая самому себѣ:

— Я знаю, что мнѣ надо дѣлать.

III.

Въ галстучномъ магазинѣ передъ нимъ выставили цѣлую гору коробокъ.

— Да вы, собственно, какіе хотѣли?

— Самые лучшіе.

— Вотъ извольте—эти самые настоящіе англійскіе. Одинъ адвокатъ у насъ по полдюжины сразу ихъ беретъ.

Цыркуновъ ухмыльнулся въ усы съ хитрымъ видомъ.

— Полдюжины? Ну, а мнѣ, знаете, заверните-ка... полсотенки!

Ожидаемый эффектъ разразился. Хозяинъ магазина былъ оглушенъ.

Онъ истерически заметался, запрыгалъ, какъ обезьяна, по полкамъ и выставилъ передъ Цыркуновымъ другую гору.

— Бѣлыхъ не прикажете ли, фракныхъ? Черныхъ атласныхъ для смокинга...

— Да, да... мнѣ, конечно, нужно—благосклонно кивнулъ головой Цыркуновъ.—Все нужно. Заверните вотъ этихъ и этихъ... и этихъ.

Выйдя изъ магазина, Цыркуновъ сѣлъ въ тотъ же автомобиль (съ шофферомъ у него уже установились хорошія отношенія) и сталъ размышлять такъ:

— Смокингъ... оказывается, что галстуки не подѣ...

каждый костюмъ одѣнешь. Смокингъ... гм! Шоферъ! Везите меня къ портному, какой получше.

У портного Цыркунову открылся новый міръ.

— Вотъ-съ это покосматѣй будетъ—для жакетовъ... Бирмингамскіе сорта. Это трико-съ—для смокинговъ.

— Черное?

— Да.

— А... другихъ цвѣтовъ нѣтъ?

— Помилуйте... смокинги только черные шьются.

— Ну, что вы мнѣ говорите! Я думаю коричневатый будетъ гораздо наряднѣе.

— Извольте,—сказаль портной.—Сдѣлаемъ коричневый. На отвороты поставимъ коричневый атласъ. Брюки внизу сдѣлаемъ не особо широкіе, потому слегка на туфлю падаетъ, не на ботинокъ.

— Вы полагаете, на туфлю?—задумчиво переспросилъ Цыркуновъ. — Значитъ, придется къ смокингу туфли покупать.

— Да ужъ... Мода—ничего не подѣлаешь.

И оба склонили голову передъ суровыми требованіями капризной богини—моды.

— И такъ оно и пошло:

Галстучникъ силой вещей толкнулъ его къ портному, портной перекинулъ его въ объятія обувнаго торговца, а тотъ ловкимъ ударомъ перенесъ сразу бывшаго конторщика въ цѣпкія лапы француза, который снискивалъ себѣ солидное пропитаніе продажей мужского бѣлья „все лучшій сортъ, суперіоръ“...

Тароватому Цыркунову удалось „оглушить“ даже видавшаго виды француза; количество носковъ, купленное имъ, хватило бы даже самой капризной сороконожкѣ на цѣлый годъ.

Но, главное „оглушеніе“ было впереди.

IV.

Приѣхавъ въ свою деревяную контору, Цыркуновъ скромно вошелъ въ первую комнату, поздоровался и сказалъ:

— Извините, что такъ опоздалъ. У меня дома случайно тамъ одинъ вышелъ.

Бухгалтеръ обернулся, кивнулъ ему головой и сталъ продолжать разговоръ по телефону.

— Алло! Что? господинъ Миркинъ! Какъ не можете прислать? Да вѣдь мы на эти восемь тысячъ нынче рассчитывали! У насъ срочные платежи!! Вы не имѣете права насъ подводить... Что? Конечно! Да позвольте!..

Цыркуновъ приблизился къ бухгалтеру и деликатно вынулъ у него изъ рукъ телефонную трубку.

— Оставьте, Николай Ивановичъ... Стоитъ ли волноваться вамъ, портить кровь изъ-за такихъ пустяковъ... Если сейчасъ такъ нужны деньги—вотъ! На-те. Отдадите, когда Миркинъ пришлетъ.

«Оглушеніе» было страшное, чудовищное, ни съ чѣмъ не сравнимое. Только тогда нашелъ Цыркуновъ, что бываютъ минуты, когда сердце можетъ разорваться отъ восторга.

Бухгалтеръ остолбенѣлъ, конторщикъ Сырыхъ опрокинулъ чернильницу, а сторожъ Мокренко бросился чистить Цыркунову метелочкой пиджакъ.

Разслабленный Цыркуновъ опустился на стулъ и заговорилъ томно и ласково:

— О, господа, какіе пустяки. Тутъ нѣтъ ничего такого... Господинъ Сырыхъ! я знаю, вы нуждаетесь въ нѣкоторыхъ суммахъ для того, чтобы жизнь ваша могла быть урегулирована съ достаточной полнотой. Будьте добры принять отъ меня на память эту тысячу рублей. Мокренко! А ты, братецъ, тоже тово... Какъ говорить, а? Вотъ тебѣ пятьдесятъ рублей—будь себѣ здоровъ.

Оглушеніе было невѣроятное, потрясающее, не убившее никого только потому, что отъ удивленія не умирають.

V.

— А что, братецъ—обратился, ѣдучи обратно, Цыркуновъ къ своему пріятелю шофферу. — Могъ бы ты пойти ко мнѣ служить?

— А у васъ есть моторъ?—спросилъ шофферъ.

— Нѣтъ, но я думаю, что можно купить. Ты купишь?

— Отчего же-съ! Купимъ лимузинъ обыкновенный, изъ мерседесовъ можно что-нибудь подобрать, или можетъ, нравится электрической безъ запаха, только что онъ подороже.

— Ну, и прекрасно. Заѣзжай ко мнѣ завтра утромъ и поѣдемъ.

По пути Цыркуновъ заѣхалъ въ магазинъ и купилъ припасовъ на обѣдъ: цѣлаго омара, балыкъ, страсбургскій паштетъ, рому и шампанскаго. Взялъ, кстати, и два десятка устриць, но, пріѣхавъ домой, не ѣлъ ихъ.

А такъ какъ поручить ихъ прислугѣ выбросить было какъ-то стыдно и странно, Цыркуновъ завернулъ устрицы въ старую газету и поздно вечеромъ, выйдя изъ дому, забросилъ на дворъ въ дрова.

Утромъ купили съ шофферомъ автомобиль. Шофферъ такъ понравился Цыркунову своимъ чутьемъ, вкусомъ и здравымъ смысломъ, что въ компаніи съ нимъ была отыскана большая въ девять комнатъ квартира, куплена мебелировка, ковры, картины и скульптура.

Цѣлый день, проведенный вмѣстѣ, очень сблизилъ скромнаго богача Цыркунова съ умнымъ, веселымъ шофферомъ. Поэтому, не было ничего удивительнаго

въ томъ, что вечеромъ всѣ покупки были сырсухнуты въ отдѣльномъ кабинетѣ второразряднаго ресторана, метр-д-отеля котораго Цыркуновъ не преминулъ «ошеломить» заказомъ громадной стерляди и полдюжины шампанскаго. Изъ дичи же было заказано: руанская утка—Цыркунову (12 руб.) и сѣдло барашка—шофферу (6 руб.). Деликатный шофферъ этимъ очень тонко подчеркнулъ іерархическую разницу между собой и своимъ патрономъ.

VI.

Жизнь протекала такъ: просыпался Цыркуновъ въ своей монументальной спальнѣ довольно поздно—часовъ въ двѣнадцать; проснувшись, читалъ около часу какой-нибудь романъ изъ французской или англійской жизни; потомъ вставалъ, надѣвалъ смокингъ, атласный галстукъ, лаковые туфли и долго бродилъ по комнатамъ, разсматривая картины и статуи, выбранныя имъ въ компаніи со знатокомъ великосвѣтскаго быта шофферомъ; полюбовавшись на картины, на букеты свѣжихъ цвѣтовъ, въ изобиліи разставленныхъ по всѣмъ комнатамъ, Цыркуновъ усади вался въ кабинетѣ за письменный столъ и, развернувъ нѣсколько листовъ чистой бумаги, съ карандашемъ въ рукахъ—звонилъ камердинера, обрусѣвшаго испанца Игнаціо, который получалъ жалованье ровно въ три раза больше, чѣмъ Цыркуновъ въ свое время въ дровяной конторѣ Перетягиныхъ.

— Игнаціусъ!— солидно говорилъ Цыркуновъ, дѣлая на листахъ бумаги отмѣтки съ самымъ дѣловымъ видомъ.—Позовите шоффера—мнѣ надо съ нимъ переговорить... Да велите подать мнѣ закусить чего-нибудь и бутылку шампанскаго. Пожалуйста, сдѣлайте все это!..

Приносили разныя закуски, вино, являлся шофферъ.

— Здравствуй, Акимъ,—говорилъ онъ, ласково хлопая по плечу хозяина.—Какъ вообще, ползаешь?

— Ничего, спасибо. Садись закусимъ.

— Опять это пойло?—ты бы водочки лучше, а?..

— Ну, чего тамъ водочки... Пей шампанское. Самое, братъ, лучшее вино.

Чокались, пили. Закусывали икрой, балыкомъ и холодной руанской уткой, которая чрезвычайно понравилась Цыркунову со времени ужина въ ресторанѣ.

Послѣ завтрака оба пріятеля сѣли на моторъ и уѣзжали, катаясь по городу и забавляясь тѣмъ, что изрѣдка „оглушали“ прохожихъ или лавочниковъ.

Цыркуновъ очень любилъ разные сюрпризы: то онъ покупалъ въ три слова бакалейную лавку со всѣмъ товаромъ и дарилъ ее нищему, который назойливо его преслѣдовалъ; то нанималъ нѣсколько десятковъ порожнихъ извозчиковъ и велѣлъ имъ ѣхать за собой цугомъ, что приводило городского въ крайнее изумленіе; однажды оба пріятеля сговорились купить всѣ билеты въ опереткѣ и вечеромъ сосредоточенно прослушали всю пьесу, въ пустомъ залѣ, въ присутствіи только заинтригованнаго околоточнаго, которому Цыркуновъ подарилъ на память объ этой затѣѣ золотой портсигаръ.

Въ этотъ же курьезный вечеръ Цыркуновъ познакомился съ опереточной пѣвицей Незабудковой.

Незабудкова сразу оцѣнила и коричневый смокингъ, и шоффера, и шикарныя замашки бывшаго конторщика. Сначала дѣло ограничилось цвѣтами, потомъ ужиномъ и цвѣтами; потомъ ужиномъ, цвѣтами и брилліантовой штучкой, которую Цыркуновъ называлъ очень нерѣшительно, боясь ошибиться: „кольѣ“, потомъ ужины, цвѣты и „кольѣ“ свили прочное гнѣздышко въ очень уютной квартиркѣ, которую Незабудкова обставила даже безъ совѣтовъ опытнаго шоффера, а потомъ...

VII.

...— Сколько вы даете процентовъ, если положить на годъ восемь тысячъ?—спросилъ Цыркуновъ (это были тѣ самыя восемь тысячъ, которыя были даны, „чтобы бухгалтеръ не портилъ себѣ кровь“).

Завѣдующій вкладами въ банкѣ отвѣчалъ:

— Шесть. Будете получать 480 рублей въ годъ.

— Это значить... 40 руб. въ мѣсяць? „Ого,—подумалъ Цыркуновъ, на 15 рублей больше, чѣмъ получалъ у Перетягиныхъ. Значить, проживу. Хватить!“

Цыркуновъ разыскалъ свою старую квартиру, поселился въ ней, и зажилъ тихой спокойной жизнью, безъ коричневыхъ смокинговъ, руанской утки, шампанскаго, и „оглушеній“—забирая очень аккуратно свои сорокъ рублей въ мѣсяць...

Шофферъ, однако, не покинулъ своего друга въ его скромной жизни. Они частенько сидятъ за бутылкой пива въ комнатѣ Цыркунова, и, если хозяинъ, изрѣдка поднявъ голову къ потолку, откроетъ ротъ и звучно чихнетъ: „Апчхи!“—шофферъ не преминетъ благожелательно посулить:

— Двѣсти тысячъ на мелкіе расходы!

— Спасибо,—скажетъ хозяинъ,—но уже не прибавить, какъ бывало: „если бы, мнѣ, дѣйствительно, двѣсти тысячъ, ужъ я зналъ бы, что мнѣ дѣлать!..“

А склонить свою бѣдную фантазіей голову и подумаетъ:

— Эхъ, Сырыхъ, Сырыхъ! А можетъ быть и дѣйствительно правъ ты былъ, и дѣйствительно лучше бы купить пароходъ да отправиться въ чужія страны, исходатайствуя себѣ фамилію Джекъ Смитъ, попивая въ пути ромъ и сражаясь съ индѣйцами.

РАВНОВѢСІЕ.

У нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ существуетъ слѣдующая любопытная примѣта: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водятся особенно ядовитыя змѣи—растетъ и кустарникъ, листья котораго, растертыя въ водѣ, служатъ прекраснымъ средствомъ противъ змѣинаго яда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Африки, рядомъ съ однимъ ядовитымъ растеніемъ, растетъ и другое, которое служитъ противоядіемъ первому.

Въ организмѣ человѣка живутъ милліоны самыхъ вредоносныхъ микробовъ, но въ томъ же организмѣ живутъ и другіе, не менѣе вредоносные, микробы, которые ведутъ непримиримую войну съ первыми—взаимно нейтрализуя другъ друга. Если бы это было не такъ—человѣчество немедленно же протянуло бы ноги.

У математиковъ это сказано въ другой формѣ:

— Минусъ на минусъ даетъ плюсъ.

I.

На Вознесенскомъ проспектѣ жилъ молодой господинъ по имени Воскобоевъ.

Наружности былъ онъ красивой, съ черными влажными глазами, холеными усами и блѣднымъ, томнымъ лицомъ.

Его моральныя качества легко исчерпывались однимъ словомъ: негодяй. Дѣйствительно, трудно было встрѣтить человѣка беззастѣнчивѣе и подлѣе его. Кромѣ убійства, этотъ человѣкъ былъ способенъ на все. Да и убить-то онъ не могъ только потому, что имѣлъ на-

туру мелкую, гаденькую и трусливую. А если бы гарантировать ему безопасность, то онъ бы, пожалуй, убилъ, попросивъ для этого только какой-нибудь электрическій приборъ, который бы убивалъ быстро, безшумно, безъ борьбы и безъ лицезрѣнія искаженныхъ мукой глазъ убиваемаго субъекта.

Если сейчасъ заглянуть черезъ его плечо и прочесть, что онъ пишетъ, сидя за письменнымъ столомъ—сразу станетъ ясно, что это за человѣкъ.

Первое письмо онъ написалъ такое:

«Господинъ Чигиринскій! Лицо, дружески къ вамъ расположенное, сообщаетъ Вамъ, что оно видѣло вчера Вашу супругу Ольгу Васильевну выходящей изъ парадныхъ дверей гостиницы «Ницца». Послѣ нея сейчасъ же вышелъ штабсъ-капитанъ Сукачевъ. Обратите ваше вниманіе! Пока появились маленькіе рожки—это ничего, но скоро рога станутъ совершенно вѣтвистыми. Ого-го-го, милый рогоносецъ! Позовите меня на крестины будущаго Сукаченка. Вашъ доброжелатель».

Сейчасъ же онъ принялся за второе письмо:

«Ваше Превосходительство! Лицо, которому дорога честь русской арміи, доводитъ частнымъ образомъ до Вашего свѣдѣнія что офицеръ Вашего полка К. А. Сукачевъ, переодѣваясь въ штатское, ведетъ въ клубѣ азартную игру въ карты и совершенно запутался. Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, что ростовщикъ Триполитаки отказалъ ему въ переучетѣ векселя, а такъ какъ въ завѣдываніи г. Сукачева находится ротная касса, то... Обращаю Ваше вниманіе на то, что ревизію кассовыхъ суммъ нужно произвести неожиданно, дабы онъ не могъ перехватить у товарищей. Согласитесь, что, сообщая объ этомъ, я охраняю законъ. Доброжелатель».

Кончивъ оба письма, Воскобоевъ потеръ съ довольнымъ видомъ руки, запечаталъ письма въ конверты, написалъ адреса, наклеилъ марки и кликнулъ слугу.

Слуга Прохоръ Желтухинъ былъ маленькій подслѣповатый человѣчекъ неопредѣленнаго возраста; губы имѣлъ тонкія, поджатыя, и лицо нечистое, въ угряхъ. Когда говорилъ, то смотрѣлъ въ полъ или въ потолокъ. Сѣрый цвѣтъ лица дисгармонировалъ съ краснымъ, какъ раскаленный уголь, носомъ. Казалось, что это, дѣйствительно, уголекъ, тлѣющій подъ сѣрой золой.

— Вотъ, Прохоръ,—внушительно сказалъ Воскобоевъ,—снеси эти письма и опусти въ почтовый ящикъ. Да, смотри не потеряй—письма важныя!

— А чего ихъ терять-то,—возразилъ Прохоръ, рассматривая потолокъ.—Ребенокъ я, что-ли, или дуракъ?

— Ну, то-то. Ступай.

Прохоръ взялъ письма и бережно понесъ ихъ въ кухню. Опустился на скамью и, поджавъ губы, нахмуривъ рыжія брови, приступилъ къ несложной операци.

Операциа эта состояла въ томъ, что дѣятельный слуга подержалъ съ минуту письма надъ кипящимъ самоваромъ, потомъ отклеилъ почтовыя марки; аккуратно спряталъ свернувшіяся въ трубочки марки—въ спичечную коробочку, а письма съ конве тамъ бросилъ въ ведро, почти доверху наполненное помоями.

Послѣ этого слуга усѣлся за столъ и съ самымъ соннымъ выраженіемъ лица принялся пить чай.

Зазвенѣлъ изъ кабинета электрической звонокъ; Прохоръ поднялъ на него задумчивые глаза и налилъ себѣ еще стаканъ.

Звонокъ принимался звонить нѣсколько разъ... Допивъ чай, Прохоръ всталъ и неторопливо направился въ кабинетъ.

— Звонили?

— Звонилъ!!! Конечно, звонилъ. Тысячу разъ звонилъ. Куда тебя черти унесли?!

— Да къ ящику-то почтовому нужно было пойти, али нѣтъ?

— Такъ это тутъ же, напротивъ! А ты пропалъ на шѣлыхъ полчаса.

— Дозвольте вамъ сказать, что я тоже отвѣчаю за свою службу. Я, дѣйствительно, побѣгъ къ этому ящику, да онъ, гляди-ка, до верху письмомъ набитъ. Такъ мнѣ что-жъ—тоже сунуть? Всякій человѣкъ придетъ и вытащить можетъ—нешто это порядокъ? Такъ я и снесъ, ихъ, письма-то, на другую улицу, гдѣ ящикъ ослободнѣе.

— То-то и оно! Я и такъ уже замѣчалъ раза два, что письма не доходили.

— То-то и я говорю. Возлѣ письмовъ много разнаго народу трется. И прохожій, и почтальонъ, и тоже тебѣ швейцаръ—долго-ли до грѣха. А вы говорите—долго ходилъ!

II.

Послѣ обѣда къ Воскобоеву пріѣхала дама. Онъ встрѣтилъ ее съ кислымъ лицомъ, сказалъ сначала, что ждетъ нужнаго человѣка, потомъ подучилъ Прохора соврать, что его потребовали въ клубъ на важное засѣданіе—но дама была непреклонна.

— Зачѣмъ ты меня гонишь,—сказала она, подозрительно поглядывая на него.—Можетъ быть, у тебя любовное свиданіе?

— Ты съ ума сошла! Я даже забылъ, какія бываютъ другія женщины. Я люблю исключительно тебя.

— Вотъ, въ такомъ случаѣ, я у тебя и останусь часика на два.

Воскобоевъ сжалъ въ карманѣ кулакъ, пробормоталъ какой-то комплиментъ и, оставивъ даму одну, пошелъ въ кухню къ Прохору.

— Проша, милый,—прошепталъ онъ.—Тутъ ко мнѣ черезъ часъ одна гимназистка должна придти—такая молоденькая барышня въ синемъ платьѣ—такъ ты ска-

жи ей, чтобъ она, обязательно, завтра пришла, что сегодня меня экстренно потребовали къ больному.

— Эко сказали! Да что вы докторъ, что-ли, что къ больному вызвали.

— Ну, соври самъ. Скажи—къ больному родственнику—къ дядѣ, молъ.

— Скажу, къ дядѣ, молъ, Ивану Алпатычу. Старикъ, молъ, въ горячкѣ былъ, а нынче, молъ, въ память пришелъ.

— Во-во.

— Жена-то, скажу, въ Рязань уѣхамши, а дяденька, значить, одни и очень имъ плохо.

— Ну, ужъ ты тамъ размажь что-нибудь. Только скажи, чтобы завтра приходила непременно; буду ждать. А шляпу Марьи Дмитриевны или унеси изъ передней, или прикрой газеткой.

— Будьте покойны.

Вѣрный слуга взялъ газету и усѣлся, какъ сторожевой песь, въ передней.

Черезъ часъ, дѣйствительно, пришла дѣвушка лѣтъ шестнадцати въ гимназическомъ платьѣ, смущенная, дрожащая, съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ сразу можно было прочесть всю ея несложную повѣсть: что она полюбила Воскобоева „больше жизни“, и что жизни этой она совсѣмъ не понимаетъ, и что она простодушна, и что она довѣрчива, и что сердечко у нея восторженное, честное, способное на самоотверженіе и порывъ.

— Скажите...—спросила она, не зная, куда дѣвать глаза:—баринъ вашъ дома?

— Онъ-то? Нѣтъ дома. Къ дядѣ поѣхалъ. Дядя, вишь, боленъ. Очень наказывали вамъ завтра прійти.

— Ахъ, Господи!—вспыхнула она.—Ну, досвиданья, простите за беспокойство... я тогда завтра... И, пожалуйста, размѣняйте мнѣ пять рублей. Себѣ возьмите

рубль, а мнѣ остальное... Пожалуйста, кланяйтесь барину.

Прохоръ, держа золотой пятирублевикъ на ладони, призадумался.

— Гмъ, да... Сдачи, говорите? Сдачу-то вернуть можно. А только... У васъ на извозчика-то, кромѣ этихъ, мелочь есть?

— Немножко есть,—недоумѣнно глядя на Прохора, отвѣтила гимназистка.—Двадцать шесть копѣекъ.

— Такъ, такъ. Очень вы хорошая барышня, и я вамъ пришлю сейчасъ предложеніе—подарите мнѣ эти пять рублей—не пожалѣете. Послѣ, по крайности, благодарить будете. А ужъ я вамъ все выложу.

— Что вы выложите? Зачѣмъ?—съ нѣкоторымъ испугомъ пролепетала гимназистка.

Прохоръ опустил монету въ карманъ, подошелъ къ предзеркальному столику и поднялъ разостланную на немъ газету.

— Видали? Что это? Женская шляпа! А тамъ въ углу видали? Что это? Женскія калоши. А ежели бы я васъ въ тую комнату пустилъ, такъ бы вы такіе поцѣлуи услышали, что разлюли малина-калина моя!

— Честное слово?—прошептала свистящимъ голосомъ барышня, хватая Прохора за руку.—Вы можете поручиться, что это правда?

— Будьте покойны. Я со всѣмъ усердіемъ. Только, дорогая моя госпожа, ежели потомъ къ разговору, или что—такъ вы такъ и скажите барину, что, дескать, случайно все это примѣтили—и шляпу и, значить, голосъ дамскій. И скажете вы ему, примѣрно сказать, такъ—и въ этомъ не ошибаетесь—дескать, „охъ, охъ, какой ты измѣнникъ! Говорилъ, что только одну любишь, обожаешь“... Говорилъ онъ это?

— Говорилъ,—прошептала, вся краснѣя отъ смущенія и горя, гимназистка.—Боже, какой позоръ!

— То-то, что говорилъ. Онъ это мало ли кому говорилъ! Скажете, дескать: „у тебя, какъ я доподлинно узнала, чуть не каждый мѣсяць новая гимназистка бываетъ, и сколько ты значить, несчастнаго женскаго полу перепортилъ! Поиграешь, дескать, да такъ-то вотъ и бросишь! Нехорошо, моль, это! Пошлые эти твои поступки!“ А ужъ меня въ это дѣло не путайте, милая госпожа. Ухѣдите? Позвольте, отворю... Счастливо оставаться! Гдѣ изволите жить? На третьей Рождественской? Извозчикъ! На третью Рождественскую—26 копѣекъ!...

.....

Б У Р Ж У А З Н А Я П А С Х А .

Трое бездѣльниковъ проснулись на своихъ узкихъ постеляхъ по очереди... Сначала толстый Клинковъ, на носъ котораго упалъ горячій лучъ солнца, раскрылъ ротъ и чихнулъ такъ громко, что гитара на стѣнѣ загудѣла въ тонъ, и гудѣла до тѣхъ поръ, пока спавшій подъ ней Подходцевъ не раскрылъ заспанныхъ глазъ.

— Кой чортъ играетъ по утрамъ на гитарѣ?—спросилъ онъ недовольно.

Его голосъ разбудилъ спавшаго на диванѣ третьяго бездѣльника—Громова.

— Что это за разговоры, чортъ возьми,—закричалъ онъ.—Дадите вы мнѣ спать или нѣтъ?

— Это Подходцевъ,—сказалъ Клинковъ.—Все время тутъ разговариваетъ.

— Да что ему надо?

— Онъ увѣряетъ, что ты недалекій парень.

— Вѣрно,—пробурчалъ Громовъ,—настолько я недалекъ, что могу запустить въ него ботинкомъ.

Такъ онъ и поступилъ.

— А ты и повѣрилъ?—вскричалъ Подходцевъ, прячась подъ одеяло.—Это Клинковъ о тебѣ такого мнѣнія а не я.

— Для Клинова есть другой ботинокъ,—возразилъ Громовъ.—Получай, Клинище!

— А теперь, когда ты уже расшвырялъ ботинки, я скажу тебѣ правду: ты не недалекій человѣкъ, а просто кретинъ.

— Нѣтъ, это не я крестинъ, а ты,—сказалъ Громовъ, не подкрѣпляя, однако, своего мнѣнія никакими доказательствами...

— Однако, вы тонко изучили другъ друга,—хрипло разсмѣялся толстякъ Климовъ, который всегда стремился сравнить двухъ друзей, и потомъ любовался издали на ихъ препирательства.—Оба кретины. У людей знакомые бываютъ на крестинахъ, а у насъ на крестинахъ. Хо-хо-хо! Подходцевъ, если у тебя есть карандашъ,—запиши этотъ каламбуръ. За него въ журналъ кое-что дадутъ.

— По тумаку за строчку—самый приличный гоноرارъ. Чего это колокола такъ раззвонились? Пожаръ, что-ли?

— Грязное невѣжество: не пожаръ, а Страстная суббота. Завтра, милые мои, Свѣтлое Христово Воскресенье. Конечно, вамъ все равно, потому что души ваши давно проданы дьяволу, а моей душенькѣ тоскливо и грустно, ибо я принужденъ проводить эти свѣтлые дни съ отбросами каторги. О, мама, мама! Далекое ты сейчасъ со своими куличами, крашеными яйцами и жаренымъ барашкомъ. Бѣдная женщина!

— Дѣйствительно, бѣдная,—вздыхнулъ Подходцевъ.— Ей не повезло въ дѣтяхъ.

— А что, миленькіе: хорошая вещь—дѣтство. Помню я, какъ меня наряжали въ голубую рубашечку, бархатные панталоны и вели къ Плащаницѣ. Постился, говѣлъ... Потомъ ходили святить куличи. Удивительное чувство, когда священникъ впервые скажетъ: „Христосъ Воскресе!“

— Не разстраивай меня,—простоналъ Громовъ,—а то я заплачу.

— Развѣ вы люди? Вы свиньи. Живемъ мы, какъ чортъ знаетъ что, а вамъ и горюшка мало. Въ васъ нѣтъ стремленія къ лучшей жизни, къ чистой, уютной

обстановкѣ,—нѣтъ въ васъ этого. Когда я жилъ у мамы, помню чистыя скатерти, серебро на столѣ.

— Ну, если ты тамъ вертѣлся близко, то на другой день супъ и жаркое ѣли ломбардными квитанціями.

— Врете, я чистый, порядочный юноша. А что, господа, давайте устроимъ Пасху, какъ у людей. Съ куличами, съ накрытымъ столомъ и со всею, вообще, празднично-буржуазной, уютной обстановкой.

— У насъ изъ буржуазной обстановки есть всего одна вилка. Много-ли въ ней уюта?

— Ничего, главное—столъ. Покрасимъ яйца, испечемъ куличи...

— А ты умѣешь?

— По книжкѣ можно. У насъ двѣ ножки шкафа подперты толстой поваренной книгой.

— Здорово удумано,—крякнулъ Подходцевъ.—Въ концѣ концовъ, что мы не такіе люди, какъ всѣ, что-ли?

— Даже гораздо лучше.

II.

Лучъ солнца освѣщаль слѣдующую картину: Подходцевъ и Громовъ сидѣли на полу у небольшой кадочки, въ которую было насыпано муки, чуть не до верху—и ожесточенно спорили.

Сбоку стояла корзина съ яйцами, лежалъ кусокъ масла, ваниль и какіе-то таинственные пакетики.

— Какъ твоя бѣдная голова выдерживаетъ такіе мозги,-- кричалъ Громовъ, потрясая поваренной книгой.—Откуда ты взялъ, что ваниль распустится въ водѣ, когда она—растеніе.

— Самъ ты растеніе дубовой породы. Ваниль не растеніе, а препаратъ.

— Препаратъ чего?

— Препаратъ ванили.

— Такъ... Ваниль—препаратъ ванили. Подходцевъ—

препаратъ Подходцева. Голова твоя препаратъ телячьей головы...

— Нѣтъ, ты не кричи, а объясни мнѣ вотъ что: почему я долженъ сначала „взять лучшей крупчатой муки 3 фунта, развести 4-мя стаканами кипяченаго молока“, продѣлать съ этими 3-мя фунтами тысячу разныхъ вещей, а потомъ, по словамъ самоучителя, „когда тѣсто поднимается, добавить еще полтора фунта муки?“ Почему не сразу 4¹/₂ фунта?

— Разъ сказано, значить, такъ надо.

— Извини, пожалуйста, если ты такъ тупъ, что принимаешь всякую печатную болтовню на вѣру, то я не таковъ! Я оставляю за собой право критики.

— Да что ты, кухарка, что-ли?

— Я не кухарка, но логически мыслить могу. Затѣмъ—что значить, „30 желтковъ растертыхъ до бѣла“? Желтокъ есть желтокъ, и его, въ крайнемъ случаѣ, можно растереть до желта.

Громовъ подумалъ и потомъ высказалъ робкое, нерѣшительное предположеніе:

— Можетъ, тутъ ошибка? Не „растертые“ до бѣла, и „раскаленные“ до бѣла?

— Знаешь, ты, по-моему, выше Юлія Цезаря по своему положенію. Того убилъ Брутъ, а тебя самъ Богъ убилъ. Ты долженъ отойти куда-нибудь въ уголокъ и тамъ гордиться. Раскаленные желтки! А почему тутъ сказано о „растопленномъ, но остывшемъ сливочномъ маслѣ“? Гдѣ смыслъ, гдѣ логика? Понимать-ли это въ томъ смыслѣ, что оно жидкое, но холодное, или что оно должно затвердѣть? Тогда зачѣмъ его растапливать. Боже, Боже, какъ это все странно!

Дверь скрипнула въ тотъ самый моментъ, когда Громовъ, раздраженный туманностью поваренной книги, вырвалъ изъ нея листъ „о куличахъ“ и бросилъ его въ кадочку съ мукой.

— На! теперь это все перемѣшай!

...Дверь скрипнула и на порогъ появился смущенный Клинковъ. Не входя въ комнату и пытаясь заслонить своей широкой фигурой что-то, прятавшееся сзади него и увѣнчанное красными перьями,—онъ разочарованно пролепеталъ:

— Какъ... вы уже вернулись? А я думалъ, что вы еще часокъ прошатаетесь по рынку.

— А что? Даходи... Чего ты боишься?

— Да ужъ лучше я не войду...

— Да почему же?

За спиной Клинкова раздался смѣхъ и красныя перья закачались.

— Вотъ видишь,—сказалъ женскій голосъ.—Я тебѣ говорила—не надо. Такой день нынче, а ты присталь—пойдемъ да пойдемъ!.. Ей-Богу, безстыдникъ.

— Клинковъ, Клинковъ,—укоризненно воскликнулъ Подходцевъ.—Когда-же ты, наконецъ, перестанешь распутничать? Самъ-же затѣялъ это пасхальное торжество и самъ-же среди бѣла дня приводишь жрицу свободной любви...

— Нашли жрицу,—сказала женщина, входя въ комнату и осматриваясь.—Со вчерашняго дня жрать было нечего.

— Bravo!—закричалъ Клинковъ, желая разсѣять общее недовольство.—Она тоже каламбуричь!! Подходцевъ, запиши—продадимъ.

— У человѣка нѣтъ ничего святого,—сурово сказалъ Громовъ.—Сударыня, нечего дѣлать, присядьте, отдохните, если вы никуда не спѣшите.

— Господи! Куда-же мнѣ спѣшить,—улыбнулась эта легкомысленная дѣвица.—Куда, спрашивается, спѣшить, если меня хозяйка вчера совсѣмъ изъ квартиры выставила.

— Весна—сезонъ выставокъ,—сострилъ Клинковъ,

снимая пальто.— Подходцевъ, запиши. Я разорю этимъ лучшую редакцію столицы. Ахъ, какъ мнѣ жаль, Маруся, что я не могу оказать вамъ того гостепріимства, на которое вы рассчитывали.

— Уйдите вы,—сердито сказала Маруся, нерѣшительно присаживаясь на кровать.—Ни на что я не рассчитывала. Отдохну и пойду.

Взглядъ ея упалъ на кадочку съ мукой и она широко раскрыла глаза.

— Ой! Это что вы, господа, дѣлаете?

— Куличи,—серьезно отвѣтилъ Громовъ, поднимая измазанное мукой лицо.—Только у насъ, знаете-ли, не ладится...

— Видишь-ли Маруся,—важно заявилъ Клинковъ.— Мы рѣшили отпраздновать праздникъ святой Пасхи по настоящему. Мы—буржуи!

Маруся встала, осмотрѣла кадочку и сказала чрезвычайно озабочено:

— Эхъ, вы! Кто-жъ такъ куличи дѣлаетъ. Высыпайте обратно муку. Хотите, я вамъ замѣшу?

Громовъ удивился.

— Да развѣ вы умѣете?

— Вотъ тебѣ разъ! Да какже не умѣть!

— Уважаемая достойная Маруся,—обрадовался совершенно измученный загадочностью поварской книги Подходцевъ.—Вы насъ чрезвычайно обяжете...

Увидѣвъ такой оборотъ дѣла, сконфуженный сначала Клинковъ принялъ теперь очень нахальный видъ. Заложилъ руки въ карманы и процѣдилъ сквозь зубы:

— Теперь вы, господа, понимаете, для чего я ее привелъ?

— Лучше молчи, пока я тебя не ударилъ по головѣ этой лопаткой. По распущенности ты превзошелъ. Геліогабала!

— Да, пожалуй...—подтвердилъ самодовольно Клинковъ.—Во мнѣ сидитъ римлянинъ временъ упадка.

— Нечего сказать, хорошенькое помѣщеніе онъ себѣ выбралъ. Разведи-ка въ этой баночкѣ краску для яицъ.

Римлянинъ временъ упадка покорно взялъ пакетики съ краской и отошелъ въ уголъ, а Подходцевъ и Громовъ предоставивъ гостѣмъ всѣ куличныя припасы, стали суетиться около стола.

— Накроемъ пока столъ. Скатерть чистая есть?

— Вотъ есть... Какая-то черная. Только на ней, къ сожалѣнію, маленькое бѣлое пятно.

— Милый мой, ты смотришь на эту вещь негативно. Это бѣлая скатерть, но сплошь залитая чернилами, кромѣ этого бѣлаго мѣста. И, конечно, залилъ ее Клинковъ. Онъ всюду постарается.

— Да ужъ,—отозвался изъ-за угла Клинковъ, поймавшій только послѣднюю фразу.—Я всегда стараюсь. Я старательный. А вы всегда на меня кричите. Вонъ Марусю привелъ. Маруся, поцѣлуй меня.

— Уйди, уйди, не лѣзь. Заберите его отъ меня, или я его вымажу тѣстомъ.

Вдругъ Подходцевъ застоналъ.

— Эхъ, чоррртъ! Сломался!

— Что?

— Ключъ отъ сардинокъ. Я попробовалъ открыть.

— Значитъ, пропала коробка,—ахнулъ Громовъ.—Теперь ужъ ничего не сдѣлаешь. Помнишь, у насъ тоже такъ сломался ключъ... Мы пробовали открыть ногтями, потомъ стучали по коробкѣ каблуками, бросали на полъ, думая, что она разобьется. Исковеркали—такъ и пропала коробка..

— И глупо,—отозвался Клинковъ.—Я тогда же предлагалъ подложить ее на рельсы, подъ колесо трамвая. Въ этихъ случаяхъ самое вѣрное—трамвай.

— Давайте, я открою,—сказала озабоченная Маруся, отрываясь отъ тѣста.

— Видите, какая она у меня умница,—вскричалъ Клинковъ.—Я зналъ, что съ сардинами что-нибудь случится и привелъ ее.

— Отстань! Подходцевъ, рѣжь колбасу. Знаешь, можно ее этакъ звѣздочкой разложить. Красиво!

— Ножа нѣтъ,—сказалъ Подходцевъ.

— Можно безъ ножа,—посоветовалъ Клинковъ.— Взять просто откусить кусокъ и выплюнуть, откусить и выплюнуть. Такъ и нарѣжемъ.

— Ничего другого не остается. Кто-же этимъ займется?

Клинковъ категорически заявилъ:

— Конечно, я.

— Почему-же ты,—поморщился Подходцевъ.—Ужъ лучше я.

— Или я!

— Неужели, у васъ нѣтъ ножа?—удивилась Маруся.

— Былъ прекрасный ножъ. Но пришелъ этотъ мошенникъ Харченко и взялъ его якобы для того, чтобы убить свою любовницу, которая ему измѣняла. Любовницы не убилъ, а просто замошенничалъ ножикъ.

— И штопоръ былъ; и штопора нѣтъ,

— Гдѣ-же онъ?

— Неужели ты не знаешь? Клинковъ погубилъ штопоръ; ему, послѣ обильныхъ возліяній, пришла на улицѣ въ голову мысль: откупорить земной шаръ.

— Вотъ свинья-то. Какъ-же онъ это сдѣлалъ?

— Вынулъ штопоръ и сталъ ввинчивать въ деревянную тротуарную тумбу. Это, говоритъ, пробка, и я, говорю, откупорю земной шаръ.

— Неужели, я это сдѣлалъ?—съ сомнѣніемъ спросилъ Клинковъ.

— Конечно. На прошлой недѣлѣ. Ужъ я не говорю о рюмкахъ—всѣ перебиты. И перебилъ Клинковъ.

— Все я, да я... Впрочемъ, братцы, обо мнѣ не думайте: я буду пить изъ чернильницы.

— Нѣтъ, чернильница моя,—ты можешь взять себѣ пепельницу. Или сдѣлай изъ бумаги трубочку.

III.

Маруся съ изумленіемъ слушала эти странные разговоры; потомъ вытерла руки о фартукъ, сооруженный изъ наволочки, и, взявъ карандашъ и бумагу, молча стала писать...

— Каламбуръ записываешь?—спросилъ Клинковъ.

— Я записала тутъ, что купить надо. Вилочекъ, ножей, штопоръ, рюмки и тарелки. Покупайте посуду, гдѣ бракъ—тамъ дешевле... Всего рубля четыре выйдетъ.

— Дай денегъ,—обратился Клинковъ къ Подходцеву.

— Что ты, милый? Я послѣднія за муку отдалъ.

— Ну, ты дай.

— Я тоже все истратилъ. Да, вѣдь, у тебя должны быть?

Клинковъ смущенно приблизилъ бумагу къ глазамъ и сказалъ:

— Едва-ли по этой запискѣ отпустятъ.

— Почему?

— Тарелка черезъ „ять“ написана. Потомъ „перицъ“ черезъ „и“. Такого перца ни въ одной лавкѣ не найдешь.

— Клинковъ!—сурово сказалъ Подходцевъ.—Ты что-то подозрительно заvertълся? Куда ты дѣлъ деньги, а?

— Никуда. Вотъ они. Видишь—пять рублей.

— Такъ за чѣмъ-же остановка?

— Видите-ли,—смутился Клинковъ.— Я думаю, что эти деньги... я... долженъ... отдать... Марусѣ...

— Мнѣ?—искренно удивилась Маруся.— За что?

— Ну... ты понимаешь... по справедливости... я же тебя привелъ... оторвалъ отъ дѣла...

— И вѣрно!—сухо сказалъ Подходцевъ.—Отдай ей.

Маруся вдругъ засуетилась, сняла съ себя фартукъ, одернула засученные рукава, схватила шляпу и стала надѣвать ее дрожащими руками.

— До свиданья... я пойду... я не думала, что вы такъ...

— А вы... Скверно! стыдно вамъ.

— Подходцевъ дуракъ и Клинковъ дуракъ, — рѣшительно заявилъ Громовъ. — Маруся! Мы васъ просимъ остаться. Деньги эти, конечно, пойдутъ на покупку ножей и прочихъ тарелокъ, и я надѣюсь, что мы вмѣстѣ разговѣемся; мы съ вами куличемъ, а эти два осла — сѣномъ.

— Ура! — вскричалъ Клинковъ. — Дай я тебя поцѣлую.

— Отстаньте... — улыбнулась сквозь слезы огорченная гостья. — Вы лучше мнѣ покажите, гдѣ печь куличи-то.

— О, моя путеводная звѣзда! Конечно, у хозяйки! У нея этакая печь есть, въ которой даже насъ, трехъ отроковъ, можно изжарить. Мѣджи! Вашу руку, достойнѣйшая, — я васъ провожу къ хозяйкѣ.

Когда они вышли, Громовъ сказалъ задумчиво:

— Въ сущности, очень порядочная дѣвушка.

— Да... А Клинковъ осель.

— Конечно. Это не мѣшаетъ ему быть осломъ. Какъ ты думаешь, она не нарушитъ ансамбля, если мы ее попросимъ освятить въ церкви куличъ и потомъ разговѣться съ нами?

— Почему-же... Вѣдь ты самъ-же говорилъ, что она порядочная дѣвушка.

— А Клинковъ осель. Вѣрно?

— Клинковъ, конечно, осель. Смотрѣть на него противно.

А поздно ночью, когда трое бездѣльниковъ, язва, по обыкновенію, другъ друга, валялись одѣтые въ кроватяхъ въ ожиданіи свяченаго кулича — куличъ пришелъ подъ бодрый звонъ колоколовъ, — куличъ, увѣнчанный розаномъ и несомый разурмянившейся Марусей, „вторымъ розаномъ“, какъ ее галантно назвалъ Клинковъ.

Друзья радостно вскочили и бросились къ Марусѣ. Она степенно похристосовалась съ торжественно настроеннымъ Подходцевымъ и Громовымъ, а съ Клинковымъ отказалась, — на томъ основаніи, что онъ не умѣетъ цѣловаться какъ слѣдуетъ.

— Да, — хвастливо подмигнулъ распутный Клинковъ. — Мои поцѣлуи не для этого случая. Не для Пасхи-съ! Хе-хе! Позвольте хоть ручку.

Желаніе его было исполнено не только Марусей, но и двумя бездѣльниками, сунувшими ему подъ носъ свои руки.

Этой шуткой торжественность минуты были немного нарушена, но когда усѣлись за столъ и чокнулись виномъ изъ настоящихъ стакановъ, заѣдая настоящимъ свяченымъ куличемъ — снова праздничное настроеніе воцарилось въ комнатѣ, освѣщенной лучами разсвѣта.

— Какой шикъ! — воскликнулъ Клинковъ, ощупывая новенькую, накрахмаленную скатерть. — У насъ совсѣмъ, какъ въ приличныхъ буржуазныхъ домахъ.

— Да... настоящая приличная чопорная семья на четыре персоны!

И всѣ четверо серьезно кивнули головами, упустивъ изъ виду, что никогда приличная чопорная семья не допуститъ сидѣть за столомъ безработную проститутку.

О ПАРОХОДНЫХЪ ГУДКАХЪ.

I.

Въ дни моей юности я зарабатывалъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что служилъ младшимъ писцомъ въ транспортной конторѣ по перевозкѣ кладей.

Начальства надо мной было очень много: главный агентъ, просто агентъ, его помощникъ, бухгалтеръ, конторщикъ и старшій писецъ. Разсматривая эту длинную іерархическую лѣстницу сверху внизъ, я могъ обнаружить ниже себя только двѣ ступеньки: кошку и копировальный прессъ... И съ первой и со вторымъ я, какъ начальникъ, обращался сурово, чуть-ли не по законамъ военнаго времени. Кошку дралъ за уши и училъ перепрыгивать черезъ поднятую ногу, а винтъ копировальнаго пресса подъ моей ожесточенной рукой вижалъ такъ громко, что у кошки на мордѣ появлялось выраженіе зависти и одобренія.

Нельзя сказать, что и со мной обращались мило-сердно — всякій старался унижить и прижать меня, какъ можно больнѣе — главный агентъ, просто агентъ, помощникъ, конторщикъ и старшій писецъ.

Однако, я не оставался въ долгу даже передъ старшимъ агентомъ: въ отвѣтъ на его попреки и укоры, я, выбравъ удобное время, обрушивался на него цѣлымъ градомъ ругательствъ:

— Идіотъ, болванъ, агентшика несчастный, чтобъ тебя черти на сковородѣ жарили, кретинъ проклятый!

Курьезнѣе всего, что въ отвѣтъ на это агентъ только улыбался и кивалъ согласно головой. Былъ онъ глухъ? Нѣтъ.

Удобный случай для сведенія личныхъ счетовъ съ агентомъ представлялся только разъ въ день — когда мы отправлялись на пристань къ одесскому пароходу, чтобы выправить коносаменты, заплатить деньги и получить товаръ.

Понятно, все это дѣлалъ я, а агентъ только шатался по пристани, посвистывая и болтая съ знакомыми, служащими Русскаго Общества П. и Т.

Окончивъ дѣла, я улучалъ удобную минуту и подходилъ къ агенту съ самымъ простодушнымъ лицомъ,

— Ну, что, — ворчалъ онъ, — справились? Навѣрно, напутали, какъ всегда?

— Нѣтъ, все въ порядкѣ, Владиміръ Ильичъ, — смиренно отвѣчалъ я, подстерегая сладкій моментъ. — Я внесъ за Новороссійскъ...

И вотъ — моментъ наступалъ: невѣроятный, ужасающій пароходный гудокъ потрясалъ все окружающее, рвалъ гремящій металломъ воздухъ на клочки и оглушалъ, пригибалъ къ землѣ своимъ яростнымъ ревомъ все мелкое человѣчество, суетившееся около.

... — Я внесъ за Новороссійскъ по тремъ дубликатамъ... Ахъ, ты, свинья этакая, идіотскій агентишка!! Я, потвоему, путаю? А ты самъ, лысый павіанъ, сдѣлалъ ли ты хоть одно дѣло по агентству, не напутавъ такъ, что всѣ за спиной смѣются. Я, вѣдь, знаю, что ты воръ, берешь взятки, и, вообще, скотина такая, что смотрѣть омерзительно. Жуликъ, шельма кривоногая, кретино-видная...

Приблизившись ко мнѣ, агентъ смотрѣлъ на мои шевелящіяся губы, кивалъ одобрительно головой въ тактъ моимъ словамъ, будто соглашаясь со всѣми высказанными мною подозрѣніями и эпитетами.

— И единственно, — оралъ я ему на ухо, — что тебѣ

можно сдѣлать—это по мордасамъ, какъ слѣдуетъ, отвозить!!.

Но тутъ, оскорбительное слово „мордасы“ причудливо дѣлилось на двѣ части: „мор“ я произносилъ подъ оглушающій ревъ гудка, а „дасы“ подъ мертвую тишину, потому что гудокъ прекращался такъ же рѣзко и неожиданно, какъ и начинался.

Уловивъ ухомъ фразу: „...дасамъ, какъ слѣдуетъ отвозить“, агентъ подозрительно косился на меня и спрашивалъ:

— Что—какъ слѣдуетъ отвозить?

— Я говорю—мануфактуру. Какъ ее слѣдуетъ отвозить на складъ: сегодня или завтра?

— Конечно!—язвительно пожималъ плечами агентъ.— Вы первый день служите, да? Не можете сообразить, что за ней на складъ каждую минуту могутъ явиться съ накладной? Никакого изъ васъ толку нѣтъ, сколько съ вами не бьешься.

— Ладно, ругайся,—самодовольно думалъ я.— Все равно, не переругаешь.

И возвращался я домой довольный, до отвала насытивъ свое самолюбіе и гордость.

II.

Марью Николаевну я любилъ уже годъ, а она этого совершенно не замѣчала. Съ женщинами я робѣлъ и заикнуться какой-нибудь изъ нихъ о чувствахъ я не рѣшился бы при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Я любилъ Марью Николаевну цѣлый годъ и боялся даже словомъ, даже намекомъ выдать свою тайну.

Ночами я метался въ постели, вздыхалъ, терзался мученіями невысказанной и нераздѣленной страсти, а днемъ угрюмый, холодный встрѣчался съ Марьей Николаевной.

И дождался я того, что она однажды заявила мнѣ:
— Ну, мой вѣрный рыцарь—уѣзжаю.

Я почувствовалъ, что кровь бросилась мнѣ въ лицо.
Помолчалъ, сдѣлалъ усиліе и холодно спросилъ:

— Куда?

— Въ Одессу. Къ сестрѣ, а оттуда, погостивъ, въ
Москву.

— Та-акъ. Ну, счастливаго вамъ пути. Желаю, чтобы
вы веселились у сестры, а также и въ Москвѣ.

Она странно поглядѣла на меня, вздохнула и спросила:

— Придете къ пароходу проводить?

Я вѣжливо поклонился.

— Если разрѣшите, съ удовольствіемъ.

На пароходной пристани собралось много провожающихъ—веселые, оживленные.

И я старался быть оживленнымъ, шутилъ, улыбался.
Выходило неважно.

— Что вы такой?..—спросила Марья Николаевна.

— Зубъ что-то болитъ,—кисло отвѣчалъ я.—У насъ
дома такіе сквозняки...

И въ то время, какъ я говорилъ ей эти слова—чудовищный ревъ гудка разбилъ воздухъ, какъ стекло, и все внутри каждаго человѣка заныло и задрожало мелкой дрожью.

Марья Николаевна скучаяще глядѣла на мои шевелящіяся губы, а я говорилъ ей:

— ...Такіе сквозняки... Моя милая, безцѣнная, мое единственное солнышко!.. Я тебя люблю, слышишь-ли ты это слово? И я бы хотѣлъ съ тобой рука объ руку дойти гордо и счастливо до самой могилы. Слышишь-ли ты меня? Я люблю твою душу и люблю твое тѣло, такое прекрасное, гибкое, нѣжное и упругое. Я бы томилъ тебя ласками, цѣловалъ бы нѣжно, и бурно, и трепетно, и всю засыпалъ бы свѣжимъ дождемъ поцѣлуевъ—твой

руки, грудь, животъ, твои плечи, о, твои плечи. Слышишь-ли ты меня, единственное мое солнышко?..

И опять гудокъ нелѣпо оборвался на срединѣ слова „меня“...

— „Ня, единственное мое ясное солнышко“...—услышала Марья Николаевна.

— Что? Какое „ясное солнышко“ — недоумѣвающе переспросила она.

— Я говорю, единственное, о чемъ я мечтаю,—понѣжитесь на солнышкѣ. Вотъ, видите, сейчасъ облака, а когда вы уѣдете, я, если выглянетъ солнышко, пойду на бульваръ и посижу на скамейкѣ.

— Подумаешь, идиллія... Только и всего?

И я холодно отвѣтилъ:

— Только и всего.

Эти двѣ исторіи я рассказалъ къ тому, что, вообще, хорошо было бы въ каждомъ городѣ на каждой улицѣ поставить по такому гудку—хоть разъ въ день на пять минутъ можно было бы быть искренними другъ съ другомъ.

КАКЪ МЕНЯ ОШТРАФОВАЛИ.

I.

Проснулся я потому, что почувствовалъ около кровати присутствіе посторонняго лица.

Но, открывъ глаза, увидѣлъ свою ошибку: это былъ не посторонній человѣкъ, а околоточный. Полиція никогда не бываетъ посторонней.

Я послалъ ему рукой привѣтствіе и терпѣливо спросилъ:

— Сколько?

— Двѣсти пятьдесятъ.

— Что вы, милый! Хотите десять?

— Помилуйте! Я не имѣю права торговаться.

— Ну, да,—кивнулъ я головой.—Вы сейчасъ скажете: жена, дѣти, всеобщая дороговизна... Знаемъ!

— Помилуйте, я вамъ сейчасъ могу предъявить и постановленіе...

Обезпокоенный, я поднялся на локтѣ.

— Позвольте... Да вы о чемъ?

— А вы?—улыбнулся околоточный.

— Я о...

— Ничего подобнаго! Я бы не сталъ такъ настойчиво... Вы, просто, какъ редакторъ журнала оштрафованы...

— Просто оштрафованъ? Ну, тогда, конечно, ничего.

— ... И мнѣ нужно взыскать съ васъ деньги.

— Вотъ это уже сложнѣе... Это не просто. Дѣло въ

томъ, видите-ли, что мнѣ бы ужасно не хотѣлось платить вамъ денегъ.

— Можно не платить,—успокоительно сказалъ околоточный.

— Вотъ видите! Ну, спасибо. Садитесь, пожалуйста!

— Можно не платить,—повторилъ околоточный, усаживаясь.—Такъ какъ штрафъ съ замѣной арестомъ на полтора мѣсяца, то, если отсидѣть—ничего платить и не придется.

— Встаньте!—сердито сказалъ я.—Вы, кажется, усѣлись на мой сюртукъ. Вы увѣрены, что это я оштрафованъ? Можетъ быть, кто-нибудь другой?

— Именно, вы. Да это ничего! Теперь вѣдь всѣхъ штрафуютъ.

— Милый мой,—сентенціозно возразилъ я.—Всѣ люди, въ концѣ-концовъ, умираютъ... Но если вы на этомъ основаніи захотите отрѣзать мнѣ вашей шашкой голову,—я буду энергично сопротивляться. Хотите пятьдесятъ?

— Что?

— Пятьдесятъ рублей. Хорошія деньги! На пятьдесятъ рублей можно обмундировать цѣлаго городского... Или сѣдло съ уздечкой для лошади купить.

— Не могу-съ. Приказано взыскать полностью.

— Однако, вы тяжелый человѣкъ! Ну, ладно. Какъ-нибудь, когда будутъ свободныя деньги, отдамъ. Зимой, когда начнется сезонъ... Заходите, милости просимъ...

— Нѣтъ-съ, зимой нельзя. Нужно сейчасъ.

— Почему же? Я заплачу проценты за отсрочку. Я готовъ даже разсматривать это, какъ ломбардную ссуду подъ извѣстную цѣнность. Я думаю, что извѣстную цѣнность я представляю?

— Нѣтъ, мы ожидать не можемъ.

— Боже ты мой! Можно подумать, что вы весь свой бюджетъ строите на этихъ несчастныхъ двухстахъ пяти-

десяти рублям! Хотите такъ: я вамъ внесу сразу пятьдесятъ рублей и потомъ еженедѣльно...

— Извините, не можемъ.

— Гм... А въ тюрьмѣ у васъ хорошо кормятъ?

— Обыкновенно.

— Вотъ это и плохо, что обыкновенно. Я долженъ обязательно отсидѣть полтора мѣсяца?

— Конечно.

— Извините меня, но я считаю это неправильнымъ. Нужно, штрафуя, считаться съ положеніемъ человѣка. Пятьдесятъ дней моей жизни считаются вами цѣнностью, равной двумстамъ пятидесяти рублямъ. То есть, одинъ мой день оцѣнивается въ пять рублей. Но, знаете-ли вы, милый мой, что ежедневный заработокъ, въ среднемъ, у меня равняется пятидесяти рублямъ?!. Хотите — пять дней отсижу, а больше—не получите ни одного часочка.

— Этого мы не можемъ.

Тогда я попытался обратиться къ его здравому смыслу.

— Что вамъ за польза, если я буду сидѣть? Если заключеніе должно способствовать исправленію даннаго субъекта—вы меня не исправите. Я останусь такимъ же, какимъ былъ. Хотите меня обезвредить? Стоитъ-ли обезвреживать на полтора мѣсяца. Тѣмъ болѣе, что въ тюрьмѣ я, все равно, буду придумывать темы для своихъ рассказовъ. Зачѣмъ же еще вамъ нужно такъ добиваться лишенія меня свободы? Не заставляйте же меня думать,—патетически заключилъ я,—что это должно быть актомъ вашей личной мести! Личная месть въ политикѣ — фи!

— Да если не хотите сидѣть, можно просто уплатить деньги.

— Удивительно, господа, у васъ все это просто. Весь міръ представляется вамъ математической формулой: дважды два—четыре. А скажите... Пошли ли бы вы на такую комбинацію: я дамъ вамъ сто рублей, а на остальные полтараста досижу.

— Нѣтъ, это невозможно.

— Вотъ люди, съ которыми каши не сваришь! Почему невозможно? Какая разница вамъ, если вы, все равно, получаете все цѣликомъ, но въ двухъ сортахъ. Обѣдъ изъ двухъ блюдовъ гораздо пріятнѣе обѣда изъ одного блюда. Нечего тамъ думать, соглашайтесь.

— Не знаю, что вамъ и сказать. Такихъ вещей еще никто намъ не предлагалъ.

— Не предлагали, потому что привыкли къ шаблону. А у меня всѣ комбинаціи совершенно свѣжія и, никѣмъ не заѣзженные. Если бы вы хорошенько уяснили мою мысль, вы пошли бы мнѣ навстрѣчу. Можно даже сдѣлать такъ: сегодня у меня, скажемъ, есть свободные десять рублей, я посылаю ихъ вамъ и считаю себя на два дня свободнымъ. Завтра, наоборотъ, у меня есть свободный денекъ. Что же я дѣлаю? Я захожу куда слѣдуетъ, отсиживаю, а вы отмѣчаете у меня въ книжкѣ (можно завести такую расчетную книжку), что пять рублей уплачено натурой. И мнѣ незамѣтно, и вамъ не убыточно. Къ осени, глядишь,—разсчитаемся.

Но логика на полицію не дѣйствуетъ. Околоточный вздохнулъ и сказалъ со свойственной ему простотой:

— Если до двѣнадцати часовъ завтра не внесете денегъ, придется васъ арестовать.

— У васъ нѣтъ сердца,—съ горечью прошепталъ я.—Хорошо... Завтра я дамъ вамъ отвѣтъ.

Околоточный посидѣлъ еще четверть часа, побранилъ свое начальство (надо замѣтить, что околоточные всегда ругаютъ начальство; любопытно, что пристава этого не дѣлаютъ...), и ушелъ, цѣпляясь шашкой за всѣ углы столовъ и ножки стульевъ.

II.

Когда я вышелъ въ столовую, всѣ уже знали о постигшей меня карѣ.

Тетка осмотрѣла меня съ тайнымъ страхомъ и сказала:
— Допрыгался? Мало вашего брата въ Швейцаріи, такъ еще и тебѣ надо.

— Въ какой Швейцаріи?

— Въ такой. Сегодня бѣжишь?

— Что вы тамъ такое говорите... Здравствуй, Сергѣй. Мой кузень, юный студентъ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ сочувственно:

— Вотъ онъ, режимъ-то! Но ты не смущайся, братъ. Вся мыслящая часть общества на твоей сторонѣ. Пойди-ка сюда, я тебѣ что-то скажу!

Онъ отвелъ меня къ окну и шепнулъ:

— Будь спокоенъ! Мы тебѣ устроимъ побѣгъ. Дай только намъ два-три мѣсяца сроку... У меня есть пара товарищей головорѣзовъ, которые съ помощью подкопа...

— Будетъ поздно!—печально сказалъ я.

— О, Боже! Я догадываюсь! Ты не выдержишь тяжести заключенія и съ помощью веревки, скрученной изъ простыни...

— Да, нѣтъ, просто меня уже выпустятъ. Всего вѣдь полтора мѣсяца!

— Жаль... А то бы...

Я отошелъ къ столу, взялъ сдобную булку, откусилъ кусочекъ... и вскрикнулъ:

— Охъ, чертъ! Что это такое... Тутъ можно всѣ зубы поломать...

Я оглядѣлъ булку: кто-то искусно засунулъ въ нее тоненькую пилу, обрывокъ веревочки и записку.

Въ запискѣ стояло:

„Съ помощью этого, перепили окно и спустись внизъ. На растояніи нѣсколькихъ ядровъ тебя будетъ ждать лошадь, на которой скачи на югъ. Живымъ не сдавайся“.

Странное слово „ядровъ“, напыщенность слога и пара орфографическихъ ошибокъ сразу обнаружили автора—десятилѣтняго Борьку, моего племянника.

Я выплюнулъ изо рта пилочку, выбросилъ веревку, съѣлъ булку и, допивъ чай, ушелъ гулять.

Когда шелъ по двору, прачка Анисья выбѣжала изъ подвала, застѣнчиво сунула мнѣ въ руку двѣ копѣйки и, пролепетавъ: „помолись за меня, несчастненькій“, убѣжала.

Дѣло стало казаться не такимъ мрачнымъ.

Теперь для полного расчета съ правительствомъ не хватало только 249 рублей 98 копѣекъ.

Въ кафе встрѣтили меня друзья. Они были очень озабочены моимъ положеніемъ и предложили цѣлый рядъ выходовъ.

Оказывается, положеніе мое было не безвыходнымъ. Можно было:

1) Бѣжать въ Аргентину.

2) Захватить околоточнаго, вмѣсто заложника, и отпустить его только тогда, когда мнѣ гарантируютъ свободу.

3) Бѣжать на Капри.

4) Забаррикадироваться въ квартирѣ и отстрѣливаться.

Лучшій мой другъ спрашивалъ, не было ли у меня въ роду алкоголиковъ, убійць, развратниковъ и, вообще, преступниковъ? Онъ же снялъ мою шляпу и, ощупавъ голову, нашелъ признаки несомнѣнной дегенераціи и деформированія черепа.

На другой день утромъ пришелъ мой старый другъ— околоточный.

— Ну, какъ?—спросилъ онъ.

— Рѣшилъ сѣсть.

— Ну... пожалуйста! Пойдемъ.

— Кандаловъ не надѣнете?

— Нѣтъ, не стоитъ.

— Можетъ, обыскъ сдѣлаете?

— Зачѣмъ же! Разъ нѣтъ предписанія.

— Тюремная карета подана?

— Какая тамъ карета... На извозчикѣ поѣдемъ.

— Ну, милый мой,—раздраженно сказалъ я.—Разъ во всемъ этомъ нѣтъ тюремной кареты, ни кандаловъ, ни мрачной поэзіи, ни тюремщиковъ, вталкивающихъ въ подземелье, ни крысъ на каменномъ полу—я отказываюсь! Я рѣшилъ заплатить штрафъ.

— Платите,—равнодушно согласился околоточный.

— Вотъ вамъ. Это шестимѣсячный вексель. Вы учтете его и...

— Нѣтъ, извините. Нужно наличные.

— Да почему? Неужели, вы думаете, что вамъ не учтутъ векселя? Любой банкъ сдѣлаетъ это. Въ особенности, если вы еще найдете тамъ, въ банкѣ, какія-нибудь санитарныя погрѣшности...

— Нѣтъ, вексель мы не принимаемъ.

— Боже, какой вы нудный человѣкъ! Ну, получайте ваши „наличные“ и, надѣюсь, что наши дороги надолго разойдутся въ разныя стороны. Прощайте!

И, платя деньги, я постарался всучить ему самыя потертыя, запятнанныя и измятыя кредитки... Я твердо помнилъ, что принадлежу къ оппозиціи.

Р. S. Можетъ быть, мой разговоръ и возмутитъ кого-нибудь изъ оппозиціонно настроенныхъ гражданъ, возмутитъ легкостью тона и той шутливостью, которая не подходитъ, которая неумѣстна при столкновеніи съ такими серьезными, мрачными вещами, какъ штрафъ и арестъ.

Но, Боже мой! Вѣдь въ этомъ шутливомъ тонѣ и смѣхѣ, можетъ быть, и кроется единственный выходъ изъ еще болѣе некрасиваго положенія, когда человѣкъ безпомощно плачетъ, стонетъ и, вообще, разливается въ три ручья.

ПРИЗРАКИ ЛЮБВИ.

Когда горничная принесла почту—супруги дружески раздѣлились: мужъ забралъ себѣ всѣ газеты и каталогъ сѣмянъ, а жена—всѣ журналы и письма.

Мужъ перелисталъ каталогъ, сказалъ два раза: „ого!“, два раза: „гм!“, и, отложивъ его, углубился въ газету.

Жена схватила сначала письмо, потомъ отложила его, взяла журналъ,—перевернула двѣ странички, бросила журналъ, снова схватила письмо, на колѣни положила другой журналъ и, перелистывая его, попыталась вскрыть конвертъ; такъ какъ одна рука была занята перелистываньемъ журнала, то для письма была пущена въ ходъ свободная другая рука и зубы: зубами былъ оторванъ край конверта, и зубами же было вынуто письмо. Послѣ этого, журналъ соскользнулъ съ колѣнъ и упалъ на полъ, а жена ухватилась обѣими руками за письмо и приступила къ чтенію.

Прочтя нѣсколько строкъ, она подняла голову и, улыбаясь тихой улыбкой, которая озарила ея лицо, подобно тихому умиротворяющему, розовому, вечернему лучу,—сказала:

— Ахъ, мужчины, мужчины... Вотъ, говорятъ, что женщина, влюбившись, теряетъ голову... А я думаю, что нѣтъ ничего смѣшнѣе, трогательнѣе и безтолковѣе влюбленнаго мужчины.

— А что?—безпокойно спросилъ мужъ.—Ты это не обо мнѣ вѣдь говоришь?

— Успокойся—не о тебѣ. Просто я сейчасъ получила письмо отъ совершенно незнакомаго мнѣ господина. И, представь себѣ—онъ изливается мнѣ въ своихъ чувствахъ.

— Просто дуракъ какой-нибудь,—сказалъ мужъ, выглядывая изъ-за газеты.

— Почему же дуракъ? Ужъ сейчасъ и дуракъ. Значить, и ты былъ дуракъ, когда въ свое время изъяснялся въ любви ко мнѣ?!

Въ голосѣ мужа зазвенѣла нотка искренности, когда онъ сказалъ:

— И я.

— Очень мило! Благодарю васъ!

— Не стоитъ. Курите на здоровье.

Жена немного обидѣлась; чтобы уязвить мужа, а также—поднять себѣ цѣну, она поднесла письмо къ глазамъ и задушевымъ голосомъ прочла первую строчку:

— „Мое безцѣнное сокровище!“ Обрати вниманіе: человѣкъ, который еще даже незнакомъ со мной—считаетъ меня безцѣннымъ сокровищемъ.

— Не обвиняй его! Для человѣка, незнакомаго съ тобой—это простительно.

Жена, очевидно, не поняла этой сложной по построению фразы, потому что сказала благосклонно:

— Ага! Теперь уже и ты начинаешь отпускать мнѣ комплименты, хитрецъ ты этакій! Да-а... „Другіе, можетъ быть, и назовутъ пошлой дерзостью то, что я пишу вамъ такое письмо, даже не будучи знакомъ, но, если вы такъ же умны, какъ и красивы, вы не сочтете это дерзостью“...

Жена вдумалась въ послѣднюю фразу и торопливо заявила:

— Я и не считаю!

— Еще-бы!

— „Благословляю тотъ счастливый случай, который привелъ меня третьяго дня въ „Акваріумъ“...

Жена подняла голову и сказала, задумчиво улыбаясь:

— Начиная съ этихъ строкъ, бѣдняга совершенно теряетъ голову. Ха-ха-ха! Обрати вниманіе: онъ пишетъ—„Акваріумъ“ въ то время, какъ мы были въ— „Аркадіи“... Помнишь, тогда? До чего у человѣка все въ головѣ перепуталось...

— Можетъ быть, онъ тебя спуталъ съ кѣмъ-нибудь?

— Чепуха! Съ кѣмъ онъ меня можетъ спутать?! „Сердце мое сжималось сладко и мучительно, когда ваша милая головка показывалась у окна кабинета“...

— Постой,—перебилъ мужъ.—Какъ это такъ „у окна кабинета“, когда мы сидѣли въ общемъ залѣ? Тутъ что-то непонятное!

— Для кого непонятное, а для кого и понятное! Очень просто: значить, онъ сидѣлъ въ кабинетѣ, а мы снаружи, и моя, какъ онъ говоритъ, „милая головка“ показывалась у окна кабинета.

— Однако, я не думаю, чтобы твоя милая головка достигала окна второго этажа.

— Онъ объ этомъ и не говоритъ.

— Но вѣдь кабинеты во второмъ этажѣ?!

— Я не виновата, милый мой, что кабинеты такъ глупо устроены. Ну-съ, дальше. „Я не знаю, кто тѣ двое мужчинъ, которые сидѣли съ вами“... Постой-ка! Кто былъ тогда съ ними?

— Насъ было трое: ты, твоя тетка и я.

— Значить, онъ мою тетку за мужчину принялъ? О, Боже, Боже... Не даромъ говорятъ: любовь—слѣпа!

— Хорошъ гусь!—критически замѣтилъ мужъ.—Теперь ты согласна, что тутъ какая-то путаница?

— О, да,—язвительно вскричала жена.—Я вижу — ты бы очень хотѣлъ этого! Еще-бы!

— Да какъ же можно—женщину за мужчину принять?

— Мало-ли что. У тети, дѣйствительно, очень мужественный видъ. Человѣкъ смотрѣлъ только на меня! Всѣ остальные для него только ненужная декорация!

— И я декорация?..

— И ты декорация.

— А ты знаешь: декорация иногда можетъ на голову свалиться.

— Я знаю—ты другого ничего не можешь сдѣлать. Да... „...Тѣ двое мужчинъ, которые сидѣли съ вами; но если сѣдой, толстый господинъ въ смокингѣ—вашъ мужъ—не думаю, чтобы вы любили его“... Замѣть: онъ маскируетъ эти слова хладнокровнымъ тономъ, но видно, что бѣдняга страдаетъ.

— Интересно: кого онъ принялъ за сѣдого господина въ смокингѣ—тетушку, меня или тебя.

— Не будь пошлякомъ.

— Милая: какой я толстый? Какой я сѣдой? Какой я въ смокингѣ, когда я въ сюртукѣ былъ?

— Очень ему нужно разбираться—въ смокингѣ ты или въ сюртукѣ! Только ему и дѣла.

— А сѣдой-то? Какой я сѣдой?

— Ты почти блондинъ. А блондины вечеромъ кажутся сѣдыми. Преломленіе лучей.

— Именно. Оно самое. А толстымъ я кажусь тоже отъ преломленія лучей?

— А что-жъ ты худенькій, что-ли? Слава Богу, четыре съ половиной пуда!

— Та-акъ; а скажи, сколько ты вѣсишь?

— Три пуда семьдесятъ. Ахъ, да дѣло не въ этомъ!.. Ты все перебиваешь меня! „Но то, что вы изрѣдка кокетничали съ другимъ господиномъ—пронизывало мое сердце отравленными стрѣлами“...

Мужъ захихикалъ:

— Съ другимъ—это, значить, съ теткой. Дѣйстви-
тельно, обидно! Если женщина со своей собственной
теткой кокетничаетъ—дѣло швахъ.

— Конечно, конечно—тебѣ непонятно, что человѣкъ
могъ совсѣмъ потерять голову.

— Ну, кто найдетъ ее, тоже не обрадуется.

— Я такъ и знала: ты ревнуешь! А, ну, что дальше?
„Я не могу себѣ представить, чтобы кто-нибудь другой
обвивалъ руками вашу тонкую талию и цѣловалъ ваши
черные, какъ ночь, волосы“.

— Ну, послушай,—сказалъ мужъ, откладывая газету.—
Положа руку на сердце, можно назвать твою талию
тонкой?

— Если тебѣ не нравится—ищи себѣ другую!

— Благодарю васъ. Одно долженъ признать—онъ
довольно мило перекрасилъ твои волосы въ черный
цвѣтъ.

— Онъ этого не говорить!

— Ну, какъ же! Тамъ онъ сравниваетъ твои волосы
съ ночью, что-ли.

— Ночи бываютъ и черныя, и бѣлыя. Если захотѣтъ
критиковать человѣка, всегда можно придратъся. Онъ
писалъ такъ, какъ чувствовалъ! „...Счастливый случай
далъ мнѣ возможность узнать вашъ адресъ отъ Жоржа
Кирюкова“... Это что еще за Жоржъ?

Мужъ пожалъ плечами.

— Тебѣ лучше знать.

— Откуда же мнѣ знать какого-то Кирюкова?! Это,
навѣрное, одинъ изъ твоихъ ресторанныхъ забулдыгъ-
знакомыхъ. Знакомитесь, съ кѣмъ попало! Гм!.. „...Отъ
Жоржа Кирюкова, жениха вашей свояченицы Клавдіи“...
Съ ума сошелъ человѣкъ! Какая свояченица?

— Онъ же говорить—твоя?

— Почему моя? Можетъ быть, твоя?

— Да, да. Я ее до сихъ поръ въ карманѣ на всякій

случай пряталь, а теперь выну... Получайте, дескать Новая родственница!

— Нечего хихикать! Обрадовался...

— Милая моя! Ни свояченицы, ни твояченицы, ни мояченицы—у насъ нѣтъ!

— Поразительно умно! Просто человѣку не до того было, и онъ все перепуталь...

— Какъ это можно,—все перепутать? Съ какой радости?

— Значить, по твоему, я не способна внушить человѣку сильное чувство, да?

Губы жены обиженно задрожали.

— Удивительно,—сказаль мужъ, поднимая съ пола конвертъ,—какъ этотъ идіотъ еще адреса не перепуталь! Постой-ка!.. Гм!.. Тебя зовутъ Александрой?

— Александрой.

— Есть. Степановной?

— Что за глупости! Какой Степановной?

— Тутъ, дорогая моя Александра Ивановна, стоитъ „Степановна“.

— Что за нелѣпый человѣкъ! Ты фамилію посмотри!—сердито сказала жена.

— Да фимилія хорошая: Чебоксарова.

— О, Господи! Неужели, онъ и фамилію... ошибся?!

— Ну, какіе пустяки,—подмигнуль мужъ.—Что такое фамилія? Номеръ дома правиленъ—7, а квартира гм!.. На три номера больше—это, впрочемъ, тоже деталь...

— Въ такомъ случаѣ,—нервно крикнула жена.—Я ничего не понимаю. Ты умнымъ себя считаешь—ты и объясни... Въ чемъ тутъ дѣло?

— Въ чемъ? Просто это письмо не къ тебѣ адресовано.

— Вздоръ! Какъ бы оно иначе ко мнѣ попало! Это онъ мнѣ писалъ! Телько что волосы спуталь...

Вошла горничная и, остановившись у дверей, спросила:

— Вамъ не попали-ли по ошибкѣ журналы госпожи Чебоксаровой изъ одиннадцатаго номера?

— Что такое? Какая Чебоксарова?—крикнула жена.

— Александры Степановны Чебоксаровой. Брюнетка такая тоненькая. Кажись, почтальонъ всю ея почту вамъ сунулъ. Умается, работамши, вотъ и суеть зря...

— Скажи своему почтальону, что онъ дуракъ! А ты тоже хорошъ! вмѣсто того, чтобы разобрать, какъ слѣдуетъ, почту,—сейчасъ-же хватаешься за свои глупыя газеты! Убѣгутъ онѣ отъ тебя, правда? Новости тебѣ нужно знать! Да? Безъ тебя политики не сдѣлаютъ! Выше! головы, милый мой, не прыгнешь,—могу тебя успокоить

ПЕРВАЯ ДУЭЛЬ.

Въ еженедѣльномъ журналѣ, въ повѣсти молодого беллетриста я вычиталъ слѣдующее:

— „Какъ хороши бываютъ предразсвѣтные часы, когда вся природа готовится отойти ко сну, когда поля одѣваются бѣлой пеленой тумана, и усталые, истомившіеся за день крестьяне, гонятъ свои стада лошадей и другихъ животныхъ на покрытыя изумрудной зеленью пастбища подъ ласковые лучи утренняго солнца. Въ такіе тихіе закатные часы мнѣ хочется думать о чемъ-то недостижимомъ, несбыточномъ“.

Нужно-ли говорить, что меня чрезвычайно возмутили эти странныя сумбурныя строки. Я поспѣшилъ пригвоздить автора къ позорному столбу, чтобы отбить у него всякую охоту совать носъ въ то, что его не касается.

Я написалъ въ другомъ еженедѣльникѣ:

«Авторъ утверждаетъ, во-первыхъ, что «въ предразсвѣтные часы вся природа готовится отойти ко сну». Если «вся природа» въ глазахъ автора отождествляется съ кучкой пьяныхъ гулякъ, вышвырнутыхъ за позднимъ временемъ изъ кабака и готовящихся отойти ко сну въ придорожной канавѣ—мы не поздравляемъ автора съ такимъ кругозоромъ. Во-вторыхъ, всему свѣту извѣстно, что крестьяне встаютъ съ разсвѣтомъ, а не ложатся. Какой же дуракъ могъ заставить истомившихся за день крестьянъ гнать стада „лошадей и другихъ животныхъ“ на пастбища. Когда крестьяне ихъ

гнали? Въ какой часъ? Если утромъ—почему они успѣли «истомиться за день»? Если вечеромъ—что это за безумные, потерявшіе образъ человѣческой крестьяне, которые выгоняютъ скотъ на ночь изъ хлѣвовъ въ поле? И, какъ совмѣстить „тихіе закатные часы“ съ «ласковыми лучами утренняго солнышка»? Кто могъ написать это? Человѣкъ или курица, забредшая черезъ открытое окно на письменный столъ отлучившагося за авансомъ автора? Да нѣтъ! И курица прекрасно отличаетъ разсвѣтъ отъ заката... Въ концѣ этой белиберды авторъ меланхолически вздыхаетъ: «Въ такіе тихіе закатные часы мнѣ хочется думать о чемъ-то недостижимомъ, несбыточномъ»...

«Что онъ называетъ недостижимымъ? Не то-ли, что ему никогда не удастся поумнѣть и написать произведение болѣе благопристойное»...

Статейка моя вышла достаточно хлесткой, умной и разсудительной.

Но на другой день ко мнѣ явился длинный художавый молодецъ и заявилъ, что онъ этого дѣла такъ не оставитъ.

— Да вы кто такой?—спросилъ я.

— Авторъ той повѣсти, съ которой вы такъ грубо обошлись...

— Ага! Вы авторъ? Чего же вы хотите?

— Напишите опроверженіе вашей статьи.

— Что же я буду опровергать? Что крестьяне встаютъ утромъ? Моему опроверженію даже ребенокъ не повѣритъ. Что закатъ бываетъ на разсвѣтъ? Съ этимъ даже и вы не согласитесь. Что крестьяне выгоняютъ скотину пастись ночью? Съ этимъ не согласится и самая захудалая скотина. Что же я буду опровергать?

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ у васъ завтра будутъ мои свидѣтели.

— Я за этимъ не гонюсь.

— Это безразлично. Но такую вещь можно смыть только кровью.

— Такъ, такъ. Значить,—разсудительно замѣтилъ я,—оттого, что вы мнѣ влѣпите пулю въ лобъ, солнышко начнетъ въ тихіе закатные часы лить на землю утренніе лучи? Вы никогда этого не дождетесь.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Хочу сказать то, что у насъ не хватитъ крови, чтобы смыть съ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ страницъ напечатанную на нихъ вами бессмыслицу.

— Ладно! Когда я прострѣлю ваше брюхо, вы узнаете, какая это бессмыслица!

— Да, дѣйствительно. Можно сказать, что этотъ доводъ будетъ сокрушающимъ. А пока—прощайте. По корридору прямо, дверь направо.

— Прощайте! Вы обо мнѣ завтра услышите.

— Постараюсь; напрягу слухъ до послѣдней степени.

II.

Двое юношей—хранителей священныхъ традицій чести—явились ко мнѣ на другой день.

— Мы къ вамъ по очень серьезному дѣлу.

— Садитесь. Много работаете?

— Какъ... работаемъ?.. Да, вообще, конечно... работаемъ.

— Я вижу, мы съ вами народъ занятой, — замѣтилъ я.

Юноши, польщенные, улыбнулись.

— Да-съ.

— А этотъ безграмотный осель, — интимно подмигнулъ я,—отрываетъ насъ отъ дѣлъ.

Юноши вскочили.

— Позвольте! Мы здѣсь въ качествѣ представителей

господина Лелякина и не позволимъ оскорблять его!!
Потрудитесь взять ваши слова обратно.

— Откуда же вы знаете, что я говорю о немъ?

— А вы вотъ сказали: безграмотный осель.

— Я могу взять свои слова только на половину: онъ грамотный осель. Грамотный настолько, чтобы нацарапать окостенѣвшей рукой бессмыслицу и пристроить ее въ журналъ.

— Но мы защитники его интересовъ и не позволимъ...

Я проникательно взглянулъ на юношей.

— Значить, вы согласны съ нимъ, что закатъ бываетъ на разсвѣтѣ?

— Нѣтъ, не согласны.

— ...ласны,—подтвердилъ другой юноша.

— Могъ-ли умный человѣкъ написать такую чепуху?

— Не могъ.

— Значить, писалъ дуракъ?

— Значить, дур... Да нѣтъ! Вы не можете такъ говорить о немъ. Онъ довѣрилъ намъ свои интересы!

— Ну, да, я понимаю. Однако, оставимъ это въ сторонѣ. Оттого, что онъ довѣрилъ вамъ свои интересы, онъ вѣдь умнымъ не сдѣлался? Согласны?

— Да, конечно, это вѣрно.

— Вотъ и выходитъ, что, даже и защищая его интересы, вы все время должны помнить, что онъ дуракъ. Вѣрно?

Юноши придвинулись ко мнѣ ближе и кивнули головами... Послѣ нѣкотораго колебанія, согласились:

— Конечно, дуракъ. Сказать правду, намъ ужасно противно это порученіе. Мы сразу видимъ, что вы симпатичный умный человѣкъ...

— А тотъ — какое-то дерево, — подхватилъ другой юноша.

— Гнилое дерево. Дупло вмѣсто головы,—замѣтилъ другой юноша.

— И пишетъ онъ такъ, что его отодрать бы слѣдовало.

Пока оба защитника интересовъ моего противника обмѣнивались этими замѣчаніями, я потребовалъ вина, и мы подняли свои бокалы за то, чтобы литература была избавлена отъ тупиць и бездарностей.

Потомъ пришли мои секунданты. Было шумно и весело.

Противниковы юноши дали клятву, что въ зависимости отъ исхода дуэли, они поколотятъ своего довѣрителя.

III.

Съ разсвѣтомъ меня разбудили „защитники моихъ интересовъ“.

— Дайте мнѣ поспать хоть полчаса.

— Нельзя. Уже восходъ. Противникъ, вѣроятно, уже на мѣстѣ.

— А, можетъ, его еще нѣтъ. Вѣдь онъ путаетъ закатъ съ восходомъ.

— Можетъ быть, когда онъ одинъ. Но мы увѣрены, что секунданты растолкуютъ ему.

Натягивая брюки, я сострилъ:

— Его секунданты лучше. Они ему растолковываютъ, а вы меня расталкиваете.

Тутъ же я подумалъ:

— Бодришься? Хочешь показать хладнокровіе?

Лошади повезли насъ на мѣсто назначенія, а я сидѣлъ и думалъ:

— Какъ трудно быть самимъ собой, ѣдучи стрѣляться. Столько я читалъ, видѣлъ пьесъ и картинъ на сюжетъ дуэли, что трудно мнѣ удержаться въ рамкахъ естественности. Хорошо было нашимъ предкамъ: они стрѣлялись,

какъ Богъ на душу положить. А я знаю, какъ держаль себя Ленскій, Онѣгинъ, Грушницкій, Печоринъ, и должень или подражать имъ, или выдумывать что-либо совершенно оригинальное, что не такъ-то легко.

Постараюсь держать себя естественно...

Я закинулъ голову назадъ, потомъ посвисталъ, потомъ сложилъ руки на груди и злобно улыбнулся.

— Чего тебя корчитъ?—освѣдомился секундантъ.

Тогда я сдѣлалъ сосредоточенное лицо, нахмурился и сталъ похлопывать пятка-о-пятку.

— Нервничаешь?—спросилъ секундантъ.

Я разсмѣялся, ткнулъ его кулакомъ въ бокъ и показалъ языкъ.

— Бодришься? Подвинчиваешь себя?

Я убѣжденъ—какъ ни держи себя передъ дуэлью—все будетъ плохо.

До мѣста назначенія я сдѣлалъ три безплодныхъ попытки: пытался 1) быть разсѣяннымъ, 2) грознымъ, полнымъ зловѣщаго спокойствія и 3) — хладнокровнымъ, выдавшимъ виды, привыкшимъ къ дуэлямъ, бреттеромъ.

Послѣдняя попытка вызвала у одного изъ секундантовъ замѣчаніе:

— У тебя такой видъ, что не лучше-ли намъ вернуться и уложить тебя въ постель. У тебя очень нехорошій видъ.

Мой безграмотный противникъ былъ уже на мѣстѣ. Онъ ходилъ крупными шагами по полянкѣ (не помню по Лермонтову-ли или по кому другому).

Я опустился на камень и подъ впечатлѣніемъ обстановки тихонько запѣлъ:

— Куда, куда, куда вы удалились...

Господи! Я не боюсь, но помоги мнѣ, Господи, быть естественнымъ.

Я всталъ и подошелъ къ шептавшимся секундантамъ.

— Ну, чего же мы ждемъ, господа?

Защитники интересовъ моего противника развели руками.

— Ужасная непріятность! Всего одинъ только пистолеть!.. Другого никакъ не могли розыскать. Нельзя же стрѣляться однимъ пистолетомъ?

Необычайно долговязый студентъ, цѣль появленія котораго была мнѣ не совсѣмъ ясна, примирительно сказалъ:

— Отчего же—нельзя? Пусть по жребію—они выстрѣлятъ въ нихъ, или они въ нихъ, а затѣмъ передадутъ пистолеть противной сторонѣ.

— Я ничего не имѣю противъ,—согласился я.— Очень пріятно познакомиться. Вы тоже секундантъ?

— Нѣтъ,—сказалъ этотъ долговязый гигантъ, наклоняясь ко мнѣ.—Я приглашенъ для отмѣриванія шаговъ.

Я взглянулъ на его ноги. Идея пригласить этого человѣка была не глупа. Ноги его могли обезвредить самага лучшаго стрѣлка. Вѣроятно, подумалъ я, когда этотъ человѣкъ наклоняется къ ботинку, чтобы развязать зубами затянувшійся узломъ шнурокъ—его голова обрушивается внизъ съ головокружительной высоты.

— На нѣтъ и суда нѣтъ,—замѣтилъ мой противникъ, когда ему сказали, что пистолеть только одинъ.—Обойдемся. Я предпочелъ бы, впрочемъ, какъ оскорбленный, стрѣлять первымъ.

— По жребію, по жребію! — донесся съ высоты голосъ отмѣривателя шаговъ.—Тяните жребій, а я отмѣрю шаги. Тридцать шаговъ.

Онъ провелъ носкомъ ноги черту на землѣ и, затѣмъ, сдѣлавъ колоссальный прыжокъ, понесся на своихъ страшныхъ ходуляхъ въ туманную даль.

— ...Одиннадцать, двѣнадцать... Двадцать четыре, двадцать семь...

И затѣмъ издалека донесся его заглушенный разстояніемъ голосъ:

— ...адцать ...евять... ...идцать!...

— Ау-у-у!—крикнули секунданты.

— Ау-у-у!

Тянули жребій. Вышло, что первымъ стрѣлять будетъ мой противникъ. Онъ засверкалъ глазами, ляскнулъ зубами, и сказалъ:

— Ага-а... Вотъ теперь мы посмотримъ, чья возьметъ, Насъ поставили на мѣста.

— Начинаемъ! Разъ... два...

Далеко, далеко отъ меня (хвала Господу, создавшему такія ноги) виднѣлась фигура человѣчка. Человѣчекъ поднялъ пистолеть, прицѣлился и послѣ команды „три“, выстрѣлилъ.

Не будучи увѣренъ—раненъ я или нѣтъ—я заблагодарисудилъ не падать до выясненія истины.

Это было очень ссторожноне рѣшеніе, потому что по освидѣтельствваніи, я оказался цѣлехонькимъ.

— Ваша очередь стрѣлять,—сказалъ запыхавшійся секундантъ (онъ только что сбѣгалъ къ моему противнику за револьверомъ).

— Куда вы!—закричалъ онъ, оглядываясь.—Стойте на мѣстѣ! Въ васъ же сейчасъ будутъ стрѣлять.

Противикъ мой, очевидно, былъ не такой дуракъ, какъ я о немъ думалъ.

Вмѣсто того, чтобы стоять на мѣстѣ въ ожиданіи пули, онъ приблизился къ нашей группѣ и сказалъ:

— Господа! Развѣ вы не знаете, что дуэль запрещена закономъ?

— Объ этомъ нужно было думать раньше,—закричали секунданты.—Вы первый его вызвали, вы первый въ него стрѣляли... теперь его очередь!

Дуэлянтъ кротко улыбнулся.

— Я, господа, вѣроятно, забылъ предупредить васъ, что я принципиальный противникъ дуэлей. Да и въ самомъ дѣлѣ: развѣ не бессмыслица разрѣшать принципиальные

споры шальной пулей. Прямо-таки стыдно! Я думаю всякій благомыслящій человѣкъ согласится со мною, До свиданья!

Онъ сдѣлалъ намъ рукой привѣтственный жестъ, повернулся и ушелъ торопливой походкой человѣка, вспомнившего, что онъ, уходя изъ дому, забылъ погасить раззорительное для экономнаго хозяина электричество.

РАЗСКАЗЪ О КОЛОКОЛѢ.

На случай, который я расскажу ниже, могутъ существовать только двѣ точки зрѣнія: автору можно повѣрить или не вѣрить.

Автору очень хочется, чтобы ему повѣрили. Авторъ думаетъ, что читателя тронетъ это желаніе, потому что, обыкновенно, всякому автору въ глубокой степени безразлично—вѣрить ему читатель или нѣтъ. Писатель палець-о-палець не ударитъ, чтобы заслужить безусловное довѣріе читателя.

Авторъ же нижеписаннаго—въ отдѣльномъ абзацѣ постарается привести нѣкоторыя доказательства тому, что весь рассказъ не выдумка, а дѣйствительный случай.

Именно,—авторъ даетъ честное слово.

Г л а в а I.

Однажды, въ концѣ Великаго поста, въ нашъ городъ привезли новый мѣдный колоколъ и повѣсили его на самомъ почетномъ мѣстѣ въ соборной колокольнѣ.

О колоколѣ говорили, что онъ невеликъ, но звучитъ такъ прекрасно, что всякій слышавшій умиляется душой и плачетъ отъ раскаянія, если совершилъ что-нибудь скверное.

Впрочемъ, и не удивительно, что про колоколъ ходили такіе слухи: онъ былъ отлитъ на заводѣ по предсмертному завѣщанію и на средства одного маститаго вѣрующаго беллетриста, весь вѣкъ писавшаго пасхаль-

ные и рождественскіе рассказы, герои которых раскаивались въ своихъ преступленіяхъ при первомъ звукѣ праздничныхъ колоколовъ.

Такимъ образомъ, писатель какъ бы воздвигъ памятникъ своему кормильцу и поильцу—и отблагодарилъ его.

Г л а в а II.

Едва запѣли пѣвчіе въ Великую ночь: „Христось Воскресе изъ мертвыхъ“..., какъ колоколъ, управляемый опытной рукой понамаря, вздрогнулъ и залился негромкимъ радостнымъ звономъ.

Семейство инспектора страхового общества Холмушина сидѣло въ столовой въ ожиданіи свяченаго кулича, потому что погода была дождливая и никто, кромѣ прислуги, не рискнулъ пойти въ церковь.

Услышавъ звукъ колокола, инспекторъ поднялъ голову и сказалъ, обращаясь къ женѣ:

— Да! Забылъ совсѣмъ тебѣ сказать: вѣдь я нахожусь въ незаконной связи съ гувернанткой нашихъ дѣтей, дѣвицей Вѣрой Кознаковой. Ты ужъ извини меня, пожалуйста!

Сидѣвшая тутъ же гувернантка прислушалась къ звону колокола, вспыхнула до корней волосъ и возразила:

— Хотя это, конечно, и правда, но я должна сознаться, что, въ сущности, не люблю васъ, потому что вы старый и ваши уши поросли противнымъ мохомъ. А вступила съ вами въ близкія отношенія, благодаря деньгамъ. Должна сознаться, что мнѣ больше нравится вашъ дѣлопроизводитель Облаковъ, Василій Петровичъ. О, пощадите меня!

— Могу-ли я васъ обвинять,—пожала плечами жена Холмушина,—когда мой средній сынъ Петичка не мужній, а отъ доктора Верхоносова, съ которымъ я встрѣчалась во время оно въ Москвѣ.

— Очевидно, докторъ Верхоносовъ былъ большой

мошенникъ?—прислушиваясь къ звуку колокола и покачивая головой, прошепталъ Петенька, гимназистъ четвертаго класса.

— Почему?

— Вѣроятно, я въ него удался: можете представить въ третьей четверти у меня поставлены 2 единицы, а я переправилъ ихъ на 4, да и показалъ отцу.

— Дитѣ!—снисходительно улыбнулась старая нянька.—Сколько я у васъ, господа вы мои, сахару перетаскала за все время, такъ это и пудами не сосчитать. Анадьсь банку съ вареньемъ выѣла, а потомъ разбила, да на Анюточку и свалила; будто она разбила.

— Ничего!—махнула рукой маленькая Аня.—За банку мнѣ только два подзатыльника и попало, а того, что я вчера въ папиномъ кабинетѣ фарфороваго медвѣдя разбила—никто и не знаетъ.

Инспекторъ всталъ, потянулся и сказалъ:

— Пойти развѣ въ кабинетъ написать въ правленіе нашего общества заявленіе, что я третьяго дня застраховалъ безнадежно чахоточнаго, подсунувъ вмѣсто него доктору для осмотра здоровяка, кондуктора конки.

— Какъ же вы пошлете это заявленіе, — возразила горничная Нюша,—если я вчера изъ коробки на вашемъ письменномъ столѣ всѣ почтовые марки покрала.

— Жаль,—сказалъ инспекторъ.—Ну, все равно—пѣду къ полицеймейстеру, заявляю ему, потому что это дѣло—уголовное.

Глава III.

Инспекторъ одѣлся и вышелъ на улицу. Колоколь звонилъ...

Нищій подошелъ къ нему и укоризненно сказалъ:

— Вы мнѣ уже третій годъ даете то двѣ, то три копѣйки при каждой встрѣчѣ. Гдѣ у васъ глаза-то были?

— А что?

— Да я въ сто разъ, можетъ быть, богаче васъ; у меня есть два дома на Московской улицѣ.

Какой-то запыхавшійся человекъ съ размаху налѣтѣлъ на нихъ и торопливо спросилъ:

— Гдѣ тутъ принимаютъ заявленія о побѣгѣ съ ка-торги?

— Пойдемъ вмѣстѣ, — сказала инспекторъ. — Мнѣ нужно заявить тоже объ уголовномъ дѣльцѣ.

— Ия съ вами, — привязался нищій. — Вѣдь, я одинъ-то домъ нажилъ неправильнымъ путемъ — обошелъ сиротку одну. Лѣтъ двадцать, какъ это было — да ужъ теперь заодно заявить, что-ли?

Всѣ трое зашагали по оживленной многолюдной улицѣ, по которой сновала одинаково настроенная публика. Кто шелъ въ участокъ, кто къ прокурору, а одинъ спѣшилъ даже къ любовницѣ, чтобы признаться ей, что любить жену больше, чѣмъ ее.

Всѣ старательно обходили купца, стоявшаго на колѣняхъ безъ шапки посреди улицы. Купецъ вопилъ:

— Покупатели! Ничего нѣтъ настоящаго у меня въ магазинѣ — все фальшивое! Мыло, масло, табакъ, икра — даже хлѣбъ! Какъ это вы терпѣли до сихъ поръ, — удивляюсь.

— Каяться вы всѣ мастера, — возразилъ шедшій мимо покупатель, — а того, что я тебѣ вчера фальшивую сто-рублевку подсунулъ, — этого, ты небось не знаешь. Эй, господинъ, не знаете, какой адресъ прокурора?

Глава IV.

Въ участкѣ было шумно и людно.

Приставъ и нѣсколько околоточныхъ сортировали посѣтителей по группамъ — мошенниковъ отдѣльно, грабителей отдѣльно, а мелкихъ жуликовъ просто отпускали.

— Вы что? Ограбленіе? Что? Вексель поддѣляли! Такъ чего же вы лѣзете? Ступайте домой, и безъ васъ

есть много поважнѣе. Это кто? Убійца? Ты, можетъ, врешь! Свидѣтели есть? Господа! Ради Бога, не всѣ сразу—всѣмъ будетъ мѣсто. Сударыня, куда вы лѣзете съ вашимъ тайнымъ притономъ разврата?! Не держите его больше и конецъ: Ты кто? Конокрадъ, говоришь? Паспортъ! Вы что? Я сказалъ вамъ уже—уходите!

— Господинъ приставъ! Какъ-же такъ уходите? А что у меня два года фабрика фальшивыхъ полтинниковъ работаетъ—это, по вашему, пустяки?

— Ахъ, ты Господи! Сейчасъ только гравера со сто-рублевками выгналъ, а тутъ съ вашими полтинниками буду возиться.

— Да, вѣдь то бумага, дрянъ—вы сами разсудите. А тутъ металлъ! Работа по металлу! Уважьте!

— Ступайте, ступайте. Это что? Что это такое въ конвертикѣ? Больше не беру. Ни-ни!

Полиціймейстеръ вышелъ изъ своего кабинета и крикнулъ:

— Это еще что за шумъ! Вы мѣшаете работать. Я какъ разъ подсчитывалъ полученные отъ евре... Эй, гм! Кто тамъ есть! Ковальченко, Сѣдыхъ! Это, наконецъ, невозможно! Бѣгите скорѣе къ собору. возьмите товарищей, остановите звонаря и снимите этотъ несносный колоколь. Да остерегайтесь, чтобы онъ не звякнулъ какъ-нибудь нечаянно.

Глава V.

Колоколь сняли...

Онъ долго лежалъ у задней стѣны соборной ограды; дожди его мочили и отъ собственной тяжести онъ уже наполовину ушелъ въ землю. Изрѣдка мальчишки, ученики приходского училища, собирались около него поиграть, тщетно совали внутрь колокола ручки съ цѣлью найти языкъ—языкъ давно уже, по распоряженію полиціймейстера, былъ спятъ и употребленъ на гнетъ для одной

изъ бочекъ съ кислой капустой, которую полиціймейстеръ ежегодно изготовлялъ хозяйственнымъ способомъ для надобностей нижнихъ чиновъ пожарной команды.

Долго бы пришлось колоколу лежать въ бездѣйстви, уходя постепенно въ мягкую землю—но пріѣхали однажды какіе-то люди, взвалили его на ломовика, увезли и продали на заводъ, выдѣлывавшій мѣдныя пуговицы для форменныхъ мундировъ.

Теперь, если вы увидите чиновничій или полицейскій мундиръ, плотно застегнутый на пуговицы—блестящія серебряныя пуговицы—знайте, что подъ тонкимъ слоемъ серебра скрывается мѣдь.

Пуговицы хорошія, никогда сами собою не растягиваются, а если объ одну изъ нихъ нечаянно звякнетъ орденъ на груди, то звукъ получается такой тихій, что его даже владѣлецъ ордена не услышитъ.

РЕСТОРАНЪ „ВЕНЕЦІАНСКІЙ КАРНАВАЛЬ“.

Глава I. Открытіе.

Недавно, плывя по лѣнивому венеціанскому каналу на лѣнливой гондолѣ, управляемой лѣнливымъ грязноватымъ парнемъ, я подумалъ отъ-нечего-дѣлать:

— Что если бы судьба занесла моего отца въ Венецію? Какую бы торговлю открылъ этотъ неугомонный купецъ, этотъ удивительный беспкойный коммерсантъ?

И тутъ же я мысленно отвѣтилъ самъ себѣ:

— Торговлю лошадиной упряжью открылъ бы мой отецъ. И если бы черезъ мѣсяцъ онъ ликвидировалъ предпріятіе за отсутствіемъ покупателей, то его коммерческая жилка потянула бы его на другое предпріятіе: торговлю велосипедами.

О, Боже мой! Есть такой сортъ неудачниковъ, который всю жизнь торгуетъ на венеціанскихъ каналахъ велосипедами.

Исторія ресторана „Венеціанскій карнаваль“, этого страннаго чудовищнаго предпріятія,—до сихъ поръ стоитъ передо мною во всѣхъ подробностяхъ, хотя прошло уже двадцать два года съ тѣхъ поръ — какъ быстро несемся мы къ могилѣ..

Я былъ тогда настолько малъ, что всѣ люди казались мнѣ громадными, значительными, достойными всяческаго уваженія и преклоненія, а значительнѣе и умнѣе всѣхъ казался мнѣ отецъ, несмотря на то, что къ тому времени три бакалейныхъ магазина его сгорѣли или прогорѣли—я въ тѣ годы не могъ уяснить

себѣ разницы между этими двумя почти одинаковыми словами.

Глухіе разговоры объ открытіи ресторана начались среди взрослыхъ давно, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла и укрѣплялась эта идея. Мнѣ трудно прослѣдить полное ея развитіе и начало осуществленія, потому что въ воспоминаніяхъ дѣтства часто, на каждомъ шагу, встрѣчаются черные зіяющіе провалы, которые ослабѣвшая память не можетъ ничѣмъ засыпать.. Лучше ужь обходить эти бездны, не пытаюсь изслѣдовать ихъ туманную глубину,—а то еще завязнешь и не выберешься на свѣжій воздухъ.

Основаніе ресторана „Венеціанскій карнавалъ“ я считаю съ того момента, когда стекольщикъ подарилъ мнѣ кусокъ оконной замазки, которая цѣликомъ пошла на задѣлываніе замочныхъ скважинъ въ дверяхъ. Какъ членъ нашей дѣятельной семьи, я хотѣлъ этой работой внести свою скромную лепту въ общее строительство, но меня поколотили, и я до вечера просидѣлъ въ углу за печкой, слѣдя за остаткомъ замазки, прилипшей къ башмаку моего отца и весело носившейся съ нимъ изъ угла въ уголь...

Вотъ—замазка на башмакѣ отца, запахъ краски и растерянное лицо матери—это и было начало „Венеціанскаго карнавала“.

Открывая „Карнавалъ“, отецъ, очевидно, искалъ новые пути. Нѣсколько уже существовавшихъ ресторановъ сгруппировались въ центрѣ на главныхъ улицахъ нашего городка и влачили они прежалкое существованіе, а отецъ выбралъ для своего предпріятія окраину—одну изъ безчисленныхъ „продольныхъ“, кольцомъ опоясавшихъ центръ...

Мать возражала:

— Вотъ глупости! Ну, кто пойдетъ сюда? Что за глушь! Вѣдь это форменная слободка.

Отецъ дружески хлопаль ея по рукѣ:

— Ничего... Будущее покажетъ.

Мнѣ очень понравилась большая прохладная комната, сплошь уставленная бѣлоснѣжными столами, солидный буфетъ и прилавокъ, украшенный бутылками и вкусными закусками.

Глава II. Персональ „Венеціанскаго карнавала“.

Штатъ прислуги былъ невеликъ (отецъ предполагалъ значительно увеличить его на будущее время) — слуга Алексѣй, поваръ и поваренокъ.

Алексѣй обворожилъ меня своей особой: отъ него такъ вкусно пахло потомъ здороваго, сильнаго парня, онъ былъ такъ благожелательно лѣнивъ, такъ безумно храбръ, такъ ловко воровалъ у отца папиросы, что мечтой моей жизни сдѣлалось—быть во всемъ на него похожимъ, а впоследствии постараться заполучить себѣ такое же мѣстечко, которое онъ занималъ теперь съ присущимъ ему одному презрительнымъ шикомъ. Я любовался его длинными кривыми ногами и мечталъ: „ахъ, когда-то у меня еще будутъ такія длинныя кривыя ноги“, терся объ его выгорѣвшій засаленный пиджакъ, и думалъ „сколько еще лѣтъ нужно ждать, что бы моя курточка приняла такой пріятный уютный видъ“. Да! Это былъ настоящій человекъ.

— Алексѣй! — спрашивалъ я, положивъ голову на его животъ (обыкновенно, мы забирались куда-нибудь въ чуланъ со съѣстнымъ, или на диванъ въ пустынной билліардной и, лежа въ удобныхъ позахъ, съ наслажденіемъ вели длинныя разговоры).— Алексѣй! Могъ бы ты поколотить трехъ матросовъ?

— Я? Трехъ?

Презрительная, красиво-наглая мина искажала его лицо.

— Я пятерыхъ колотилъ по мордасамъ.

— А что же они?

— Да что-жь... убѣжали.

— А разбойники страшнѣе?

— Разбойники? Да чѣмъ же страшнѣе? Только что людей рѣжутъ, а то такіе же люди, какъ и мы съ тобой.

— Ты бы могъ ихъ поубивать?

Онъ усмѣхался прекрасными толстыми губами (никогда у меня не будетъ такихъ толстыхъ губъ — печально думалъ я):

— Да ужъ получили бы они отъ меня гостинецъ...

— А ты кого-нибудь убивалъ?

— Да... бывало...—зѣвота и плевокъ прерывали его рѣчь (прекрасная зѣвота! чудесный неподражаемый плевокъ!)—въ Перекопѣ четырехъ зарѣзалъ.

Это чудовищное преступленіе леденило мой мозгъ. Что за страшная личность! Что ему, въ сущности, стоитъ зарѣзать сейчасъ и меня, беспомощнаго чело-вѣчка.

— А знаешь, Алексѣй, — говорю я, глядя заиски-вающе его угловатое плечо,—я у папы для тебя сегодня выпрошу двадцать папиросокъ.

— Просить не надо,—разсудительно качаетъ головой этотъ худощавый головорѣзъ.—Лучше украдь поти-хоньку.

— Ну, украду.

— А что, Алексѣй, если бы тебя кто-нибудь оби-дѣлъ?.. Что бы ты...

— Да ужъ разговоръ короткій былъ бы...

— Убилъ бы? Задушилъ?

— Какъ щененка. Одной рукой.

Онъ цинично смѣется. У меня по спинѣ ползеть холодокъ:

— А папу... Ну, если бы, скажемъ, папа отказалъ тебѣ отъ мѣста?

— А что-жъ твой папа? Бриллиантовый, что-ли? Туда ему и дорога.

Послѣ такого разговора я цѣлый день бродилъ, какъ потерянный, нося въ сердцѣ безмѣрную жалость къ обреченному отцу. О, Боже! Этотъ большой высокій человѣкъ все время ходилъ по краю пропасти, и даже не замѣчалъ всего ужаса своего положенія. О, если бы суровый Алексѣй смягчился...

Поваръ Никодимовъ, изгрызанный жизнью старичекъ, былъ человѣкъ другого склада: онъ былъ скептикъ и пессимистъ.

— Къ чему все это?—говаривалъ онъ, сидя на скамеечкѣ у воротъ.

— Что такое?—спрашивалъ собесѣдникъ.

— Да это... все.

— Что все?

— Вотъ это: деревья, дома, собаки, пароходы?

Собесѣдникъ бывалъ озадаченъ.

— А... какъ же?

— Да никакъ. Очень просто.

— Однако же...

— Чего тамъ „однако же!“. Глупо. Я, напримѣръ, Никодимовъ. Да, можетъ быть, я желаю быть Альфредомъ?! Что вы на это скажете?

— Не имѣете права.

— Да? Мерси васъ за вашу глупость. А они, значить, имѣютъ право свое это ресторанный заведеніе называть „Венеціанскій карнавалъ“? Почему? Что такое? Гдѣ карнавалъ? Почему венеціанскій? Бесмысленно. А почему, напримѣръ, я въ желе не могу соли насыпать?

Что? Невкусно? А почему въ супъ—вкусно. Все это не то, не то, и не то.

Въ глазахъ его читалась скорбь.

Однажды мать подарила ему почти новые отцовскіе башмаки. Онъ взялъ ихъ съ благодарностью. Но, придя въ свою комнату, поставилъ подарокъ на столъ и застоналъ:

— Все это не то, не то, и не то!

Пахло отъ него жаренымъ лукомъ. Если Алексѣя я любилъ и гордился имъ, если къ Никодимову былъ равнодушень, то поваренка Мотьку ненавидѣлъ всѣмъ сердцемъ. Этотъ мальчишка оказывался всегда впереди меня, всегда на первомъ мѣстѣ.

— А что, Мотька,—самодовольно сказалъ я однажды.—мнѣ мама сегодня дала рюмку водки на зубъ подержать—у меня зубъ болѣлъ. Прямо огонь!

— Подумаешь — счастье! Я иногда такъ нарѣжусь водкой, какъ свинья. Пьешь, пьешь, чуть не лопнешь. Да, и, вообще, я веду нетрезвый образъ жизни.

— Да?—равнодушно сказалъ я, скрывая бѣшеную зависть (гдѣ онъ подцѣпилъ такую красивую фразу?).— А я нынче пробовалъ со ступенекъ прыгать — уже съ четвертой могу.

— Удивиль!—дерзко захохоталъ онъ.—Да меня анэдись кухарка такъ сверху толкнула, что я всѣ ступеньки пересчиталъ. Морду начисто стеръ. Что кровищи вышло—страсть!

Положительно, этотъ ребенокъ былъ неуязвимъ.

— Мой отецъ, — говорилъ я, напряженно шаркая ногой по полу,—поднимаетъ одной рукой три пуда.

— Эге! Удивиль! А у меня отца и вовсе нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? А гдѣ же онъ?

— Нѣтъ, и не было. Одна матка есть. Что, взялъ?

— А чѣмъ же лучше, если отца нѣтъ? По моему, уже...

— Ахъ ты, кочерыжка! Тебя-то иногда отецъ за ухо дернетъ, а меня нако-ся! Никакой отецъ не дернетъ.

Этотъ поваренокъ умѣлъ устраиваться въ жизни. Никогда мнѣ не случилось видѣть человѣка, который бы жилъ съ такимъ комфортомъ и такъ независимо, какъ этотъ поваренокъ.

Однажды я признался ему, что не люблю его.

— Удивиль!—захохоталъ онъ.—А я не только тебя не люблю, но плевать хотѣлъ и растереть.

Я, молча, ушелъ, и про себя рѣшилъ: лѣтъ черезъ тридцать, когда я выросту, этотъ мальчишка вылетитъ изъ нашего дома.

Глава III. Торговля.

Въ первый день на открытіи ресторана было много народа: священникъ, дьяконъ, наши друзья и знакомые. Всѣ ѣли, пили, и, чокаясь, говорили:

— Ну... дай Богъ. Какъ говорится.

— Спасибо,—повторялъ всѣмъ растроганный отецъ.— Ей Богу, спасибо.

Я сидѣлъ возлѣ него и знакомые спрашивали:

— Ну, какъ ты поживаешь? Прехорошенькій мальчишка! Славный ребенокъ.

Они цѣловали меня и трепали по щекѣ.

— Ага,—разсуждалъ я,— разъ я такой хорошій— можно отъ нихъ кое-что и подцѣпить.

Когда отецъ ушелъ распорядиться насчетъ вина, я обратился къ толстому купцу, который называлъ меня „славнымъ мужчиной и наслѣдникомъ“.

— Дайте мнѣ сардинку, которую вы кушаете.

— Я тебѣ дамъ такую сардинку,—прошепталъ купецъ,— что ты со стула слетишь.

Худая благожелательная дама, назвавшая меня достойнымъ ребенкомъ, ѣла икру.

— Можно мнѣ кусочекъ,—обратилъ я на нее молящій взоръ.

— Пошелъ вонъ, дуракъ. Проси у матери.

— Ловкая,—подумалъ я. — А если я уже получилъ у матери.

Пришелъ отецъ.

— Ну, сказалъ толстый купецъ.—Теперь за здоровье вашего наслѣдника. Дай Богъ, какъ говорится.

Я почувствовалъ себя героемъ.

—А что,—сказалъ я поваренку послѣ обѣда,—а они за мое здоровье пили.

— Удивилъ,—пожалъ плечами этотъ неуязвимый мальчишка,—да мнѣ мать вчера чуть голову не разбила водочной бутылкой—и то ничего.

На другой день ресторанъ открыли въ 12 часовъ утра. Было жаркое лѣто и вся пустынная улица съ рядомъ мелкихъ домишекъ дремала въ горячей пыли. Отецъ сидѣлъ на крыльцѣ и читалъ газету. Въ половинѣ третьяго всталъ, полюбовался на вывѣску „Венеціанскій карнавалъ“, и пошелъ распорядиться насчетъ обѣда.

Въ этотъ день въ „Венеціанскомъ карнавалѣ“ не было ни одного гостя.

— Ничего,—сказалъ отецъ вечеромъ:—еще не привыкли.

— Да кому же привыкать,—возразила мать.—Тутъ вѣдь и народу нѣтъ.

— Зато и конкуренціи нѣтъ! А въ центрѣ эти рестораны, какъ сельди въ бочкѣ. И жалко ихъ и смѣшно.

На второй день въ три часа пополудни въ ресторанъ зашелъ неизвѣстный человекъ въ форменномъ картузѣ. Все пришло въ движеніе: Алексѣй схватилъ салфетку и сталъ бѣгать по ресторану, размахивая ею, какъ побѣжденные—бѣлымъ флагомъ. Отецъ, скрывая приливъ радости, зашелъ солидно за прилавокъ, а сестренка помчалась на кухню предупредить повара, что „каша заваривается“.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ отецъ.

— Не найдется-ли размѣнять десяти рублей?—спросилъ незнакомецъ.

Ему размѣняли и онъ ушелъ.

— Уже заходятъ,—сказалъ отецъ.—Хорошій знакъ. Начинаютъ привыкать.

И его взглядъ задумчиво и выжидательно бродилъ по пыльной улицѣ, по которой шатались пыльные куры, ребенокъ съ деревянной ложкой въ зубахъ и голыми ногами, да тащился, держась за стѣны, подвыпившій человекъ, очевидно, еще не привыкшій къ нашему „Карнавалу“, и накачавшій себя гдѣ-либо въ центрѣ или на базарѣ, ..

Улица дремала, и только порывистый Мотька, мчавшійся изъ мелочной, оживлялъ пейзажъ.

— Мотька,—остановилъ я его,—меня скоро учить начнутъ. Что, съѣлъ?

— Удивилъ!—захихикалъ онъ.— А меня не будутъ совсѣмъ учить. Это, братъ, получше.

Этотъ поваренокъ даже пугалъ меня своей увертливостью и умѣньемъ извлечь выгоду изъ всего...

Только на третій день богъ Меркурій и богъ Вакхъ сжалились надъ моимъ отцомъ и спустились на землю въ видѣ двухъ чрезвычайно застѣнчивыхъ юношей, собравшихся вести разгульную, порочную жизнь.

Эти юноши зашли въ „Венеціанскій карнавалъ“ уже вечеромъ и, забившись въ уголокъ, потребовали себѣ графинчикъ водки и закуски „позабористѣ“.

Отецъ держался бодро, но втайнѣ былъ потрясенъ, а Алексѣй такъ замахалъ бѣлой салфеткой, что самый жестокой побѣдитель былъ бы тронуть и отдалъ бы приказъ прекратить бомбардировку крѣпости.

Когда показалась въ дверяхъ не вѣрившая своимъ глазамъ мать, отецъ подмигнулъ ей и засмѣялся счастливымъ смѣхомъ.

— А что!? Вотъ тебѣ и трущоба!

Все населеніе „Венеціанскаго карнавала“ высыпало въ залъ, чтобы полюбоваться на диковинныхъ юношей. Сестренки прятались въ складкахъ платья матери, поваръ Никодимовъ высовывалъ изъ дверей свою худую фізіономію, забывъ о заказанныхъ биткахъ, а Мотька, за его спиной, таращилъ глаза такъ, будто бы въ ресторанъ забрели попить двою разукрашенныхъ перьями индѣйцевъ.

Юноши, замѣтивъ ту сенсацію, которую они вызвали, отнесли ее на счетъ своихъ личныхъ качествъ и приободрились:

Одинъ откашлялся, передернулъ молодцевато плечами и сказалъ другому не совѣмъ натуральнымъ басомъ:

— А что не шарахнутъ ли намъ по лампадочкѣ?

Другой согласился съ тѣмъ, что шарахнутъ самое подходящее время, и оба выпили водки съ видомъ людей, окончательно махнувшихъ рукой на спасеніе грѣшной души въ будущей жизни.

Вторую рюмку, по предложенію младшаго юноши, „саданули“, третью „вдолбили“, и такъ они развлекались этой невинной игрою до тѣхъ поръ, пока графинчикъ ихъ опустѣлъ, а юноши—ни наполнились до краевъ.

Отецъ приблизился къ нимъ, дружелюбно хлопнулъ старшаго по плечу и сказалъ:

— Ахъ, господа! Я такъ вамъ благодаренъ... Вы, такъ сказать, кладете основаніе... Починъ, какъ говорится, дороже денегъ. Разрѣшите мнѣ по этому случаю угостить васъ бутылочкой вина за мой счетъ.

Старшій юноша не прекословилъ. Кивнулъ головой и сказалъ:

— Царапнемъ. Какъ ты думаешь?

Младшій согласился съ тѣмъ, что „разсосать“ бутылочку вина „недурственно“.

Онъ показался мнѣ тогда образцомъ благодушія, веселья и изящнаго балагурства.

Юноши выпили вино и, когда спросили счетъ за сѣдненное и выпитое раньше, отецъ категорически воспротивился этому.

— Ни за что я этого не позволю, — твердо сказалъ онъ. — Будемъ считать, что вы мои гости.

— Да какъ же такъ, — простоналъ младшій, хватаясь за воспаленную голову. — Это какъ будто не того...

— Мм... да-съ, — поддержалъ старшій. — Оно не всѣмъ „фельтикультяпно“.

Отецъ, наоборотъ, нашелъ въ своемъ поступкѣ всѣ признаки этого джентльменскаго понятія, и юноши, одаривъ Алексѣя двугривеннымъ, ушли, причемъ походка ихъ поразила меня своей сложностью и излишествомъ движеній. Два ряда столовъ указывали имъ прямой фарватеръ, выводящій на широкое открытое море — на улицу, но юноши, какъ два утлыхъ суденышка, потерявшихъ руль, долго носились и кружились по комнатѣ, пока одинъ ни сѣлъ на мель, полетѣвъ съ размаха на столъ, а другой, пытаясь взять его на буксиръ, рухнулъ рядомъ.

Мощный Алексѣй снялъ ихъ съ мели, вывелъ на улицу и они поплыли куда-то вдаль, покачиваясь и стучаясь боками о стѣны...

Глава IV. Печальные дни.

Лѣто прошло и осень раскинула надъ городомъ свое сѣрое, мокрое крыло. Пыль на нашей улицѣ замѣсилась въ бѣлую липкую грязь, дождь тоскливо постукивалъ въ оконныя стекла, въ комнатахъ было темно, неуютно, и казалось, что мѣръ уже кончается, что жить не стоитъ, что надъ всѣмъ пронесся упадокъ и смерть.

Память моя сохранила лица и наружность всѣхъ посѣтителей, перебивавшихъ въ „карнавалѣ“... Съ начала его основанія, ихъ было семь человекъ: два старыхъ казначейскихъ чиновника, хромоу провизору, околоточ-

ный, управскій служащій, помѣщикъ Трещенко, у котораго сломалась бричка, какъ разъ противъ нашего ресторана и неизвѣстный рыжеусый человѣкъ, плотно обѣдавшій и заявившій, что онъ забылъ деньги дома въ карманѣ другого пиджака. Этотъ человѣкъ такъ и не принесъ денегъ: я рѣшилъ, что или у него сгорѣлъ домъ, или воры украли пиджакъ, или, по-просту, его уколошили разбойники. И мнѣ было искренно жаль рыжеусаго неудачника.

...Былъ особенно грустный день. Вѣтеръ рвалъ послѣдніе листья мокрыхъ облѣзлыхъ укусныхъ деревьевъ, уныло высывавшихся изъ-за грязныхъ досчатыхъ заборовъ. Улица была пустынна, мертва, и двери „карнавала“, которыя такъ гостепріимно распахивались лѣтомъ, теперь были плотно закрыты, поднимая адскій визгъ, когда кто-либо изъ насъ беспокоилъ ихъ.

Я сидѣлъ съ Алексѣемъ въ пустой билліардной и, куря папироску, изготовленную изъ спички, обернутой бумагой, слушалъ:

— И вотъ, братецъ мой, приходитъ ко мнѣ генераль и говоритъ: „Вы будете Алексѣй Дмитричъ Моргуновъ?“. „Такъ точно, я. Садитесь, пожалуйста“. „Ничего, говорить. Я и постою“. „А только, говорить, такое дѣло, что моя дочка васъ видѣла и влюбилась, а я васъ прошу отступиться“.—Чего-съ? Не желаю!“.—„Я вамъ, говорить, домъ подарю, пару лошадей и десять тысячъ!“.—„Не нужно, говорю, мнѣ ни золота вашего, ни палатъ, потому все это у васъ наворовано, а дочка ваша должна нынче же ко мнѣ притить!“.—Видалъ? Вотъ онъ и говоритъ: „А я полиціймейстеру заявлю объ такомъ вашемъ дѣлѣ“. „Да сдѣлай милость. Хучь самому околодочному“. Взялъ его за грудки, да и вывелъ, несмотря, что генераль. Ну, хорошо. Приѣзжаетъ полиціймейстеръ. „Вы Алексѣй Моргуновъ?“.—„А тебѣ какое дѣло?“.—„Такое, говорить, что на васъ жалоба“. „Одинъ дуракъ, говорю

жалуется, а другой слушаетъ“. „Отступитесь,— говоритъ, —Алексѣй Дмитричъ. А то, говоритъ, добромъ не кончится“... „Чего-съ? Ахъ ты, селедка полицейская“. „Прошу, говоритъ, не выражаться, а то взводъ городовыхъ пришлю и дѣло все закончу“. „Присылай, говорю. Схватилъ его за грудки, да въ дверь. Ну, хорошо. Приѣзжаетъ взводъ, ружья наголо—прямо ко мнѣ!..

Сердце мое замерло... Я зналъ храбрость этого молодца, былъ увѣренъ въ его дикомъ неукротимомъ мужествѣ и свирѣпости, но страшныя слова „ружья наголо“ и „взводъ“ потрясли меня. Я посмотрѣлъ на него съ тайнымъ ужасомъ, замеръ отъ предчувствія самаго страшнаго и захватывающаго въ его героической борьбѣ съ генераломъ, — но въ это время скрипнула дверь... вошелъ отецъ. Онъ былъ суровъ и чѣмъ-то разстроенъ.

— Вотъ ты гдѣ, капалья, — проворчалъ онъ. — Мнѣ это надоѣло! Цѣлые дни валяешься по диванамъ, воруешь папиросы, а на столахъ въ ресторанѣ на цѣлый палецъ пыли. Получай расчетъ и уходи по добру, по здорову.

Сердце мое оборвалось и покатилося куда-то. Я вскрикнулъ и закрылъ лицо руками... Вотъ оно! Только бы не видѣть, какъ этотъ страшный безжалостный забіяка будетъ рѣзать отца, такъ неосторожно разбудившаго въ немъ звѣря. Только бы не слышать стонувъ моего несчастнаго родителя!

Алексѣй прыгнулъ съ дивана, выпрямился, потомъ наклонился и, упавъ на колѣни, завопилъ плачущимъ голосомъ:

— Вотъ чтобъ я лопнулъ, если бралъ папиросы. Чтобъ меня разорвало, если я не стиралъ пыли нынче утромъ! Только двѣ папиросочки и взялъ! Что-жъ его стирать пыль, если все равно уже недѣля, какъ никто въ ресторанъ не идетъ! Простите меня—я никогда этого не сдѣлаю! Извините меня!

О, чудо! Это крушитель генераловъ и полиціймейстеровъ хныкалъ, какъ младенецъ.

— Я исправлюсь! — кричалъ онъ, бѣгая за отцомъ на колѣняхъ, съ проворствомъ и искусствомъ, поразившими меня. — Я и не курю вовсе! Да и пыли-то вовсе нѣтъ!

— Э, все одинъ чортъ, — устало сказалъ отецъ. — Я закрываю ресторанъ. Наторговались.

Глава V. Ликвидация.

... Рядъ столовъ, съ которыхъ были содраны скатерти, напоминалъ аллею надгробныхъ плитъ... Драпировки висѣли пыльными клочьями—впрочемъ, скоро и ихъ содралъ бойкій чрезвычайно разговорчивый еврей. Уже не пахло такъ весело и обѣщающе замазкой и масляной краской—въ комнатахъ стоялъ запахъ пыли, пустоты и смерти.

Въ темной столовой наша семья доѣдала запасы консервовъ и паштетовъ, какіе-то мрачные, зловѣщіе выползшіе изъ невѣдомыхъ трущобъ родственники съ карканьемъ пили изъ стакановъ вино—остатки погреба „Венеціанскаго карнавала“,—а въ кухнѣ поваръ Никодимовъ сидѣлъ на табуреткѣ съ грязнымъ узелкомъ въ рукахъ и шепталъ саркастически:

— Все это не то, не то и не то!..

Посуда была свалена въ кучу въ темномъ углу, а Мотька сидѣлъ верхомъ на ведрѣ и чистилъ картофель—больше для собственной практики и самоуслаженія, чѣмъ по необходимости.

Я бродилъ среди этого разгрома, закаляя свое нѣжное дѣтское сердце, и мнѣ было жалко всего—Никодимова, скатертей, кастрюль, драпировокъ, Алексѣя и выѣски, потускнѣвшей и осунувшейся.

Отецъ позвалъ меня.

— Сходи, купи бумаги и больших конвертовъ. Мнѣ нужно кое-кому написать.

Я одѣлся и побѣжалъ. Вернулся только черезъ полчаса.

— Почему такъ долго?—спросилъ отецъ.

— Да тутъ нигдѣ нѣтъ! Всѣ улицы обѣгалъ... Пришлось идти на Большую Морскую. Прямо ужась.

— Ага... — задумчиво прошепталъ отецъ. — Такой большой районъ и ни одного писчебумажнаго магазина. А... гм... Не идея-ли это? Попробую-ка я открыть тутъ писчебумажный магазинъ!..

.....
— А что, — говорилъ я Мотыкъ вечеромъ того-же дня—А отецъ открываетъ конверточный магазинъ.

— Большая штука! — вздернулъ плечами этотъ анаѳемскій поваренокъ.—А моя матка отдаетъ меня къ сапожнику. Сапожникъ, братъ, какъ треснетъ колодкой по головешкѣ — такъ и растянешься. Какой человекъ слабый—то и сдохнетъ. Это тебѣ не конверты!

И въ сотый разъ увидѣлъ я, что ни мнѣ, ни отцу не угнаться за этимъ практичнымъ ребенкомъ, который такъ умѣло и ловко устраивалъ свои дѣлишки

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Волга	3
Клусачевъ и Туркинъ	11
Роскошная жизнь	20
Функельманъ и сынъ	31
Святыя души	39
Желтая простыня	47
Скептикъ	57
Участокъ	65
Одно изъ моихъ чудесъ	72
Стихійная натура	80
Ничтожная личность	91
Случай изъ жизни	100
О дѣтяхъ	107
Фабрикантъ	110
Загадки сердца	119
Алло	127
Человѣкъ, которому повезло	135
Равновѣсіе	146
Буржуазная пасха	153
О пароходныхъ гудкахъ	164
Какъ меня оштрафовали	169
Призраки любви	176
Первая дуэль	183
Разсказъ о колоколѣ	192
Ресторанъ „Венеціанскій Карнавалъ“	198

КЕЛЛЕРМАНЪ

- Т. 1. Идиотъ. 1. 50. Т. 2. Море 1. 50.
Т. 3. Ингеборгъ. 1 р. Т. 4. Туннель. 1. 50.

УПТОНЪ СИНКЛЕРЪ

- Т. 1. Испытанія любви. 1. 50. Т. 2. Джунгли. 1. 50.
Т. 3. Деньги. 1 р. Т. 4. Царь Мидасъ 1. 50.
Т. 5. Сильвія. 1. 50.

Художественный переплетъ по 50 к. за томъ.

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ

Съ предисловіемъ Леонида Андреева.

- Т. 1. Морской волкъ . 1. 25. Т. 10. Мартинъ Идэнъ. 1. 50
Т. 2. Обреченные. . . . 1 р. Т. 11. До Адама. . . . 1 р.
Т. 3. Вѣра въ человѣка 1 р. Т. 12. Приключеніе. . . 1. 25.
Т. 4. Приключенія
патруля. 1 р. Т. 13. Когда боги
смѣются 1 р.
Т. 5. Сынъ Волка.
Лунный ликъ. . . . 1 р. Т. 14. Любовь къ жизни. 1 р.
Т. 6. Голосъ крови. . . 1 р. Т. 15. Мои скитанія. . . 1 р.
Т. 7. Сынъ Солнца. . . 1. 25. Т. 16. Дѣти тропиковъ. 1 р.
Т. 8. Дочь Снѣговъ . . 1 р. Т. 17. Лунная долина.
Т. 9. Бѣлый Клыкъ. . . 1 р. Т. 18. Путешествіе на
„Ослѣпительномъ“

Художественный переплетъ по 50 к. за томъ.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталогъ б